DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

I.

НЕЗАБВЕННОЕ ПРОШЛОЕ.

(19 Февраля 1861 года).

Слова трехъ ИМПЕРАТОРОВЪ. — Народный памятникъ въ Москвѣ. — Историческій очеркъ закрѣпощенія и освобожденія крестьянъ.

СЪ РИСУНКАМИ.

II.

КРЕСТЬЯНСКІЯ ЗНАМЕНИТОСТИ

(САМОРОДКИ).

Къ крестьянскимъ дѣтямъ. — Замѣчательные случаи народной смѣтливости и находчивости. —

35 жизнеописаній знаменитостей. — Съ портретами.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Указъ 21 Новемврія 1597 г. 2) Манифестъ 5 Апрѣля 1797 г. 3) Указъ 20 Февраля 1803 г. 4) Указъ 2 Апрѣля 1842 г. 5) Извлеченіе изъ Устава Крестьянскаго Поземельнаго Банка о ссудахъ для содѣйствія въ покупкѣ земель. 6) **Манифестъ 19 Февраля 1861 года.** — Примѣчанія.

Составилъ Я. Д. Верховецъ.

Типографія Товарищества И. Д. Сыт[illegible]. Валовая ул., свой д.
МОСКВА. — 190[illegible]

Дозволено цензурою. Москва 13 октября 1899 года.

323.33
V519N

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Манифестъ 19 Февраля 1861 года.

„Не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзахъ и тому подобному. Эти слухи распускаются Нашими врагами. Всякая собственность, точно также какъ и ваша, должна быть неприкосновенна“.

Слова ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III волостнымъ старшинамъ.

„Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вамъ руководствомъ“.

Слова ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Народный памятникъ.

Мысль о сооруженіи народнаго памятника Царю-Освободителю въ Кремлѣ возникла въ московской городской думѣ. 8 марта 1881 г. городской голова С. М. Третьяковъ въ засѣданіи думы сказалъ гласнымъ слѣдующее: „Сегодня я возвратился отъ гроба въ Бозѣ почившаго Императора Александра II. Я видѣлъ образъ ангельской доброты со слѣдами мученической смерти. Я не въ силахъ передать чувство скорби, удручающее меня въ настоящую минуту. Мы должны подумать, чѣмъ слѣдуетъ Москвѣ увѣковѣчить память о царѣ-человѣкѣ, посвятившемъ всю свою жизнь для блага ввѣреннаго ему народа. Мнѣ пришла мысль при гробѣ почившаго Императора, что Москва должна воздвигнуть ему памятникъ народный въ Кремлѣ, среди русской святыни, передъ дворцомъ, гдѣ онъ родился. Сегодня я узналъ, что подобная мысль возникла и въ московскомъ земствѣ. Я очень радъ, что московскіе люди едино мыслятъ, и увѣренъ, что вся Россія горячо отнесется къ нашей общей мысли“.

На открытіе повсемѣстной въ имперіи подписки и сооруженіе въ Кремлѣ народнаго памятника 14 марта 1881 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Рескриптъ Императора Александра III заканчивался слѣдующими словами:

„Согласно желанію г. Москвы, да будутъ стѣны Кремля вмѣщать въ себѣ воздвигнутый всею Россіей, по почину Москвы, памятникъ Тому, Кто всю жизнь Свою посвятилъ на служеніе возлюбленному отечеству“.

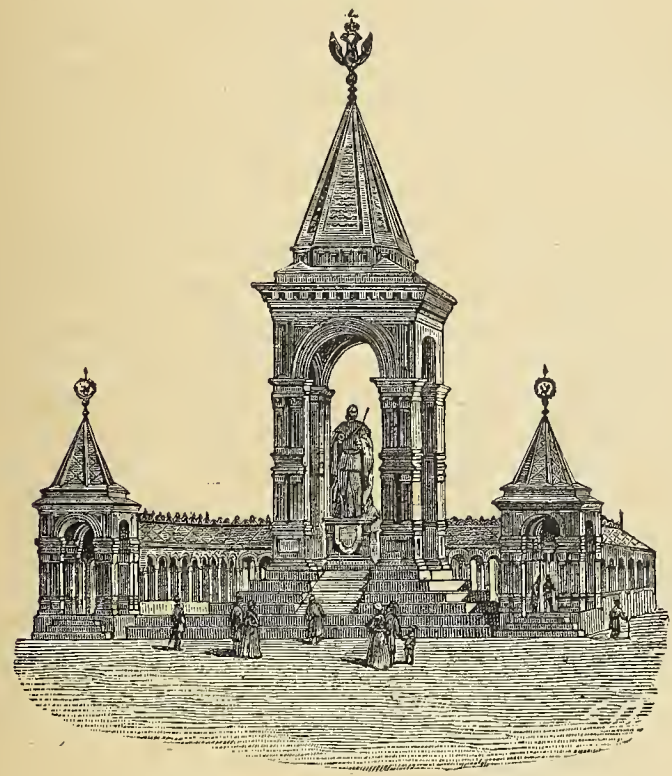
По Высочайше одобренному проекту памятника Н. В. Султанова и П. В. Жуковскаго, приступлено было къ его сооруженію. Памятникъ построенъ по южному склону кремлевскаго холма, противъ Малаго Николаев-

скаго дворца, занимая площадь въ 323 кв. саж. Если смотрѣть на памятникъ съ Замоскворѣчья или со стороны Спасскихъ и Боровицкихъ воротъ, то все сооруженіе представляется какъ бы выростающимъ изъ нижняго кремлевскаго сада, примыкая верхнею своею площадью къ внѣшнему краю плаца. По боковымъ сторонамъ памятника спускаются отъ плаца по склону холма двѣ высокія каменныя лѣстницы, заканчивающіяся общею площадкой и широкимъ сходомъ, ведущимъ въ садъ близъ церкви свв. Константина и Елены. Памятникъ по внѣшнему своему виду состоитъ изъ поднимающагося надъ склономъ кремлевскаго холма выступа въ 8 саж. высоты, обрамленнаго вверху съ трехъ сторонъ сквозною галлереей, со статуей Императора, помѣщенной посрединѣ подъ высокимъ балдахиномъ, или сѣнью съ шатровымъ верхомъ. Своды галлереи поддерживаются 152 колоннами, расположенными въ 2 ряда. Вверху галлереи, начиная съ лѣвой ея стороны, высѣчена надпись: „Сооруженъ добровольнымъ иждивеніемъ русскаго народа. Заложенъ въ лѣто отъ Рождества Бога Слова 1893 великимъ Государемъ нашимъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ и оконченъ при великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ въ лѣто 1898“. Въ галлерею ведутъ два входа въ видѣ сѣней: надъ крышей праваго входа помѣщенъ гербъ дома Романовыхъ, представляющій грифона съ мечомъ и щитомъ. а надъ лѣвою входною сѣнью—гербъ г. Москвы, изображающій Георгія Побѣдоносца. Своды галлереи украшены мозаичнымъ золоченымъ орнаментомъ въ видѣ розетокъ и звѣздъ. Эта мозаика служитъ узорнымъ фономъ. на которомъ расположены. въ самой серединѣ сводовъ. большіе медальонные мозаичные портреты русскихъ государей, начиная съ св. Владимира и кончая Императоромъ Николаемъ I: всего 33 портрета. По бокамъ портретовъ изображены годы начала и конца царствованія каждаго государя. Въ боковыхъ входахъ и въ углахъ галлереи подвѣшены къ своду 4 бронзовыхъ вызолоченныхъ канделябра для электрическаго освѣщенія.

Высоко поднимающаяся надъ галлереей сѣнь сдѣлана изъ темно-розоваго финляндскаго гранита и убрана украшеніями изъ темно-зеленой бронзы съ золотымъ отсвѣтомъ.

Четырехсторонняя кровля главной сѣни. круто поднимающаяся кверху, сдѣлана изъ бронзовыхъ листовъ че-

канной работы, вызолоченныхъ чрезъ огонь и украшенныхъ нѣсколько-выпуклымъ орнаментомъ съ заливкой фона темно-зеленою эмалью. Кровля представляетъ собою какъ бы большой парчевый шатеръ. Шатеръ главной сѣни увѣнчанъ большимъ бронзовымъ золоченымъ двуглавымъ орломъ. Высота сѣни—отъ поверхности площади до вершины орла — 17 саженъ. Въ срединѣ купола изображеніе императорской короны въ золотыхъ лучахъ. По краямъ купола сдѣлана надпись золотыми буквами: „Ро-



Народный памятникъ.

дился 17 апрѣля 1818 г. Вступилъ на престолъ 19 февраля 1855 г. Вѣнчался на царство 26 августа 1856 г. Въ Бозѣ почилъ 1 марта 1881 г.“.

Статуя Императора помѣщается подъ сѣнью на четырехстороннемъ пьедесталѣ изъ краснаго гранита. Исполненная профессоромъ скульптуры А. М. Опекушинымъ, статуя отлита изъ темно-зеленой бронзы; высота ея 7 аршинъ. Императоръ Александръ II изображенъ въ одѣяніи, въ которомъ вѣнчался на царство, въ полной

генеральской формѣ и въ императорской порфирѣ. На лицевой сторонѣ пьедестала сдѣлана надпись:

„ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

ЛЮБОВІЮ НАРОДА“.

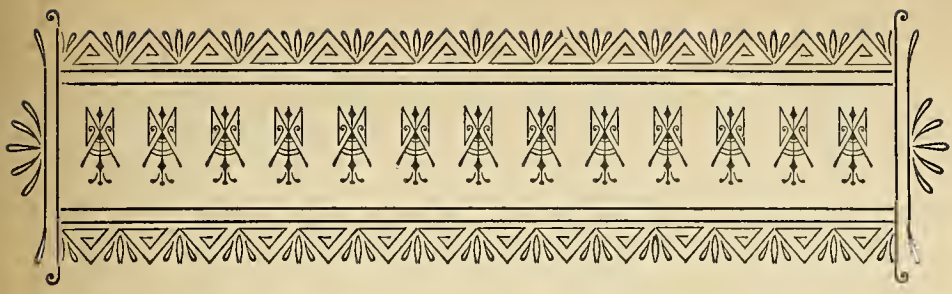
---

16 августа 1898 года торжественно открытъ и освященъ этотъ всенародный памятникъ, воздвигнутый Царю-Освободителю. Открытъ памятникъ въ Высочайшемъ присутствіи Державнаго Внука Царя-Освободителя Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Оеодоровны.

На это всероссійское торжество съѣхались со всѣхъ концовъ обширнаго отечества знатные сановники, знаменитые сподвижники царствованія Александра II, лучшіе русскіе люди, мировые посредники, представители русскаго дворянства, непосредственные дѣятели великой освободительной реформы; предводители дворянства, представители городовъ и уѣздовъ, земскіе дѣятели, георгіевскіе кавалеры, волостные старшины, представители печати и сотрудники русскихъ и заграничныхъ газетъ, а также множество лицъ, пожелавшихъ присутствовать при столь великомъ торжествѣ, пожелавшихъ принести дань благодарности Тому, Кто уничтоженіемъ крѣпостного права далъ свободу и права гражданства *двадцати двумъ милліонамъ* народа,—Тому, Кто вывелъ его изъ мрака невѣжества, положивъ широкое начало развитію образованія устройствомъ народныхъ школъ.

Изъ памяти признательнаго народа никогда не изгладится *свѣтлое событіе* 19 февраля 1861 года, но народъ еще больше оцѣнитъ это великое дѣяніе, когда оно станетъ извѣстно ему во всей подробности, во всей своей послѣдовательности.

Преклонись же, русскій народъ, и молись за Царя-Освободителя, твоего благодѣтеля!



Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
Пушкинъ.

I.

Въ старину на Руси жили много проще, чѣмъ теперь. Нынѣшнихъ сословій не знали, и разница между людьми разнаго положенія только едва-едва намѣчалась. Въ то время различались люди между собой прежде всего по своимъ личнымъ достоинствамъ. Если человѣкъ былъ настолько силенъ, имѣлъ такъ много домочадцевъ, что безъ помощи сосѣдей могъ завладѣть кускомъ земли и обработывать его, то онъ, пріобрѣтая его такимъ образомъ въ собственность, выдвигался изъ ряда другихъ, менѣе сильныхъ, и получалъ особое значеніе въ обществѣ и вліяніе на дѣла его. Такіе люди назывались: лучшими, лѣпшими, передними, добрыми, старѣйшими, волостелями; остальные: мелкими, меньшими, простыми, черными, смердами.

Наши предки жили отдѣльными колѣнами или семьями. Въ домѣ господствовалъ хозяинъ — надъ дѣтьми отецъ, надъ женой мужъ. Семейство жило и управлялось вполнѣ самостоятельно, хотя обычаи и порядки, перешедшіе изъ древности, почитались всѣми и служили какъ бы законною связью между отдѣльными семьями, которыя въ важныхъ случаяхъ сходились на общіе совѣты, особенно, когда имъ приходилось предпринимать какіе-либо воинскіе походы или обороняться отъ враговъ, которые въ тѣ неспокойныя времена не давали пощады даже мирному селянину, неожиданно появляясь отовсюду, производя грабежи и убійства,

Эта необходимость самозащиты, взаимной поддержки, заставила постепенно сплотиться сосѣдей. Впослѣдствіи семьи сблизили свои жилища и, образовавъ селенія, вступали въ общеніе между собою, т.-е. положили начало обществу (общинѣ). Позднѣе нѣсколько такихъ обществъ образовали волость (власть) или область (округъ). Дѣленіе населенія на волости велось съ основанія россійскаго государства, начало которому положено въ 862 году отъ Р. Х., когда новгородцы, изнуренные междоусобіями, вынуждены были призвать чужеземнаго князя.

„Поищемъ себѣ князя, иже бы судилъ намъ по праву", рѣшили они.

Приглашая князя, новгородскіе послы говорили:

— Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Идите княжить и владѣть нами.

О первомъ новгородскомъ князѣ Рюрикѣ говорится, что онъ роздалъ волости мужамъ (боярамъ) своимъ и новгородскимъ.

Въ древнѣйшей новгородской грамотѣ читаемъ:

„Волостей всѣхъ Новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи Новгородскими; а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостей; а безъ посадника тобѣ волостей не раздавати; а безъ вины ти мужа волости не лишити. А се волости Новгородскія: Волокъ, Торжокъ и пр.".

Волости, отдававшіяся княземъ въ управленіе своимъ сыновьямъ, назывались „удѣлами"; тѣ же, которыя управлялись посадниками (намѣстниками), именовались „намѣстничествами". Удѣлы также назывались и уѣздами, въ силу того, что удѣльный князь объѣзжалъ ежегодно опредѣленное число разъ свой округъ, для отправленія суда и сбора повинностей. Для защиты отъ внѣшнихъ враговъ селенія огораживались валомъ или обводились рвомъ, а посреди ихъ строились укрѣпленія, и такія поселенія назывались городами. У богатыхъ городовъ были пригороды, т.-е. укрѣпленные по окраинамъ, заселенные пункты. Съ основаніемъ поселеній и городовъ народъ сталъ управляться „вѣчемъ".

Вѣчемъ называлось народное собраніе, созывавшееся колокольнымъ звономъ. Иногда вѣче созывалось по желанію двухъ заинтересованныхъ лицъ; явка на вѣче не была обязательною, почему оно и не всегда могло состояться. Право участія на вѣчѣ принадлежало лишь

свободнымъ людямъ, и потому дѣти при жизни отцовъ не участвовали въ собраніяхъ. Рѣшенія на немъ постановлялись единогласно или значительнымъ большинствомъ голосовъ. Существованіе вѣча при князьяхъ обусловливалось, главнымъ образомъ, слабостью ихъ власти и могуществомъ личной свободы современнаго общества. Вѣче, ограничивая свободу дѣйствій князя, ставило его иногда въ прямую отъ себя зависимость. Князь и вѣче представляли, такимъ образомъ, двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совмѣстнаго дѣйствія которыхъ необходимо было взаимное соглашеніе, такъ какъ законодательная власть принадлежала князю и вѣчу вмѣстѣ.

Рюрикъ.

Рюрикъ и затѣмъ слѣдовавшіе за нимъ князья, оберегая отечество отъ враговъ, въ то же время заботились и о расширеніи его. Завоеванія ихъ распространялись, главнымъ образомъ, съ сѣвера на югъ — отъ Новгорода къ Кіеву. Войско князя называлось дружиной, которую при Рюрикѣ составляли прибывшіе съ нимъ варяги; позднѣе же ряды ея пополнялись кореннымъ населеніемъ, но служилъ, кто хотѣлъ и кому хотѣлъ. Люди, вступавшіе въ дружину, считались свободными и не платили никакихъ податей. Они несли службу на князя, впослѣдствіи на царя, и были извѣстны подъ именемъ „служилыхъ людей“. Этому военному сословію, въ мирное время, предоставлено было право свободнаго, безсрочнаго владѣнія землей. За исключеніемъ земли, отданной въ его пользованіе, вся остальная считалась собственностью государства и находилась въ пользованіи низшаго (неслужилаго) сословія, за плату (оброкъ) или тягло. Обыкновенно, князья раздавали мѣста своимъ ближайшимъ приверженцамъ, людямъ новымъ и нерѣдко пришлымъ изъ другихъ волостей, устраняя старыхъ дружинниковъ. Это отсутствіе прочной связи служилыхъ людей съ княземъ поддерживало связь ихъ съ остальнымъ населеніемъ волости, съ которымъ у нихъ было много общихъ интересовъ по землевладѣнію, главному источнику богатства и независимаго положенія, какъ передового сословія вообще, такъ и служилыхъ людей въ особенности. Частая же

смѣна князей и раздача мѣстъ новымъ людямъ вынуждали служилыхъ людей, лишавшихся своего положенія при князѣ, совершенно сливаться съ неслужилымъ сословіемъ. Передовые служилые люди не имѣли особыхъ названій и обозначались лишь именами, общими всѣмъ лучшимъ людямъ, — мужи, бояре, княжіе бояре. Боярское сословіе обязано своимъ происхожденіемъ не пожалованію, а естественному преобладанію бо́льшихъ людей, почему оно и не могло быть лишаемо своихъ преимуществъ по усмотрѣнію князя. Служба князю упрочивала положеніе и вела къ боярству. Пользовавшіеся расположеніемъ князя назывались *милостниками*. Къ разряду высшихъ служилыхъ людей относились: посадники, волостели, воеводы, намѣстники, тысяцкіе; завѣдывавшіе же государственными и частными княжескими имуществами носили названіе: дворскіе тіуны, казначеи, ключники, дьяки, посельскіе и путные бояре. Къ низшему слою служилыхъ людей причислялись: отроки, конюхи и ключники.

Ведя войны, князья, въ томъ случаѣ, когда выходили побѣдителями, облагали покоренные народы данью. Интересенъ взглядъ нашихъ предковъ на своихъ данниковъ.

Когда князь Владиміръ (въ 985 г.) побѣдилъ болгаръ, мудрый воевода богатырь Добрыня, осмотрѣвъ плѣнныхъ и видя ихъ въ *сапогахъ*, сказалъ Владиміру:

— Они не захотятъ быть нашими данниками, пойдемъ лучше искать *лапотниковъ*.

Покоренныхъ, отказавшихся платить дань добровольно, брали въ плѣнъ. Военноплѣнные, по преимуществу молодые и сильные, составляя добычу побѣдителей, дѣлились между ними и обращались въ рабство. Знатные воеводы и вообще начальники выбирали себѣ лучшихъ рабовъ и рабынь и составляли изъ нихъ свою прислугу — челядь. Дружинники, обыкновенно, продавали рабовъ своихъ. На ряду съ расширеніемъ границъ своихъ владѣній, князья заботились и о внутреннемъ благоустройствѣ страны, основывая новые города и заселяя ихъ. Такъ, въ суздальской лѣтописи 989 г. читаемъ:

„И пача ставити (Владиміръ святой) грады по Деснѣ и по Остри, и по Трубежу, и по Сулѣ, и по Стугнѣ и нача набирати мужи лучшіи отъ словенъ, отъ кривичъ, отъ чуди, отъ вятичъ и отъ сихъ насели грады: бѣ бо ратенъ съ печенѣги“.

Такіе переселенцы получали земельные надѣлы. Но заселеніе производилось также и плѣнными.

О князѣ Ярославѣ говорится:

„Ярославъ въ 1032 году вывелъ изъ Польши множество плѣнныхъ и, населивъ ими берега Роси, заложилъ тамъ города и крѣпости“.

Этотъ князь населилъ плѣнными также Кіевскую область.

II.

Нельзя умолчать о дѣяніяхъ великихъ князей Владимира Святого и Ярослава Мудраго, такъ какъ при нихъ отечество наше находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Они собрали въ своихъ рукахъ всѣ области Россіи и правили единовластно.

Владимиръ Святой въ 988 году самъ принялъ христіанство и распространилъ его среди своего народа, который очень любилъ его и въ сложенныхъ о немъ пѣсняхъ называлъ его „красное солнышко“. Съ введеніемъ христіанства на Руси появилась и грамотность.

Сынъ Владиміра, Ярославъ, устраивалъ школы и сооружалъ храмы и монастыри. Кромѣ того, уже при Ярославѣ появляются писанные законы, извѣстные подъ именемъ „Русской Правды“. По Русской Правдѣ опредѣлялись наказанія за преступленія, и здѣсь мы узнаемъ, какъ въ то время подраздѣлялись сословія.

Ст. I. „Кто убьетъ человѣка, тому родственники убитаго мстятъ за смерть смертью; а когда не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать деньгами въ Казну: за голову Боярина Княжескаго, Тіуна Огнищанъ или гражданъ именитыхъ, и Тіуна Конюшаго, 80 *гривенъ* [1]) или двойную *Виру* [2]); за Княжескаго Отрока или Гридня, повара, конюха, купца, Тіуна и Мечника Боярскаго, за всякаго Людина, то-есть свободнаго человѣка, Русскаго или Славянина, 40 гривенъ или Виру, а за убіеніе жены полвиры. За раба нѣтъ Виры; но кто убилъ его безвинно, долженъ платить господину такъ называемый урокъ, или цѣну убитаго: за Тіуна сельскаго или старосту Княжескаго и Боярскаго, за ремесленника, дядьку или пѣстуна, и за кормилицу, 12 гривенъ, за простаго холопа Боярскаго и Людскаго 5 гривенъ, и сверхъ того въ Казну 12 гривенъ *продажи* дани или пени“.

Князь съ дружиной составляли одно, а земщина — другое. Это главное дѣленіе русскихъ во времена принятія христіанства. Бояре и тіуны княжескіе занимали первую степень. Люди военные, старшіе дружинники, придворные, купцы принадлежали ко второй степени. Къ третьей степени принадлежали „черные люди“: горожане, кромѣ купцовъ, и сельчане, жившіе на чужихъ земляхъ. Сель-

Владиміръ Святой.

скіе черные люди были свободными людьми и назывались смердами. Четвертую степень составляли холопы, т.-е. люди несвободные, принадлежащіе въ собственность своимъ господамъ. Были въ древней Руси и люди „вольные“, не несшіе никакихъ повинностей, по крайней своей бѣдности, и прислуживавшіе въ чужомъ хозяйствѣ. Къ числу несвободныхъ относились: холопы княжескіе, боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ

нашемъ были, конечно, потомки военноплѣнныхъ; но въ это время, то-есть въ XI вѣкѣ, уже разныя причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ, что „холопомъ *обѣльнымъ*, или полнымъ, бываетъ: 1) человѣкъ, купленный при свидѣтеляхъ; 2) кто не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ, не выговоривъ себѣ свободы; 4) кто безъ условія же пойдетъ въ слуги или въ ключники, и 5) закупъ, то-есть, наемникъ или на время закабаленный человѣкъ, который,

Ярославъ Мудрый.

не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что онъ ходилъ къ Князю или судьямъ искать управы на господина. Но служба не дѣлаетъ вольнаго рабомъ. Наемники могутъ всегда отойти отъ господина, возвративъ ему деньги. Вольный слуга, обманомъ проданный за холопа, совершенно освобождается отъ кабалы, а продавецъ вноситъ въ Казну 12 гривенъ пени“.

III. „Кто самовольно, безъ Княжескаго повелѣнія, накажетъ *Огнищанина* или *Смерда*—платитъ за перваго 12 гривенъ Князю, за втораго 3 гривны, а битому гривну

въ томъ и въ другомъ случаѣ. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется, а господинъ не выдастъ его, то взыскать съ господина 12 гривенъ. Истецъ же имѣетъ право вездѣ умертвить раба, своего обидчика. Если господинъ въ пьянствѣ и безъ вины тѣлесно накажетъ *закупа* или слугу наемнаго, то платитъ ему какъ свободному".

Большая часть денежной пени, какъ видимъ, шла обыкновенно въ казну, ибо всякое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ государя, блюстителя общей безопасности. „Когда на Дворъ Княжескій" — гдѣ обыкновенно судились дѣла — „придетъ истецъ окровавленный или въ синихъ пятнахъ, то ему не нужно представлять инаго свидѣтельства; а ежели нѣтъ знаковъ, то представляетъ очевидцевъ драки, и виновникъ ея платитъ 60 *кунъ*. Ежели истецъ будетъ окровавленъ, а свидѣтели покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то ему нѣтъ удовлетворенія".

V. „Всякій имѣетъ право убить ночнаго татя на воровствѣ; а кто продержитъ его связаннаго *до свѣта*, тотъ обязанъ итти съ нимъ на Княжескій Дворъ. Убіеніе татя (вора), взятаго и связаннаго, есть преступленіе, и виновный платитъ въ Казну 12 гривенъ. Тать *коневый* выдается головой Князю и теряетъ всѣ права гражданскія, вольность и собственность". Столь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга человѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путешествіяхъ. Далѣе: „кто украдетъ скотъ въ хлѣвѣ или въ домѣ, платитъ въ Казну 3 гривны и 30 кунъ, а кто въ полѣ, тотъ 60 кунъ (первое считалось важнѣйшимъ преступленіемъ, ибо воръ нарушалъ тогда спокойствіе хозяина), сверхъ чего за всякую скотину, которая не возвращена лицемъ, хозяинъ беретъ опредѣленную цѣну: за коня Княжаго 3 гривны, за простаго 2, за кобылу 60 кунъ, за жеребца неѣзжалаго гривну, за жеребенка 6 ногатъ, за вола гривну, за корову 40 кунъ, за трехлѣтняго быка 30 кунъ, за годовика полгривны, за теленка, овцу и свинью 5 кунъ, за барана и поросенка ногату".

XIV. „Если обличаются въ воровствѣ холопы Княжескіе, Бояръ или простыхъ гражданъ, то съ нихъ не брать въ Казну пени (взыскиваемой единственно съ людей свободныхъ); но они должны платить истцу вдвое; напримѣръ, взявъ обратно украденную лошадь, истецъ требуетъ еще за нее 2 гривны, — разумѣется, съ господина, который

обязанъ или выкупить своего холопа, или головой выдать его, вмѣстѣ съ другими участниками сего воровства, кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Ежели холопъ, обокравъ кого, уйдетъ, то господинъ платитъ за всякую унесенную имъ вещь по цѣнѣ обыкновенной. За воровство слуги наемнаго господинъ не отвѣтствуетъ; но если внесетъ за него пеню, то беретъ слугу въ рабы или можетъ продать".

„Ежели будетъ *украденъ холопъ*, то господинъ, опознавъ его, также идетъ съ нимъ на сводъ отъ человѣка къ человѣку, и *третій* отвѣтчикъ даетъ ему своего холопа, но съ украденнымъ идетъ далѣе. Отысканный виновникъ платитъ всѣ убытки и 12 гривенъ пени Князю; а *третій* отвѣтчикъ беретъ обратно холопа, отданнаго имъ въ залогъ вмѣсто сведеннаго".

„О *бѣгломъ* холопѣ господинъ объявляетъ на торгу, и ежели чрезъ три дня опознаетъ его въ чьемъ домѣ, то хозяинъ сего дома, возвративъ укрытаго бѣглеца, платитъ еще въ Казну 3 гривны. Кто бѣглецу дастъ хлѣба или укажетъ путь, тотъ платитъ господину 5 гривенъ, а за рабу 6, или клянется, что онъ не слыхалъ объ ихъ бѣгствѣ. Кто представитъ ушедшаго холопа, тому даетъ господинъ гривну; а кто упуститъ задержаннаго бѣглеца, платитъ господину 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ: въ первомъ случаѣ пятая, а во второмъ шестая уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглыхъ. Кто самъ найдетъ раба своего въ городѣ, тотъ беретъ Посадникова Отрока, и даетъ ему 10 кунъ за связаніе бѣглеца". „Кто возьметъ чужаго холопа въ кабалу, тотъ лишается данныхъ холопу денегъ, или долженъ присягнуть, что онъ считалъ его свободнымъ; въ такомъ случаѣ господинъ выкупаетъ раба, и беретъ все имѣніе, пріобрѣтенное симъ рабомъ".

XXV. „Если холопъ *обманомъ*, подъ именемъ вольнаго человѣка испроситъ у кого деньги, то господинъ его долженъ или заплатить или отказаться отъ раба; но кто повѣритъ *извѣстному* холопу, лишается денегъ. Господинъ, позволивъ рабу торговать, обязанъ платить за него долги". „Свидѣтели должны быть всегда граждане свободные; только по нуждѣ и въ маломъ искѣ дозволено сослаться на Тіуна *Боярскаго* или закабаленнаго слугу". (Слѣдственно, боярскіе тіуны не были свободные люди, хотя жизнь ихъ, какъ означено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ жизнью вольныхъ гражданъ). „Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то все его имѣніе взять въ

Казну; буде остались дочери незамужнія, то имъ дать нѣкоторую часть онаго. Но Князь не можетъ наслѣдовать послѣ Бояръ и мужей, составляющихъ воинскую дружину: если они не имѣютъ сыновей, то наслѣдуютъ дочери" *).

III.

На ряду съ изданіемъ законовъ, Ярославъ, для лучшаго управленія государствомъ, еще при жизни подѣлилъ русскую землю на удѣлы между своими сыновьями, чѣмъ положилъ основаніе удѣловъ на Руси. Но вскорѣ послѣ его смерти (въ 1054 году) между сыновьями возникли несогласія, повлекшія за собою раздробленіе Руси на самостоятельныя княжества. Раздоры, происходившіе между князьями, дурно отражались на бытѣ народа. Борьба князей происходила при посредствѣ наемныхъ войскъ—половцевъ и татаръ, вторженіе которыхъ обыкновенно вело населеніе къ разоренію, обнищанію и ко всевозможнымъ притѣсненіямъ. Наиболѣе замѣчательными князьями удѣльной Руси были: Владиміръ Мономахъ, внукъ Ярослава Мудраго, и Андрей Боголюбскій. Владиміръ Мономахъ удерживалъ удѣльныхъ князей отъ распрей, неутомимо заботился о благѣ всего народа и особенно о *смердахъ*, т.-е. о низшемъ населеніи.

Владиміръ славился многими добродѣтелями, и его жизнь служила примѣромъ для другихъ. Имъ было оставлено поученіе къ дѣтямъ: „Вы, дѣти любезные и всякій кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила въ ономъ изображенныя. Не проходите мимо человѣка безъ привѣта и скажите каждому доброе слово. Но больше всего не забывайте убогихъ, сиротъ, вдовицъ, не давайте сильнымъ губить простаго смерда. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, никакой души христіанской. Страхъ имѣйте въ сердцѣ своемъ, милостыню творя неоскудно. Тремя дѣлами можно избавиться грѣховъ своихъ и царствія не лишитеся: покаяніемъ, слезами и милостыней. Эти дѣла важнѣе „чернечьства" и поста. Не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ; не лѣнитесь, лѣность бо мать всему дурному, да не застанетъ васъ солнце на постели; во все входите сами, не полагайтесь на тіуна, на отрока, на воеводу; если идете куда по землямъ своимъ не позволяйте „отрокомъ" обижать людей".

*) «Исторія Государства Россійскаго». *Карамзинъ*. Т. II, стр. 31.

Владимиръ Мономахъ былъ идеалъ древняго русскаго князя. Онъ совершилъ однихъ большихъ походовъ 83, а малыхъ безъ счета и скончался на 73 году отъ роду (1125 г.). Народъ прозвалъ его „страдальцемъ“ (труженикомъ) *„за русскую землю“* и чтилъ его потомковъ.

Андрей Боголюбскій, князь владимиро - суздальскій, былъ любимъ народомъ за то, что держался старинныхъ обычаевъ, велъ воздержную жизнь, строилъ церкви и былъ милосердъ къ бѣднымъ. Каждый день, по его приказанію, возили по городу пищу, питье и раздавали больнымъ и нищимъ, самъ онъ подавалъ милостыню всякому встрѣчному нищему, говоря про себя: „Не Христосъ ли это пришелъ испытать меня?“ Но близкіе бояре и дружинники не любили князя за строгость. Однажды Андрей казнилъ за какую-то вину боярина *Кучковича*, родственника своего по женѣ. Братъ казненнаго, нѣсколько другихъ бояръ и одинъ слуга, младшій дружинникъ (гридень) Андрея составили заговоръ и умертвили князя въ 1174 году. Наименованіе княжескихъ слугъ „гриднями“ произошло отъ гридницы — комната или особое строеніе терема, дворца княжескаго. Въ болѣе позднее время ихъ называли „дворными людьми“ и „дворными слугами“, откуда произошло слово *дворянинъ*, мало-по-малу вытѣснившее всѣ древнѣйшія наименованія. Слово дворянинъ употреблялось въ очень широкомъ смыслѣ и обозначало всѣхъ слугъ князя, жившихъ въ его дворѣ, хотя бы даже они и не принадлежали къ свободному состоянію *). Древнѣйшій случай этого наименованія встрѣчается въ Суздальской лѣтописи (1175 г.). Въ разсказѣ объ убійствѣ князя Андрея говорится, что дворъ князя былъ разграбленъ гражданами боголюбскими и дворянами.

Князь Владимиръ Мономахъ.

*) Сергѣевичъ. «Вѣче и князь».

IV.

Крестьяне подъ своимъ именемъ въ первый разъ встрѣчаются въ *уставной грамотѣ*[3]) митрополита Кипріана — Константинову монастырю (1391 г.). Грамота великаго князя Василія Дмитріевича митрополиту Ѳеодосію 1495 г. называетъ крестьянъ общимъ именемъ *люди*. Этотъ же классъ, по лѣтописямъ и другимъ памятникамъ, носилъ въ древности также названіе *земянъ* и нѣсколько позднѣе былъ извѣстенъ подъ однимъ общимъ названіемъ *чернаго люда*.

Вся земля на Руси раздѣлялась на землю: 1) дикую, т.-е. никому не принадлежавшую; 2) *общинныя* или *черныя* земли, обрабатывавшіяся общинами, и 3) земли *вотчинныя* (княжескія) или *частныя*, принадлежавшія отдѣльнымъ людямъ.

Древнѣйшія грамоты представляютъ крестьянъ людьми вольными, могущими переходить съ одной земли на другую.

Крестьяне *обѣльные* были такіе, которые пользовались разными льготами (освобождались отъ рекрутства, отъ всѣхъ податей и повинностей). Послѣ Петра Великаго уже не давалось обѣльныхъ грамотъ. Они раздѣлялись на *тяглыхъ*[4]) и *нетяглыхъ* (оброчныхъ)[5]); первые платили подати съ земли, а послѣдніе жили на землѣ и владѣли ею не отъ своего лица. Несмотря на такое дѣленіе, крестьяне составляли отдѣльный классъ общества, сохраняя личную свободу, и пользовались гражданскими правами. Каждый крестьянинъ былъ непремѣнно членомъ какой-либо крестьянской общины. Крестьяне владѣли или собственною землей, или общественною, или садились на владѣльческихъ земляхъ.

Въ XIV и началѣ XV вѣка, по замѣчанію историка С. М. Соловьева*), князья и вообще землевладѣльцы старались увеличивать населенность своихъ земель льготами, которыя давали они пришлымъ людямъ. Въ княженіе Дмитрія Донского нѣкто Евсейка вздумалъ переселиться изъ Торжка въ великокняжескую вотчину, на Кострому, и великій князь освободилъ его отъ всѣхъ податей, кромѣ оброка по 5 куницъ на годъ. При уступкѣ земельнаго участка монастырю или какому-нибудь част-

*) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. IV, стр. 1212.

ному лицу, князья обыкновенно помѣщали въ своихъ жалованныхъ грамотахъ условіе, что если землевладѣлецъ населитъ данный участокъ, то населеніе освобождается на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей или тягостей, при чемъ различаются два случая: перезоветъ ли землевладѣлецъ на свой участокъ прежде жившихъ на немъ людей, старожильцевъ, или перезоветъ выходцевъ изъ другихъ княжествъ, инокняженцевъ; для послѣднихъ льготъ было больше, — давалась имъ свобода отъ всѣхъ податей на двойное количество лѣтъ въ сравненіи съ первыми, — обыкновенно на десять лѣтъ вмѣсто пяти. Въ случаѣ успѣшнаго заселенія даннаго участка землевладѣлецъ получалъ новыя льготы, новыя награды: такъ, напримѣръ, монахи Кириллова монастыря за то, что полученную ими пустошь распахали, людей собрали, сельцо и деревни нарядили, получили отъ великаго князя Василія Васильевича льготу: никому изъ чиновниковъ не велѣно было ѣздить на это сельцо и деревни и останавливаться въ нихъ, брать кормы, проводниковъ, подводы. Условія, на которыхъ пришлые люди поселялись на пустыхъ участкахъ, зависѣли отъ взаимнаго соглашенія ихъ съ землевладѣльцами; они могли обработывать землю за извѣстную плату отъ владѣльца, по найму, — и назывались *наймитами;* могли пользоваться землей, уплачивая владѣльцу ея половину собираемыхъ произведеній, — почему назывались *половниками;* крестьянинъ, занявшій при поселеніи деньги у землевладѣльца, назывался *серебряникомъ;* наконецъ, встрѣчаемъ названіе *рядовыхъ* людей, — отъ какого-нибудь ряда, или договора. Изъ княжескихъ грамотъ видно, что эти люди переходили съ одной земли на другую, изъ одного княжества въ другое, перезывались; понятно, что самыя льготы, которыя они получали при

Великій кн. Дмитрій Донской.

заселеніи пустыхъ участковъ, побуждали ихъ къ переходамъ, ибо, живя на одномъ мѣстѣ, напримѣръ, десять лѣтъ, они лишались льготъ, и имъ выгодно было перейти на другое мѣсто, заселивъ которое, они получали опять льготы.

Впрочемъ, видимъ уже ограниченіе произвольнаго перехода сиротъ, или крестьянъ (такъ называемое тогда сельское народонаселеніе), опредѣленіемъ срока для него: сирота могъ оставлять землю, отказываться, только осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, именно — за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю спустя Юрьева дня (26 ноября) осенняго, при чемъ серебряники должны были заплатить свое серебро. Потомъ втрѣчаемъ запрещеніе перехода или перезыва крестьянъ въ видѣ льготы для извѣстнаго землевладѣльца: такъ, напримѣръ, великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена Троицкаго Сергіева монастыря и братію, запретивъ переходъ крестьянамъ-старожильцамъ изъ монастырскаго села Присѣкъ и деревень, къ нему принадлежащихъ. Дальнѣйшимъ ограниченіемъ было запрещеніе землевладѣльцамъ, которыхъ земли были освобождены отъ общаго княжескаго суда и пошлинъ, принимать къ себѣ тяглыхъ волостныхъ людей, тянувшихъ судомъ и пошлинами къ князю; они должны были довольствоваться только перезывомъ инокняженцевъ; такъ, Іоаннъ Калита запретилъ юрьевскому архимандриту принимать на свои земли тяглыхъ волоцкихъ людей и выходцевъ изъ московскаго княжества; такъ, великій князь Василій Димитріевичъ постановилъ это условіе при позволеніи митрополиту Фотію купить деревню въ волости Талшѣ.

Рядомъ съ переходнымъ населеніемъ встрѣчается народонаселеніе несвободное, принадлежащее землевладѣльцамъ; такъ, въ жалованныхъ грамотахъ землевладѣльцамъ отличаются люди, купленные ими, отъ тѣхъ, кого они перезовутъ, или старожильцы и пришлые люди отличаются отъ окупленныхъ. Князья въ своихъ договорахъ отличаютъ холоповъ своихъ отъ сельчанъ, говорятъ о своихъ бортникахъ и оброчникахъ купленныхъ, о людяхъ купленныхъ, о людяхъ дѣловыхъ (ремесленникахъ), которыхъ они прикупили или за вину взяли себѣ, о людяхъ полныхъ (рожденныхъ въ холопствѣ), купленныхъ грамотныхъ (отдавшихся добровольно въ холопство по кабальнымъ грамотамъ).

По судебнику Іоанна (1497 г.) „о крестьянскомъ отказѣ“: „крестьянамъ отказываться изъ волости, изъ села въ село одинъ срокъ въ году (Юрьевъ день). За пожилые дворы платятъ — въ поляхъ за дворъ рубль, въ лѣсахъ полтина. Если крестьянинъ поживетъ за кѣмъ годъ и пойдетъ прочь, то платитъ четверть двора; за два года платитъ полдвора; за три года — три четверти; за 4 — весь дворъ“. Въ переписной книгѣ показывалось, что съ крестьянъ идетъ землевладѣльцу и его ключнику, напримѣръ: „сѣютъ ржи 4 коробьи, а сѣна косятъ 20 копенъ, обжа; доходу одна гривна и десять денегъ, а хлѣба треть, а ключнику двѣ лопатки бараньи, четверть ржи, четверка овса, четверка ячменя, деньга, овчина, сыръ, горсть льну“. Сельское населеніе раздѣлялось на кре-

Іоаннъ Грозный.

Іоаннъ III.

стьянъ и поземщиковъ; крестьянами назывались земледѣльцы, а поземщиками — занимавшіеся другими промыслами: рыболовствомъ, звѣроловствомъ“ и т. д. Въ томъ же судебникѣ говорится о происхожденіи холоповъ: „По полной грамотѣ холопъ, по тіунству и по ключу сельскому холопъ, съ докладомъ и безъ доклада, съ женой и дѣтьми, которые у одного господина; которые же дѣти живутъ за другимъ господиномъ или живутъ сами по себѣ, тѣ не холопи; по городскому ключу не холопъ; по рабѣ холопъ, по холопѣ раба, по приданной записи холопъ, по духовной холопъ. Если холопа полонитъ рать татарская, и онъ выбѣжитъ изъ плѣна, то свободенъ, и старому господину не холопъ“.

Судебникъ 1550 г. облегчилъ переходъ, отдѣливши платежъ за землю и пожилое отъ расчета по ссудѣ и признавши, что расчетъ по ссудѣ не можетъ препятствовать переходу.

Въ концѣ XVI вѣка возраставшія казенныя подати становились тѣмъ обременительнѣе, что, при свободномъ переходѣ, крестьяне, оставшіеся въ общинѣ, должны были платить и за тѣхъ, которые ушли изъ нея.

Въ 1591 году крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, т.-е. отъ нихъ было отнято право свободнаго перехода.

„Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ", говоритъ исторія. Но они остались и теперь свободными людьми.

Прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ было мѣрой для правильнаго сбора податей. Немногіе изъ крестьянъ были землевладѣльцами-собственниками, вообще же они не имѣли собственной земли и селились или на частной, или на общественной черной землѣ. Они могли свободно переходить съ одной земли на другую, только для этого перехода былъ опредѣленъ извѣстный срокъ. Владѣлецъ ни подъ какимъ предлогомъ не могъ удержать у себя крестьянина, а если тотъ долженъ ему, то могъ искать судебнымъ порядкомъ, но не задерживать его. При такихъ постоянныхъ передвиженіяхъ крестьянъ подати не могли быть постоянны и прочны. Землевладѣльцы собирали съ крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, казенные сборы и ужъ сами вносили ихъ въ казну. Понятно, что для нихъ выгодно было показывать меньшее число крестьянъ, а при неосѣдлости крестьянскаго сословія услѣдить за этимъ не было никакой возможности для правительства. Когда же посылались переписчики, то крестьянъ скрывали, угоняли въ лѣса, дворы ихъ показывали пустыми. Для прекращенія злоупотребленій Борисъ Годуновъ рѣшилъ прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Кто изъ крестьянъ жилъ на какой-либо землѣ, частной или общинной, во время изданія указа, тотъ уже не могъ оставить ее, иначе его отыскивали, какъ бѣглаго, и поселяли опять на той же землѣ. Вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ произошло раздѣленіе этого сословія на дворцовыхъ, черныхъ земель и казенныхъ и на крестьянъ владѣльческихъ или частныхъ земель. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, а не къ землевладѣль-

Ѳеодоръ Іоанновичъ.

цу; они были тѣми же жильцами той или другой земли, тѣми же полноправными членами общества, только безсмѣнными жильцами занятой ими земли, крѣпкими землѣ. Крестьяне были прикрѣплены къ землямъ не однихъ только дворянъ и служилыхъ людей, но ко всѣмъ землямъ. Въ указѣ 1591 года говорилось, чтобы всѣ бояре, князья, дворяне, люди воинскіе, приказные и торговые явили крѣпости на своихъ холоповъ или служащихъ, или бѣглыхъ для записанія ихъ въ книги холопьяго приказа, которому велѣно было дать кабалы и на вольныхъ людей, если они находились полгода на службѣ. Землевладѣльцы, кромѣ крестьянъ, крѣпкихъ только землѣ, но полноправныхъ членовъ общества, имѣли холоповъ кабальныхъ и полныхъ, которые были крѣпкими лицу владѣльца, какъ крестьяне — крѣпкими землѣ.

Особенно тяжелъ былъ для кабальныхъ холоповъ, полусвободныхъ людей, *указъ 1597 г.* (см. въ концѣ книги приложеніе № 1). Онъ сравнялъ ихъ съ полными холопами, оставивъ только одну разницу: кабальные холопы служили владѣльцу только до его смерти, поэтому ихъ нельзя было ни продать ни заложить, полные же холопы составляли полную собственность своего владѣльца и переходили къ его наслѣдникамъ.

Крестьяне жалѣли о потерѣ своего права переходить отъ одного владѣльца къ другому. Это распоряженіе и вызвало въ первый разъ вздохъ: „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ Присловье это и доселѣ служитъ невольнымъ выраженіемъ русскаго человѣка, когда случается какая-либо общественная или семейная неудача, ошибка, горе или другое неожиданное печальное событіе.

Крестьяне бѣжали особенно отъ мелкаго дворянства, а за нихъ должны были отвѣчать владѣльцы, платить подати, отбывать службу и разныя повинности. Землевладѣльцы не могли уже такъ легко укрываться отъ платежа въ казну податей за крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ; также они лишились права и возможности перезывать крестьянъ къ себѣ отъ другихъ землевладѣльцевъ.

Въ XVII столѣтіи послѣдовали новыя стѣсненія правъ крестьянъ и распространеніе землевладѣльческихъ правъ. Землевладѣльцы мало-по-малу пріобрѣли: сперва право переводить крестьянъ съ одной своей земли на другую,

свою же, землю, потомъ — переводить съ своей земли на другую землю землевладѣльцевъ по договорамъ съ ними: послѣ—обращать крестьянъ въ дворовыхъ, т.-е. переводить съ земли во дворъ, и, наконецъ, продавать ихъ безъ земли. Первый актъ закрѣпленія крестьянъ безъ земли бояриномъ Матвѣевымъ относится къ 1675 году. Но все это время законъ отличалъ крестьянъ отъ холоповъ, и крестьяне пользовались правами личности и собственности: всѣ государственныя подати лежали непосредственно на крестьянахъ.

V.

Петръ Великій, производя первую ревизію, приказалъ занести крестьянъ и холоповъ въ одинъ списокъ, обложилъ ихъ одинаково *подушною податью*[6]) (взамѣнъ поземельной) и рекрутской повинностью, и тѣмъ крестьянъ сравнялъ съ холопами.

Петръ Великій.

Первая ревизія — народная перепись, по указу отъ 26 ноября 1718 г., имѣла цѣлью опредѣлить, сколько, у кого, въ которой деревнѣ душъ мужского пола, для обложенія ихъ подушною податью и для правильнаго распредѣленія рекрутской повинности. Указомъ отъ 22 января 1719 г. разъяснялось:

„Подъ именемъ душъ мужского пола въ деревнѣ должно считать, какъ крестьянъ и бобылей, такъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые устроены пашней, т.-е., какъ людей, прикрѣпленныхъ только къ землѣ, такъ наемниковъ и крѣпостныхъ людей, полныхъ холоповъ, лишь бы владѣлецъ отвелъ имъ землю“.

„Ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки съ такимъ опредѣленіемъ о дворцовыхъ и прочихъ государевыхъ, патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ селахъ и деревняхъ, тако жъ однодворцамъ, татарамъ и ясачнымъ,

безъ всякой утайки, не взирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписи; но учиня самимъ переписи правдивыя, сколько, гдѣ, въ которой волости, селѣ или деревнѣ, крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню) по именамъ есть мужеска пола, всѣхъ, не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца, съ лѣтами ихъ, и подавать тѣ сказки въ губерніяхъ".

Указъ отъ 22 января 1719 г., повидимому, еще отдѣляетъ холоповъ и вообще дворовыхъ людей отъ крестьянъ; онъ повелѣваетъ подавать сказки только о крестьянахъ, бобыляхъ, задворныхъ и дѣловыхъ людяхъ, которые устроены пашней. Но въ указѣ отъ 5 февраля 1720 г. Петръ Великій написалъ:

„Слышу я, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая жъ утайка, какъ и во дворахъ бывала. Того ради подтвердить указомъ, чтобы всѣхъ помѣщики писали своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть, также и причетниковъ церковныхъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, которымъ особливую роспись также подать надлежитъ, и всѣмъ имъ дайте сроку на полгода".

Повидимому, всѣ люди, отъ стараго до малаго, живущіе въ Россіи, признавались какъ бы государевыми людьми. Рабъ, полный холопъ по закону, переставалъ быть исключительною собственностью господина, какъ только его помѣстили въ число людей, служащихъ государству. Но въ то же время первая ревизія, отринувъ различіе между холопомъ и между крестьяниномъ и кабальнымъ слугой, не составлявшимъ прежде собственности господъ, тѣмъ самымъ сравняла ихъ съ полными холопами, и вполнѣ утвердила господскую власть надъ прежними полусвободными людьми *).

Такимъ образомъ между государствомъ и крестьяниномъ становится посредникомъ землевладѣлецъ. Крестьяне обратились въ крѣпостныхъ людей, и самый платежъ повинностей перешелъ на землевладѣльцевъ.

Цѣлымъ рядомъ указовъ съ 1725 по 1760 г., со времени смерти Петра до воцаренія Екатерины II, довершено было закрѣпощеніе русскаго народа. 1729 г. (26 марта)

---

*) «Крестьяне на Руси», Бѣляева, стр. 229, 231.

повелѣно всѣхъ кабальныхъ людей, жившихъ за господами по срочнымъ и уголовнымъ записямъ, записать за помѣщиками въ вѣчное владѣніе. Государевыхъ вольныхъ людей, если они не годны къ службѣ, отдавать въ крѣпостное владѣніе тѣмъ, которые ихъ запишутъ за собой въ подушный окладъ, а если таковыхъ не найдется, то ссылать ихъ въ Сибирь на поселеніе. 1730 года, въ отмѣну прежнихъ указовъ, запрещено боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія. 1742 г., по указу императрицы Елизаветы, послѣдовала вторая ревизія и разъяснено, что держать крѣпостныхъ дозволяется и такимъ господамъ, у которыхъ нѣтъ деревень, что они должны приписывать ихъ къ домамъ и дворамъ, и только считать ихъ отъ крестьянъ особо, но подушныя велѣно платить и за нихъ, а если за такими приписными дворовыми накопится недоимка болѣе годового оклада, то сдавать ихъ другимъ дворянамъ изъ платежа подушнаго оклада. Указами 1731 г. лишены крестьяне права вступать въ подряды и держать откупа; 1734 г. запрещено имъ заводить суконныя фабрики; 1746 г. купечеству и всякаго званія людямъ, кромѣ благородныхъ, запрещено покупать крестьянъ съ землей и безъ земли; 1747 г. дозволено помѣщикамъ продавать крестьянъ въ рекруты, съ обязательствомъ платить за нихъ подушныя деньги; 1760 г. дозволено дворянамъ приписывать крѣпостныхъ людей и къ арендной, или нанятой, землѣ, хотя она и не составляла ихъ собственности. Наконецъ, 13 декабря 1760 г. даровано было дворянамъ право ссылать людей въ Сибирь, съ зачетомъ ихъ въ рекруты и съ полученіемъ отъ казны денегъ на провозъ и путевые расходы. При Елизаветѣ Петровнѣ владѣніе крѣпостными людьми и землей обусловливалось службой государству, въ противномъ случаѣ имѣніе отбиралось и поступало въ казну. По манифесту 18 февраля 1762 года (при Петрѣ III) и жалованной грамотѣ дворянству отъ 21 апрѣля 1785 г. (при Екатеринѣ II), дворяне освободились отъ обязательной службы государству и получили подтвержденіе права пріобрѣтать недвижимыя населенныя имѣнія

Елизавета Петровна.

и крѣпостныхъ людей на правѣ полной собственности. Хотя императрица Екатерина II высказала свои мнѣнія о крѣпостныхъ крестьянахъ въ своемъ „Наказѣ“, клонив-

Екатерина II.

шіяся въ пользу крестьянъ и противъ неограниченности помѣщичьей власти, въ силу которой устранялись всякія имущественныя права, всякая возможность работать на себя, имѣть что-нибудь свое, но пожеланія, выраженныя

въ „Наказѣ“, не произвели должнаго впечатлѣнія на комиссію, члены которой боролись, главнымъ образомъ, за привилегіи высшихъ сословій. Большинство комиссіи не только не говорило ничего противъ крѣпостного права, но даже явно стремилось къ его распространенію. Купечество тоже настаивало на предоставленіи и ему права владѣть крѣпостными людьми, для выгодъ заводскаго и фабричнаго дѣла. Оно всемѣрно старалось отнять у крестьянъ вообще право торговли, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

VI.

Съ воцареніемъ Императора Павла Петровича начинается улучшеніе быта и увеличеніе правъ крестьянъ.

Императоръ Павелъ Петровичъ.

Въ день коронаціи — высокоторжественный день св. Пасхи, *манифестомъ 5 апрѣля 1797 г.* (см. приложеніе № 2), Императоръ Павелъ утвердилъ постоянный законъ, чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ къ работѣ по праздникамъ, да и въ будни пользовались только 3-дневною работой въ недѣлю, а другіе 3 дня недѣли оставляли крестьянамъ для работъ по крестьянскому хозяйству.

Интересныя свѣдѣнія по крестьянскому вопросу въ царствованіе Императора Александра I сообщаетъ Н. К. Шильдеръ *).

По восшествіи на престолъ 12 марта 1801 г., 10 дней спустя послѣ кончины императора Павла, наканунѣ его погребенія, государь, возвратившись въ кабинетъ послѣ пріема, нашелъ на своемъ рабочемъ столѣ письмо, запечатанное и надписанное ему. Александръ прочелъ неизвѣстное посланіе и былъ глубоко растроганъ и взволнованъ его содержаніемъ.

Оно начиналось слѣдующими словами: „Возлюбленному Царю, одинъ изъ его подданныхъ. Марта 12—22-го 1801 г. Какимъ прекраснымъ днемъ началось Твое царствованіе... Онъ дастъ намъ непреложные законы... Съ

*) «Исторія Императора Алексеандра I», т. II, стр. 328.

другой стороны еще подѣйствуетъ Онъ на нравственность состояній, называемыхъ послѣдними. Онъ обезпечитъ существованіе помѣщичьихъ крестьянъ, поставивъ предѣлы ихъ зависимости, и симъ дастъ имъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни, не прибѣгая къ своеволію, питьямъ, оглушающимъ чувства, и другимъ пріемамъ, свойственнымъ отчаянію и неключимому рабству... Государь, въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ Твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей вѣчной преданности"... Прочитавъ эту исповѣдь неизвѣстнаго автора, излагавшаго съ такимъ увлеченіемъ свои взгляды, стремившіеся къ водворенію въ Россіи законности и обезпеченію за помѣщичьими крестьянами человѣческихъ правъ, Императоръ Александръ велѣлъ непремѣнно отыскать сочинителя. По нѣкоторымъ догадкамъ вѣдавшаго внутренніе дѣла Д. Н. Трощинскаго, что письмо написано было В. Н. Каразинымъ, онъ былъ призванъ къ Трощинскому, и когда Каразинъ признался, онъ немедленно былъ представленъ Императору.

Императоръ Александръ I.

— Ты написалъ эту бумагу?

— Я, государь.

— Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества. Продолжай всегда говорить мнѣ правду. Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ.

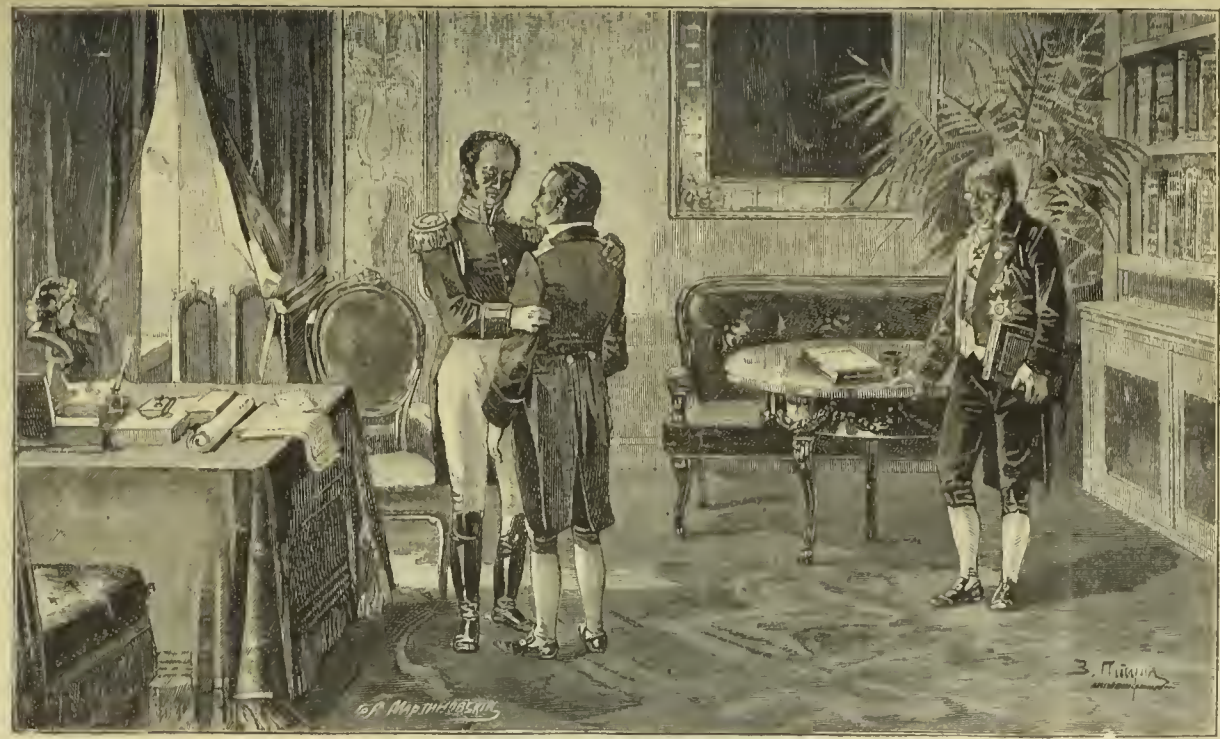
Государь прижалъ его къ своей груди, и Каразинъ, рыдая какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами:

— Клянусь, что буду всегда говорить правду.

Александръ усадилъ Каразина и сказалъ, что онъ коснулся въ бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу.

— Конечно, съ образованія народнаго, — отвѣчалъ Каразинъ.

Началась продолжительная бесѣда по этому предмету, которая кончилась тѣмъ, что государь велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки — двери кабинета были открыты для него.



Каразинъ у Императора Александра I.

Вскорѣ послѣдовалъ, 28 мая 1801 года, указъ, дабы объявленіе о продажѣ людей безъ земли ни отъ кого для припечатанія въ вѣдомостяхъ принимаемо не было. Это распоряженіе обращаетъ на себя вниманіе, какъ первое осторожное мѣропріятіе Императора Александра I, направленное противъ крѣпостного права. Государь не ограничился однимъ запрещеніемъ дѣлать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли и совершеннымъ прекращеніемъ раздачи населенныхъ земель въ собственность частнымъ лицамъ,—онъ желалъ сдѣлать въ пользу этого сословія нѣчто большее. Поэтому крестьянскій вопросъ обсуждался неоднократно въ негласномъ комитетѣ; но государь относился къ этому вопросу крайне боязливо и склонялся къ мнѣнію лицъ, предлагавшихъ принимать мѣры къ улучшенію быта крестьянъ такимъ образомъ, чтобы не раздражать помѣщиковъ и не волновать крестьянъ.

Изъ всѣхъ совѣтниковъ Александра графъ П. А. Строгановъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу этого великаго дѣла и пришелъ къ заключенію, что если во всемъ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи, а въ удержаніи крѣпостного права.

Въ негласномъ комитетѣ, въ засѣданіи 29 іюля 1801 г., Императоръ Александръ, упоминая о наградахъ, которыя онъ былъ намѣренъ раздать въ Москвѣ, замѣтилъ, что никому не дастъ крестьянъ и что въ этомъ отношеніи онъ не отступитъ отъ принятаго имъ намѣренія.

Въ день коронаціи Александра, 15 сентября 1801 г., манифестомъ того числа крестьянъ не было вовсе роздано, къ великому огорченію многихъ жаждавшихъ сего отличія. Вотъ что отвѣчалъ Александръ одному изъ сановниковъ, просившему пожалованія имѣніемъ: „Большая часть крестьянъ въ Россіи—рабы: считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и потому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность“. Къ числу попытокъ Императора Александра вступить на путь, который бы велъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, слѣдуетъ отнести *указъ отъ 20 февраля 1803 г. о свободныхъ земледѣльцахъ* (см. приложеніе № 3). Этимъ указомъ разрѣшалось всѣмъ помѣщикамъ, кто пожелаетъ, увольнять своихъ крестьянъ

цѣлыми селеніями или отдѣльно съ землей, по заключеніи условій, на обоюдномъ согласіи основанныхъ. Министерству Внутреннихъ дѣлъ предоставлялось разсмотрѣніе и утвержденіе этихъ условій. Мѣра эта была обнародована вслѣдствіе изъявленнаго графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцевымъ желанія отпустить на волю нѣкоторыхъ крестьянъ съ участками земли. Эта благая мѣра, согласовавшаяся съ задушевными мыслями и желаніями Императора, нашла себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, ожесточенныхъ критиковъ среди русскаго общества. Въ жизни русскаго народа указъ 20 февраля не сопровождался тѣми благодѣтельными послѣдствіями, которыя были возможны; онъ былъ обставленъ такими стѣснительными формальностями, и исполненіе его отличалось такою боязливостью, что скромный успѣхъ въ освободительномъ смыслѣ былъ возможенъ отчасти только первое время*).

Затѣмъ непрерывный рядъ внѣшнихъ войнъ похоронилъ крестьянскій вопросъ. Но зато съ тѣхъ поръ въ общество прочно запала мысль освобожденія крестьянъ, и въ концѣ царствованія она уже стала неопровержимою истиной въ убѣжденіяхъ многихъ выдающихся передовыхъ дѣятелей той эпохи.

---

*) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская весьма многихъ изъ своихъ крестьянъ уволила въ свободные хлѣбопашцы. Въ 1838 г. она заключила договоръ объ увольненіи съ крестьянами Хатунской вотчины, Серпуховского уѣзда, главныя постановленія котораго мы и приведемъ здѣсь: «уволила въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ 5518 душъ муж. п. съ ихъ женами, обоего пола дѣтьми, до ревизіи и послѣ оной рожденными, внучатами, пріемышами и въ безвѣстныхъ отлучкахъ находящимися, также съ пожилыми и заработными ихъ деньгами». Въ «неотъемлемую собственность» увольняемыхъ крестьянъ помѣщица предоставила всю пахотную и непахотную землю съ сѣнными покосами, лугами и лѣсами, съ озерами, рѣками, мельницами и рыбными ловлями, съ отходными пустынями и проч. угодьями, «сколько къ нимъ по межерымъ книгамъ, планамъ, писцовымъ выписямъ и крѣпостямъ принадлежитъ и чѣмъ оные крестьяне доселе владѣли и нынѣ владѣютъ, не оставляя за собой ни единаго четверика земли, а также и съ господскимъ и крестьянскимъ хороменнымъ жильемъ и нежилымъ строеніемъ, садами, огородами, коноплянниками, огуменниками съ посѣяннымъ и непосѣяннымъ всякаго рода хлѣбомъ, рогатымъ и нерогатымъ скотомъ и птицами,—словомъ, со всѣмъ ихъ крестьянскимъ, въ чемъ бы оно ни состояло, имуществомъ».

Всей земли въ этомъ имѣніи было 31.111 дес., т.-е. по 5,60 д. на душу. Требуемое закономъ раздѣленіе земли графиня предоставила крестьянамъ сдѣлать самимъ «въ свое время... полюбовно и безобидно», по примѣру другихъ уже уволенныхъ ею въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ Ярославской губерніи. Всѣ квитанціи за отданныхъ въ рекруты изъ увольняемаго имѣ-

Императоръ Николай I постоянно заботился объ улучшеніи быта крестьянъ, и въ его царствованіе издано было много указовъ, облегчавшихъ ихъ положеніе. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Въ 1823 году — о дарованіи свободы крестьянамъ, отданнымъ помѣщиками къ разночинцамъ въ услуженіе безъ письменныхъ видовъ.

1830 г. Дозволеніе помѣщичьимъ крестьянамъ входить въ обязательство съ казной только по предметамъ ихъ промышленности и на содержаніе почтовыхъ станцій.

1831 г. Жена членовредителя, отправленнаго въ ссылку, съ выдачей за него помѣщику зачетной рекрутской квитанціи, свободна отъ крѣпостной зависимости и снабжается паспортомъ на жительство.

Императоръ Николай I.

О правилахъ, на основаніи коихъ дозволяется помѣщичьимъ крестьянамъ въ Грузіи, продаваемымъ съ публичныхъ торговъ и по частнымъ сдѣлкамъ, откупаться отъ крѣпостного права.

О дозволеніи безземельнымъ крестьянамъ, описаннымъ за казенное взысканіе, записываться въ мѣщане съ 5-лѣтнею отъ платежа податей льготой.

Запрещеніе пріобрѣтать на будущее время покупкой крестьянъ чиновникамъ, получившимъ чины коллежскаго асессора или 8 класса при отставкѣ.

1833 г. Запрещеніе принимать крестьянъ помѣщичьихъ безъ земли въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ дол-

---

нія крестьянъ въ зачетъ будущихъ наборовъ, а также купленныя самими крестьянами помѣщица предоставила въ полную ихъ собственность. За свое увольненіе и уступку имъ земель крестьяне обязались уплатить помѣщицѣ 2.260.800 р. ассигн. (это составляетъ по 115 р. сер. съ души).

Самою крупною помѣщичьею вотчиной изъ всѣхъ выкупленныхъ на свободу въ царствованіе Императора Николая I было воронежское имѣніе гр. Петра Дмитріевича Бутурлина, въ которомъ было около 12.000 т. м. п., почти пятая часть всего числа перешедшихъ въ эту эпоху въ свободные (хлѣбопашцы).

(«Крестьянскій вопросъ въ Россіи», *В. И. Семовскаго*. II т., стр. 211).

говъ, равно продавать и уступать по дарственнымъ записямъ отдѣльно отъ семействъ.

Дозволеніе помѣщичьимъ людямъ, бывшимъ въ ополченіи и получившимъ знакъ отличія военнаго ордена (св. Георгія), вступать на военную службу.

2 апрѣля 1842 г. № 15462. *О предоставленіи помѣщикамъ заключать съ крестьянами договоры на отдачу имъ участковъ земли въ пользованіе за условленныя повинности, съ принятіемъ крестьянами, заключившими договоръ, названія обязанныхъ крестьянъ* (см. приложеніе № 4).

Рядомъ съ такими мѣрами правительства объ улучшеніи быта крестьянъ встрѣчаются интересныя явленія того времени, свидѣтельствующія о высокомъ подъемѣ духа и развитіи народа. По записямъ, начатымъ въ 1751 году, Полушина, крестьянина села Иванова-Вознесенскаго, сдѣлавшагося впослѣдствіи зажиточнымъ фабрикантомъ, видно, что въ этомъ селѣ проживали богатые и вліятельные ситцевые фабриканты, будучи въ то же время крѣпостными людьми, и въ сущности не имѣли никакого (юридическаго) права на свое имущество. Замѣчательнѣе всего, что это обстоятельство не мѣшало „имъ лично имѣть своихъ крестьянъ". О покупкѣ ими крѣпостныхъ свидѣтельствуютъ записи Полушина. Въ виду странности подобнаго положенія дѣлъ, владѣлецъ Иванова, графъ Шереметевъ, началъ (съ 1827 г.) отпускать своихъ крѣпостныхъ фабрикантовъ на волю. С. К. Шомовъ былъ первый по числу изъ ивановскихъ крестьянъ, получившихъ свободу; за нимъ послѣдовалъ длинный рядъ ивановскихъ фабрикантовъ. Періодъ времени отъ 1827 по 1839 годъ можно назвать „періодомъ освобожденія". Въ эти 12 лѣтъ вышли изъ крѣпостной зависимости 34 семьи самыхъ крупныхъ ивановскихъ фабрикантовъ. Выкупная сумма не превышала 20.000 руб. съ семьи и въ большинствѣ случаевъ была значительно ниже этой цифры. Дѣло небывалое въ исторіи крѣпостного права.

Императоръ Николай I сознавалъ необходимость освобожденія крестьянъ, но мысль эту не успѣлъ осуществить при жизни. Доказательствомъ этому служатъ слова Александра II при вступленіи на престолъ 19 февраля 1855 г., обращенныя къ членамъ Государственнаго Совѣта:

„Въ годину тяжкихъ испытаній посѣтило насъ новое несчастіе: мы лишились отца и благодѣтеля Россіи. Покойный государь, мой незабвенный родитель, любилъ Рос-

сію и всю жизнь постоянно думалъ объ одной только ея пользѣ. Каждое его дѣйствіе, каждое его слово имѣло цѣлью одно и то же — пользу Россіи. Въ постоянныхъ и ежедневныхъ трудахъ его со мною онъ говорилъ мнѣ „Хочу взять себѣ все непріятное и все тяжкое, только: бы передать тебѣ Россію устроенною, счастливою и спокойною“. Провидѣніе судило иначе, и покойный государь, въ послѣдніе часы своей жизни, сказалъ мнѣ: „Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ“. Я отвѣчалъ ему: „Ты — мы всегда говорили другъ другу ты — ты, вѣрно, будешь тамъ молиться за твою Россію и за дарованіе мнѣ помощи“. — „О, вѣрно, буду“, отвѣчалъ онъ. Я увѣренъ въ этомъ, потому, что душа его была чистая. Въ этой надеждѣ на молитвы моего незабвеннаго родителя и въ упованіи на помощь Божію, на которую я всегда надѣялся и надѣюсь, я вступаю на родительскій престолъ“.

О, славенъ тотъ, кто въ ратномъ полѣ
Мечомъ побѣдъ войну пресѣкъ;
Но тотъ славнѣй, кто на престолѣ
И мудрый царь и человѣкъ;
Кто льетъ щедротой дни златые,
И въ сердцѣ кто хранить возмогъ
Тѣ добродѣтели святыя,
Которыхъ образомъ Самъ Богъ.

П. Козловъ.

VII.

Великое, святое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости всецѣло принадлежитъ Императору Александру II, положившему на проведеніе этого самаго крупнаго преобразованія своего царствованія много силъ и труда.

Побороть всѣ тѣ препятствія, которыя воздвигались почти на каждомъ шагу при проведеніи великаго преобразованія было не легко.

Въ составъ учрежденнаго секретнаго комитета, коему были поручены подготовительныя работы, то-есть собираніе необходимыхъ свѣдѣній и матеріаловъ по вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ, входила значительная

часть крѣпостниковъ, вредно вліявшихъ на ходъ дѣла. До половины 1857 года этотъ комитетъ почти бездѣйствовалъ. Со вступленіемъ въ члены комитета великаго князя Константина Николаевича, проведеніе преобразованія стало болѣе чѣмъ неизбѣжнымъ. Великій князь служилъ прочнымъ оплотомъ мысли уничтоженія цѣпей рабства. Онъ съ жаромъ отстаивалъ ее передъ крѣпостниками, нерѣдко вступая съ ними въ продолжительные горячіе споры, и въ то же время всѣми мѣрами побуждалъ комитетъ къ проявленію надлежащей дѣятельности. Всѣ послѣдующія работы по освобожденію крестьянъ производились при постоянномъ близкомъ участіи Константина Николаевича, всецѣло посвятившаго себя этому дѣлу, вложившаго въ него всю свою благородную душу *).

Въ 1858 году, по предложенію государя, открылись губернскіе комитеты, въ которыхъ поспѣшно приводились въ порядокъ матеріалы по улучшенію быта крестьянъ. Александръ II по этому вопросу съ дворянами нѣкоторыхъ губерній говорилъ лично. Смыслъ и значеніе его обращеній къ нимъ были во всѣхъ случаяхъ одинаковы. Для примѣра приводимъ одну изъ такихъ рѣчей, сказанную тверскому дворянству.

„Господа, я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало мнѣ преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь я вамъ поручилъ важное для меня и для васъ дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе. Лицамъ, изъ среды вашей выбраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ. Обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности такъ, чтобы было безобидно и для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ, поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно

*) «Изъ эпохи великихъ реформъ» *Джаншіева*, стр. XIX.

ЦАРЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ.

для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положенія поступятъ черезъ министерство на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, — при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя, наши цѣли одиѣ — общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе; убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, а не препятствовать".

Въ 1859 году была учреждена редакціонная комиссія для составленія проекта положенія о крестьянахъ. Въ нее входили между прочимъ: Н. А. Милютинъ, Д. Ѳ. Самаринъ, Я. А. Соловьевъ, кн. В. А. Черкасскій, гр. П. Д. Киселевъ, С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ — лучшіе ея дѣятели, горячо относившіеся къ разрабатываемому вопросу и содѣйствовавшіе полному его успѣху. Главнѣйшимъ же дѣятелемъ комиссіи былъ, несомнѣнно, предсѣдатель оной — Я. И. Ростовцевъ — лицо, пользовавшееся неограниченнымъ довѣріемъ государя.

Когда Ростовцевъ получилъ увѣдомленіе о Высочайшемъ назначеніи на должность, съ оговоркой, если онъ согласится принять эту обязанность, онъ отвѣчалъ князю А. Ф. Орлову: „Принимаю я на себя не съ согласіемъ, но съ молитвой, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга. Съ молитвой къ Богу, чтобы Онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность государя. Съ благоговѣніемъ къ государю, удостоившему меня такого святого призванія. Со страхомъ предъ Россіей и предъ потомствомъ, съ чувствомъ долга предъ своею совѣстью".

Вотъ что сказалъ государь членамъ этой комиссіи: „Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть цѣнить его. Это дѣло щекотливое, я знаю. Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе".

Ростовцевъ работалъ съ рѣдкимъ увлеченіемъ и бодро шелъ къ намѣченной цѣли. Но, къ сожалѣнію, ему не пришлось довершить столь прекрасно начатое дѣло. Онъ захворалъ желчною лихорадкой и умеръ, послѣ непродолжительной болѣзни, 6 февраля 1860 года.

Съ той минуты, какъ во главѣ редакціонной комиссіи не стало горячаго защитника дѣла освобожденія и неутомимаго руководителя, оно лишилось прочной опоры. Положеніе осложнилось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что предсѣдателемъ былъ назначенъ графъ В. Н.

Чтеніе манифеста въ церкви.

Панинъ, принадлежавшій къ партіи крѣпостниковъ. Этотъ выборъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ желаніямъ противниковъ преобразованія, и они уже предрѣшали исходъ его въ желательномъ для себя смыслѣ, но дѣло комиссіи было доведено до конца, благодаря непреклонной волѣ и попеченіямъ о немъ государя. Когда Царь-

Освободитель, своимъ царскимъ сердцемъ понялъ, что пришла пора довести до конца это справедливое дѣло, онъ потребовалъ, чтобы его рѣшили немедленно, безъ всякихъ проволочекъ.

Объ этомъ Императоръ говорилъ 28 января 1861 года, т.-е. за полмѣсяца до манифеста, въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта.

„У меня есть еще другое убѣжденіе,— сказалъ онъ,— а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля, и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю, — и это моя непремѣнная воля, — чтобы дѣло это теперь же было окончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія, какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ“.

По волѣ императора, дѣло быстро пошло въ ходъ, государь стоялъ на своемъ только во имя любви къ Россіи. 16 февраля всѣ подготовительныя работы были окончены. 19 февраля государственный секретарь отвезъ въ Зимній дворецъ проектъ манифеста и указа Сенату. Государь наканунѣ подписанія манифеста молился и плакалъ на могилѣ своего августѣйшаго родителя.

Историкъ М. П. Погодинъ сообщаетъ, что въ день подписанія манифеста государь горячо молился въ уединеніи, а подписавъ: „и плакалъ-то Онъ, и смѣялся, и дѣточекъ цѣловалъ, и близкихъ обнималъ, спрашивалъ и разсказывалъ. Окружавшіе диву давались, глядя на Него; маленькая дочка побѣжала къ своей образной, вынула образочекъ Благовѣщенія и принесла къ Нему въ подарокъ на память о днѣ крестьянскаго освобожденія“.

Обнародованіе манифеста состоялось 5 марта, послѣ того, какъ манифестъ былъ отпечатанъ въ громадномъ количествѣ. Благая вѣсть о свободѣ была прочитана въ церквахъ съ амвона. Кромѣ того, экземпляры манифеста были расклеены на стѣнахъ. Государь прочелъ лично манифестъ въ манежѣ. Когда въ 2 часа дня, государь, возвращаясь съ развода, проѣхалъ мимо громадной толпы

народа, собравшейся на Царицыномъ лугу (послѣдній день масляной недѣли, гулянье), раздалось такое „ура“, отъ котораго, казалось, земля затряслась, шапки полетѣли вверхъ, и народная радость достигла высшаго напряженія.

Площадь передъ Зимнимъ дворцомъ, куда направился потомъ государь, была тоже сплошь покрыта народомъ. Гулъ стоялъ въ воздухѣ. Народъ плакалъ въ умиленіи; всѣ обнимались, цѣловались точно въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Вдругъ эта масса народа заволновалась сильнѣе... шапки полетѣли на воздухъ. Многіе изъ толпы пали на колѣни. Показалась коляска: въ ней сидѣлъ Императоръ Александръ Николаевичъ, съ умиленіемъ глядя на толпу... Кто видѣлъ это зрѣлище, тотъ навсегда запечатлѣлъ его въ сердцѣ своемъ и на всю жизнь сохранилъ благоговѣйное воспоминаніе. Въ тотъ же день счастливый монархъ навѣстилъ свою дочь, малолѣтнюю великую княжну Марію Александровну, и, сіяя отъ радости, цѣлуя ее, сказалъ, что *„сегодня — лучшій день моей жизни“*. Радостная вѣсть объ уничтоженіи крѣпостного права быстро облетѣла все обширное отечество. Народъ восторженно встрѣчалъ объявленіе манифеста, вознося горячія молитвы за великаго государя, даровавшаго ему полную свободу и съ нею всѣ человѣческія права. Съ благоговѣніемъ читали и перечитывали крестьяне дорогую грамоту. Вы найдете ее въ приложеніи къ этой книжкѣ.

Кому не извѣстны на Руси прекрасныя слова поэта:

Посмотри — въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь...
Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что жъ такъ слушаютъ малютку?
Аль ужъ такъ умна?
Нѣтъ, одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, малюткѣ,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Освободитель! передъ подвигомъ Твоимъ
Нельзя не преклонить колѣни...

(19 февраля 1861 г.).

Русскіе крестьяне благодарятъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.

Чтеніе манифеста на площади Зимняго Дворца.

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей;
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...
Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу.
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ,
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ.
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братья, это — только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

А. Майковъ.

Другіе наши поэты привѣтствовали день освобожденія также не менѣе прекрасными и сильными словами:

ВОЛЯ.

Ахъ ты, воля, моя воля,
Золотая ты моя!
Воля соколъ поднебесный,
Воля свѣтлая заря!
Воля солнце золотое,
Ясный мѣсяцъ въ небесахъ,
Воля звѣздочка златая
Въ ясныхъ Божьихъ высотахъ!
Не съ росой ли ты спустилась?
Не во снѣ ли вижу я?
Знать, горячая молитва
Долетѣла до царя.
Знать, провѣдалъ нашъ кормилецъ
Про житье-бытье, нужду;
Знать, увидѣлъ нашъ родимый
Горемычную слезу.
Позаботился не мало, —
Дай Богъ здравія ему;
Слово молвилъ: чудо стало,
Все сбылось, какъ наяву.
Богъ храни тебя, соколикъ,
Съ слезой радости скажу,
И съ копейкой трудовою
Въ церковь Божію пойду.
Веселись же людъ крещеный
И свободу и царя
Дружно, весело мы встрѣтимъ,
Міромъ грянемте ура!!!

19 февраля 1861 года.

Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!
Воспойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ!
Осанна! Вайями усыплемте дорогу!
Разбита рабства цѣпь. Вставайте мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
Гдѣ вы родилися, гдѣ отжили отцы!
Прощенье прошлаго! Забвеніе былого!
Оплотъ косненія и порчи сокрушенъ.

На свѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите,
Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь, братья, вамъ. Богъ помочь въ новомъ
бытѣ,
Не стойте — прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ: живымъ работы много.
Впередъ, насъ братья ждутъ! Впередъ рука съ рукой.
Теперь вамъ всѣмъ одно — всѣмъ общая дорога.
Вы, чуждые досель, сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь, наконецъ, другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.
Но рабство сломано; давайте жъ руки намъ,
Давайте и пойдемъ, пойдемъ: насъ ждетъ работа;
И радость и печаль — все вмѣстѣ, пополамъ,
Про дѣло земское, всѣмъ общая забота.
Пойдемъ. Свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ;
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ:
„Христосъ, Христосъ воскресъ!“ Воистину воскресъ!
И стала наша Русь землей людей свободныхъ!
Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь тому,
Тому, кто, какъ пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

М. И. Розенгеймъ.

Въ честь доблестныхъ дѣятелей на память исторіи и потомству выбиты были: золотая и серебряная медали съ изображеніемъ Александра II и надписью: „благодарю“. Одна изъ медалей возложена была на могилу перваго предсѣдателя редакціонной комиссіи Я. И. Ростовцева. Потомство Ростовцева было возведено въ графское достоинство. Открывая новую жизнь для освобожденныхъ крестьянъ, Царь-Освободитель далъ имъ еще большія права, вводя въ 1864 году новые суды, куда призваны были и крестьяне творить судъ гласно, открыто для всѣхъ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, наравнѣ съ другими сословіями. Не меньшія права даны были и при основаніи земскихъ учрежденій, коимъ ввѣряется завѣдываніе дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда.

Основаны народныя училища.

Въ 1874 году изданъ „уставъ о воинской повинности“, въ которомъ сказано, что „защита престола и отечества есть священная обязанность *каждаго* русскаго подданнаго“, т.-е.. кто бы онъ ни былъ — дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ или крестьянинъ, всѣ сословія подлежатъ воинской повинности.

И этого царя-батюшку убили супостаты среди бѣлаго дня и посреди своего народа! Вѣсть объ этомъ страшномъ. неслыханномъ злодѣяніи противъ помазанника Божія сильно поразила сердца вѣрныхъ сыновъ отечества, и много было пролито искреннихъ сердечныхъ слезъ о безвременной кончинѣ обожаемаго царя. Много. очень много было сдѣлано добрыми людьми въ пользу бѣдствующаго брата для увѣковѣченія памяти Царя-Мученика. Крупныя пожертвованія щедро потекли на сооруженіе церквей и благотворительныхъ учрежденій, а бѣдный крестьянинъ воздалъ ему долгъ истинно по-христіански. Прислушайтесь въ дни поминовенія, и вы услышите не разъ имя „Императора Александра II“. Это — признательные крестьяне внесли его въ свои поминальныя книжки на вѣчное поминовеніе изъ рода въ родъ.

Есть прекрасное стихотвореніе:

Вѣчная память
въ Бозѣ почившему государю
Царю-Освободителю
Александру II.

1-го марта 1881 года.

Не умеръ онъ, нашъ царь, хоть подъ рукой злодѣя,
Избранникъ Господа. онъ мученикомъ палъ.
Безсмертной славою, во вѣки вѣкъ владѣя,
Не умеръ онъ. о, нѣтъ. хоть жить онъ пересталъ.
Его душа жива. жива въ его дѣяньяхъ,
Въ мильонахъ душъ живыхъ, освобожденныхъ имъ
И слившихся теперь въ молитвахъ и рыданьяхъ
Надъ избавителемъ замученнымъ своимъ.
Она жива въ правахъ, дарованныхъ отчизнѣ,
Дремавшей сотни лѣтъ тяжелымъ, мрачнымъ сномъ
И пробужденной имъ къ великой, новой жизни —
Лучомъ развитія, живительнымъ лучомъ.
Не преклоняй главы подъ тяжестью позора,
Отчизна бѣдная! Онъ не винитъ тебя.

Не шлетъ съ небесъ проклятья и укора.
Съ любовью въ жертву онъ принесъ себя.
Онъ молится... Съ креста, въ вѣнцѣ Своемъ терновомъ,
Такъ нѣкогда Христосъ молился за людей...
Онъ молится... И предъ святымъ и чистымъ словомъ,
Быть-можетъ, ницъ падетъ въ раскаяньи злодѣй.
Презрѣнные сыны проклявшей васъ отчизны,
Чѣмъ смоете теперь пятно съ ея чела?
Не смолкнетъ никогда въ ней голосъ укоризны,
Съ тѣхъ поръ, какъ кровь царя ей сердце обожгла.
Вамъ не достичь вовѣкъ своихъ преступныхъ цѣлей:
Дружнѣй сплотится Русь вкругъ русскаго царя,
И сынъ закончитъ все въ отцовскомъ славномъ дѣлѣ,
И ярче заблеститъ та чудная заря —
Заря прекрасная любви и возрожденья.
Которая прольетъ свой чистый, теплый свѣтъ
На всѣ грядущія отнынѣ поколѣнья
И возвеличитъ Русь на много-много лѣтъ.

VIII.

Казалось, что съ кончиной Царя-Мученика наступитъ безправіе и пойдутъ безпорядки въ государствѣ. Но вступившій на престолъ Царь-Миротворецъ Александръ Александровичъ, еще будучи наслѣдникомъ уже пользовавшійся любовію народною за свою любовь ко всему русскому, мощною рукою сразу пресѣкъ зло въ корнѣ.

Императоръ Александръ III при вступленіи на престолъ, манифестомъ 1 марта 1881 года *о приведеніи крестьянъ къ присягѣ* (см. прил. № 5) впервые призвалъ крестьянъ *наравнѣ со всѣми вѣрными подданными.*

Не менѣе радостенъ для сердца народа и манифестъ отъ 29 апрѣля 1881 года (см. прил. № 6), *о призывѣ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ къ служенію вѣрой и правдой Его Императорскому Величеству и Государству къ искорененію гнусной крамолы, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій Россіи.*

Въ царствованіе Александра III особенно упорно распускались злыми людьми слухи о какомъ-то передѣлѣ земли, что будутъ отбирать землю отъ помѣщиковъ и раздавать неимущимъ классамъ населенія. Государь издалъ

повелѣніе 18 мая 1882 г. объ учрежденіи крестьянскаго поземельнаго банка.

Банкъ выдаетъ ссуды для содѣйствія въ покупкѣ земель:

1) сельскимъ обществамъ,

2) отдѣльнымъ поселеніямъ, не составляющимъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ,

3) товариществамъ крестьянъ и

4) отдѣльнымъ крестьянамъ, а также и проживающимъ въ селеніяхъ мѣщанамъ, постоянно занимающимся земледѣліемъ (*О порядкѣ выдачи ссудъ и укрѣпленіи пріобрѣтаемыхъ при помощи оныхъ земель* см. приложеніе № 7).

А что нелѣпые слухи о передѣлѣ земли несомнѣнно распространялись врагами отечества, мы имѣемъ неоспоримое тому доказательство въ достопамятныхъ словахъ, сказанныхъ государемъ императоромъ волостнымъ старшинамъ во время коронаціи 21 мая 1883 года:

„Я очень радъ еще разъ видѣть васъ, душевно благодарю за ваше сердечное участіе въ торжествахъ Нашихъ, къ которымъ такъ горячо относится вся Россія. Когда вы разъѣдетесь по домамъ, передайте всѣмъ Мое сердечное спасибо: слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзахъ и тому подобномъ. Эти слухи распускаются Нашими врагами. Всякая собственность, точно такъ же какъ и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья".

Чтобы никто не могъ сбить съ толку крестьянъ темными слухами о такихъ распоряженіяхъ Правительства, которыхъ оно никогда не дѣлало, и о такихъ намѣреніяхъ его, которыхъ оно вовсе не имѣетъ, съ 1 сентября 1881 года, по Высочайшему повелѣнію, начинаетъ выходить народная газета: правительственный „Сельскій Вѣстникъ", волостнымъ правленіямъ разсылаемый безплатно, весьма полезный и необходимый для каждаго селянина. Въ „Вѣстникѣ" помѣщаются всѣ распоряженія правительства, касающіяся сельскаго состоянія, а также полезные совѣты и наставленія по всѣмъ вопросамъ крестьянскаго быта. „Сельскій Вѣстникъ" пришелся крестьянамъ по душѣ и нынѣ расходится въ огромномъ количествѣ *).

---

*) Стоитъ съ пересылкой чрезъ волостныя правленія всего 1 руб. въ годъ, съ приложеніемъ безплатно ежемѣсячнаго журнала «Богъ-Помочь» и календаря со справочною книжкой, а чрезъ почтовыя мѣста — 1 руб. 20 коп.

Императоръ Александръ III.

Указомъ 20 мая 1885 г. назначенъ обязательный *выкупъ* [7]) крестьянами своей земли отъ помѣщиковъ, и такимъ образомъ они изъ временно-обязанныхъ навсегда превратились въ крестьянъ-собственниковъ.

Съ 1 января 1886 г. прекращено взиманіе подушной подати.

Не изгладится изъ памяти народной чудесное спасеніе Царской Семьи 17 октября 1888 г. при крушеніи поѣзда на станціи „Борки". Въ этомъ событіи, явленной милости Божіей надъ Россіей, особенно ярко и наглядно проявилась любовь народа къ своему царю; чѣмъ только не ознаменовалъ народъ свою радость: устройствомъ храмовъ, богадѣленъ, пріютовъ, больницъ и т. п. Невольно приходятъ на память слѣдующіе стихи:

17-е октября.

„Отчего сегодня, мама,
Все звонятъ колокола
И лампадку, словно въ праздникъ,
Предъ иконой ты зажгла?
Развѣ праздникъ!?"
— Да, мой милый!
Въ этотъ день, потрясена —
Словно громомъ — Божьимъ чудомъ,
Наша вздрогнула страна...
Ѣхалъ царь съ своей Семьею...
Поѣздъ вдругъ сошелъ съ пути, —
Было многимъ здѣсь могилу
Суждено, дитя, найти!
Кровь лилась, стонали люди,
Смерть была со всѣхъ сторонъ!
Государь съ своей Семьею —
Только Богомъ былъ спасенъ!
Оттого-то и лампаду
Я зажгла у образовъ...
Послѣ судъ былъ... все открыли, —
Чья вина была, чей грѣхъ.—
„Что же? — вдругъ спросилъ малютка —
Царь велѣлъ казнить ихъ всѣхъ?"
— Нѣтъ, мой милый! Милость Божью
Твердо помня надъ собой,
Всѣхъ простилъ онъ, царскимъ словомъ
Снялъ со всѣхъ вину долой!

И задумался ребенокъ...
Мать окончила разсказъ;
По щекамъ его бѣжали
Слезы тихія изъ глазъ...
И, вечернюю молитву
Въ этотъ свѣтлый день творя,
Онъ спросилъ у мамы тихо
Имя добраго царя.

Въ 1887 году учреждены церковно-приходскія школы. Школы эти быстро стали распространяться по всей Руси и въ настоящее время достигли громадной цифры; въ 1894—95 году имѣлось 31.835 школъ, а учащихся въ нихъ было 981.076. Высшее управленіе церковно-приходскими школами и школами грамоты во всѣхъ епархіяхъ имперіи принадлежитъ Святѣйшему Синоду съ состоящимъ при немъ училищнымъ совѣтомъ. Ближайшими и непосредственными дѣятелями по открытію и устройству школъ и главными руководителями служатъ приходскіе священники и прочіе члены причта*).

Въ 1889 г. издано положеніе о переселенцахъ, облегчающее крестьянамъ возможность переселяться въ Сибирь и другія многоземельныя мѣста.

---

*) На содержаніе церковныхъ школъ изыскано духовенствомъ мѣстныхъ средствъ въ 1894—95 гг. 2.685.343 руб. Сверхъ того, на это дѣло выдано правительственнаго пособія изъ государственнаго казначейства:

постояннаго — 175.000 руб.
единовременнаго — 94.350 »
» 95.700 »

Въ 1898 г. по ходатайству Святѣйшаго Синода Высочайше утверждена выдача изъ суммъ государственнаго казначейства ежегодно пособія 3.279.645 р.

Наравнѣ съ обученіемъ грамотѣ и развитіемъ умственныхъ способностей учащихся, церковная школа ставитъ для себя задачей и воспитаніе учащихся. Она стремится къ тому, чтобы пробудить и укрѣпить въ своихъ питомцахъ живое благочестіе въ духѣ православной Церкви, расположеніе къ ея установленіямъ и завѣтамъ, насадить и развить любовь къ родителямъ и чувство самоотверженной преданности Царю и Престолу, предохранять отъ дурного вліянія среды. При многихъ церковно-приходскихъ школахъ руководителями пѣнія устраивались изъ учащихся правильные хоры для пѣнія въ церкви во время богослуженія. Въ 1894 году было болѣе 3.200 хоровъ. Также преподаются ремесла: токарное, столярное, кузнечное, сапожное, переплетное и друг. Для снабженія церковныхъ школъ учебниками и книгами для внѣкласснаго чтенія училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ въ 1891 г. учрежденъ книжный складъ. Училищный совѣтъ имѣлъ при этомъ въ виду удешевить необходимыя для церковныхъ школъ книги, какъ-то: буквари, учебники по Закону Божію, пособія по обученію церковно-славянскому языку и церковному пѣнію и т. п., и черезъ это доставить епархіальнымъ училищ-

1891 годъ особенно памятенъ для русскаго народа:

1) Во время путешествія на востокъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, въ Японіи, въ г. Отсу, 29 апрѣля было сдѣлано покушеніе на жизнь Его, но Богомъ хранимый Государь былъ чудесно спасенъ;

2) во многихъ губерніяхъ Россіи случился ужасный голодъ, но отеческою заботливостію государя, повелѣвшаго выдать изъ казны 160.000.000 руб., и учрежденіемъ комитета подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника, страшное бѣдствіе было облегчено, и

3) въ томъ же году положено начало великому Сибирскому пути.

Заключеніемъ съ Франціей въ 1893 году союза, направленнаго къ сохраненію мира, Императоръ Александръ III, по кончинѣ своей 20 октября 1894 года, получилъ въ исторіи наименованіе Царя-Миротворца. Кончина Его оплакана уже не одною только Россіей, но и другими народами, пользующимися благами мира.

Вотъ что было изложено въ манифестѣ о восшествіи на престолъ возлюбленнымъ Монархомъ нашимъ Николаемъ Александровичемъ о незабвенномъ Родителѣ и данномъ Имъ Самимъ обѣтѣ:

„Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея

нымъ совѣтамъ возможность снабжать подвѣдомственныя имъ церковныя школы книгами въ большомъ количествѣ. Въ 1894 г. съ такою же цѣлью учреждена была издательская комиссія. Въ первый же годъ своего существованія издательская комиссія разослала безплатно въ епархіальные совѣты 1.607.000 учебныхъ книгъ, на сумму 192.325 руб.; въ томъ же году, по требованію епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и братствъ, разослано учебниковъ 939.949 экземпляровъ, на сумму 131.848 руб., въ 1895 г. разослано безплатно въ сибирскія и кавказскія епархіи 378.900 экземпляровъ учебныхъ книгъ, на сумму 49.439 руб., и, кромѣ того, во всѣ епархіи за плату выслано 862.854 экземпляра, на сумму 159.356 руб. Въ 1894 и 1895 гг. издательскою комиссіей разослано безплатно для школьныхъ библіотекъ 64.000 экземпляровъ книгъ подъ названіемъ «Приходская Библіотека», на 15.610 рублей. («Прав. Вѣстн.», 1898 г., № 190).

предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его царствованіе.

„Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпитъ Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша — скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудетъ онъ, что сила и крѣпость святой Руси — въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на прародительскій престолъ Россійской имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, пріемлемъ священный обѣтъ передъ лицомъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ“.

Казалось бы, что при такой заботливости Царя и правительства о благѣ народа не должны бы имѣть мѣста нелѣпыя бредни о какихъ-то земельныхъ передѣлахъ, но, къ сожалѣнію, онѣ встрѣчаются еще и нынѣ въ средѣ невѣжественныхъ, темныхъ людей. Очевидно, люди эти не понимаютъ, что правительство для того и существуетъ, чтобы охранять личность и собственность (имущество) каждаго изъ насъ, и потому не можетъ издавать такихъ несправедливыхъ распоряженій, какъ вздорный и нелѣпый слухъ о томъ, что будутъ отбирать отъ людей богатыхъ пріобрѣтенное ими лично и по наслѣдству, или добытое трудами предковъ и отцовъ, и раздавать неимущимъ. Это было бы прямое беззаконіе. Подобныя нелѣпости могутъ распространять лишь неблагонамѣренные, недобросовѣстные и лѣнивые люди, которые хотятъ имѣть достатокъ, лежа на боку, не трудясь и забывая, что праздность всему злу вина. Лучше жить въ бѣдности, нежели въ неправедно нажитомъ богатствѣ. Разумный человѣкъ долженъ помнить, что счастье не въ богатствѣ и не въ большомъ количествѣ земли, а въ душевномъ спокойствіи, довольствѣ собой и своимъ положеніемъ.

Счастье человѣка составляютъ: истинная вѣра въ Бога, взаимная любовь, жизнь по совѣсти и честный, разумный трудъ. Къ сожалѣнію, большинство въ нашемъ крестьянскомъ быту полагаетъ свое благополучіе не въ

грудѣ, а только въ многоземельности, и притомъ безъ правильной и разумной обработки земли.

Вслѣдствіе этого такъ часто происходятъ:

во-первыхъ — *переселеніе на многоземельныя мѣста* (въ Сибирь).

Правда, земли тамъ много, но и желающихъ попасть туда не меньше; теперь насчитываются уже сотни тысячъ ежегодно переселяющихся изъ внутреннихъ (южныхъ) губерній; 10 и менѣе лѣтъ тому назадъ можно было еще дѣлать выборъ любого участка земли, но теперь, когда наплывъ переселенцевъ все увеличивается, приходится даромъ тратить деньги и время на поиски подходящихъ участковъ и брать что случится. Это еще при лучшихъ условіяхъ, когда хватаетъ средствъ добраться до мѣста.

Нерѣдко бываетъ хуже: въ надеждѣ получить въ далекой сторонѣ по возможности большое количество земли, многіе, продавъ за безцѣнокъ домъ и имущество, отправляются цѣлою семьей, сами хорошенько не зная, куда и ради чего; но у кого по дорогѣ умеръ членъ семьи, кто потерялъ отца, мать, сына или дочь, кто лишился лошади или истратилъ послѣднія крохи, — тѣмъ пришлось вернуться съ полдороги съ пустыми руками, побираясь Христовымъ именемъ, и на родинѣ слоняться по сосѣдямъ, служа посмѣшищемъ своей опрометчивости. И такихъ насчитываются десятки тысячъ!

Во вторыхъ — *покупка земель чрезъ посредство крестьянскаго банка.*

По отчетамъ банка видно, что сотни сдѣлокъ по покупкѣ земли расторгаются, потому что или не внесенъ во-время задатокъ, или купленная земля за неплатежъ срочныхъ взносовъ назначена въ продажу съ публичнаго торга. Много бываетъ и такихъ случаевъ, что за неплатежъ взносовъ и недоимки продается не только купленная, но даже и надѣльная земля, составлявшая отдѣльную крестьянскую собственность.

Тѣ, которые не ладили въ торгнествѣ, сами не умѣли или не хотѣли работать, разорились, какъ здѣсь, такъ и на новыхъ мѣстахъ, въ Сибири. А кто съ умомъ и трудится, тотъ и на родинѣ процвѣтаетъ и богатѣетъ.

Вотъ что сообщаютъ въ газетѣ „Сынъ Отечества" объ огородникахъ.

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА:
Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.

„Надѣлъ земельный у ростовскихъ (Ярославской губ.) крестьянъ — всего $1^1/_3$ десятины на душу, тѣмъ не менѣе, здѣшніе крестьяне, живущіе исключительно однимъ огородничествомъ, обезпечены гораздо лучше нашего южнаго и сѣвернаго крестьянина-земледѣльца. Есть села, имѣющія общественные капиталы по 40.000 руб., процентами съ которыхъ уплачиваютъ многія общественныя повинности. Плохой огородникъ не получаетъ съ десятины 300 руб., а есть получающіе и по 500 руб.“.

«Кто къ труду имѣетъ ревность,
Богъ того благословитъ».

Трудолюбіе поощряется и съ высоты Царскаго престола.

Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ благоугодно было принять подъ Свое покровительство попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. „Попечительство имѣетъ цѣлью содѣйствовать устройству домовъ трудолюбія, а равно оказывать поддержку къ дальнѣйшему развитію и преуспѣянію существующихъ благотворительныхъ заведеній подобнаго рода. Назначеніе домовъ трудолюбія — приходить на помощь бездомнымъ, выпущеннымъ изъ больницъ и не имѣющимъ еще заработка, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія по отбытіи наказанія и всѣмъ вообще впавшимъ въ крайнюю бѣдность предоставленіемъ имъ честнаго труда и пріюта“.

Здѣсь будетъ умѣстно привести достопамятныя слова Государя Императора Николая Александровича, сказанныя Имъ волостнымъ старшинамъ во время коронаціи, 18 мая 1896 года.

„Императрица и Я сердечно благодаримъ васъ за выраженныя вами чувства любви и преданности. Не сомнѣваюсь, что ихъ раздѣляютъ всѣ ваши односельчане. Когда увидите ихъ — передайте имъ Наше спасибо. Заботы о благѣ вашемъ такъ же близки Моему сердцу, какъ онѣ были близки Дѣду Моему и незабвенному дорогому Родителю. Помните слова, сказанныя Имъ здѣсь волостнымъ старшинамъ при вѣнчаніи Его на царство. Между вами есть многіе, слышавшіе ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вамъ твердымъ руководствомъ. Дай вамъ Богъ въ будущемъ здоровья и успѣховъ въ трудѣ и добрыхъ дѣлахъ“.

Во второй части этой книги, подъ названіемъ „Крестьянскія знаменитости", мы поговоримъ о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, о горестяхъ, радостяхъ, недостаткахъ и успѣхахъ его и о цѣломъ рядѣ такихъ лицъ, которыя, не ожидая (воображаемаго), когда будутъ отнимать землю отъ помѣщиковъ и раздавать неимущимъ, собственнымъ умомъ и знаніемъ добились высокаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ послужили не только обществу, но оказали и государству незабвенныя услуги.

Это наша сила и наша слава.

Крестьянскія знаменитости.

(САМОРОДКИ).

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай,—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой.

Некрасовъ.

„... И тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
А мыслью оживленъ одной:
Что къ пользѣ общей онъ стремится".

Крыловъ.

Говоря о нашихъ знаменитостяхъ, надо сказать, что отъ Бога данный талантъ они не зарывали, какъ скряга зарываетъ кладъ, а употребляли его на общую пользу. И каждому изъ насъ слѣдуетъ такъ поступать. Всякій долженъ смотрѣть со вниманіемъ на все, что совершается вокругъ него, что испытываетъ и встрѣчаетъ во время своей жизни. Не надо проходить мимо того, что съ перваго раза кажется страннымъ или непонятнымъ, — нѣтъ, остановись, разсмотри, подумай — и поймешь, что̀ и какъ. А изъ такого пониманія можно извлечь для себя пользу. Кто привыкъ размышлять о всякой вещи, дознаваться, доходить умомъ-разумомъ до точности, почему все происходитъ такъ, а не этакъ, тотъ и въ бѣдѣ какъ разъ распознаетъ, отчего именно бѣда приключилась; а если знаешь отчего, то нетрудно найти и средство, какъ поправить ее. Мы только непривычны къ этому, и лѣнь одолѣваетъ насъ нещадная: лѣнь думать, размышлять, доискиваться до настоящихъ причинъ. Много всякихъ невзгодъ съ нами случается, но вмѣсто того, чтобы разсудить, отчего невзгода произошла и какъ бы ее поправить, а не то и совсѣмъ отстранить, чтобы никогда больше насъ не донимала, мы отдѣлываемся разными отговорками. Въ особенности двѣ отговорки намъ любы: первая, что эта, молъ, невзгода не съ нами одними случается, не при насъ она и началась, а бывала и при отцахъ нашихъ и при дѣдахъ,—стало-быть, она не въ диковинку, и какъ-нибудь можно горе перегоревать. А другая — что эта, молъ, невзгода — Божіе попущеніе, Божья воля, потому не слѣдъ противъ нея итти. Скажемъ, да и рукой махнемъ. То-есть, неохота думать да хлопотать, — *лѣнь*. И невдомекъ намъ, что мы Господа Бога гнѣвимъ, сваливая на Него всѣ наши невзгоды, которыя, если правду

сказать, происходятъ отъ нашего неразумія. Такъ, часто у насъ на словахъ имя Божіе, только благочестія нѣтъ и въ душѣ пустое безчувствіе да лѣнь заскорузлая. Богъ любитъ тѣхъ, кто пользуется Его дарами, щедро разсыпанными вокругъ насъ по Его неизреченной милости: только мы даровъ этихъ не разумѣемъ и не стараемся разумѣть, оттого и бѣды наши всѣ происходятъ. И въ нихъ, стало-быть, виноваты мы сами, сами же мы ихъ и поправлять должны и можемъ по большей части. Такъ, если бы мы хорошенько подумали о себѣ — своихъ недостаткахъ, то навѣрно при стараніи и излѣчили бы себя отъ многихъ пороковъ. Возьмемъ хотя ту же зависть бѣднаго къ богатству другихъ. „Зачѣмъ, дескать, вотъ однимъ много, а у меня, — не у насъ, а именно у меня, — мало?"

Кромѣ бѣднаго, и нѣсколько зажиточный тоже мечтаетъ: „Ахъ, если бы мнѣ выиграть или *какъ-нибудь* заполучить побольше денежекъ. Вотъ я то-то и то-то сдѣлалъ бы".

А разспросите хорошенько, и выходитъ, что это „то-то" — пустить пыль въ глаза, щегольнуть, показать передъ своимъ братомъ, такимъ же неимущимъ и жаждущимъ богатства: вотъ, молъ, я имѣю и могу дѣлать, что хочу (бездѣльничать, сладко пить, ѣсть и наряжаться), а ты нѣтъ, и потому на тебя мнѣ наплевать и знать тебя не хочу и проч.

Другой, именно бѣднякъ, выражаетъ свое желаніе, какъ будто, скромнѣе: „Эхъ, кабы земельки десятинъ десять, зажилъ бы я себѣ припѣваючи — *панкомъ*, было бы чѣмъ подати заплатить, обуться, одѣться и дѣтокъ прокормить".

Выходитъ точно *земля сама* его прокормитъ и одѣнетъ. А главное, какъ у того, такъ и у другого — „зажить панкомъ" и знать никого не хочу.

Такъ говорить—значитъ, дальше своего носа ничего не видѣть. Къ сожалѣнію, именно такъ большинство и думаетъ: лишь бы мнѣ хорошо было, а тамъ „хоть трава не расти".

Попробуемъ же мы нѣсколько заглянуть подальше вокругъ себя и подумать, такъ ли это, что для нашего брата, крестьянина, все счастіе именно въ 10 десятинахъ земли, и тогда онъ будетъ доволенъ, будетъ хорошимъ семьяниномъ и хозяиномъ и исправнымъ плательщикомъ?

За примѣрами ходить недалеко. Сколько есть у насъ такихъ хозяевъ, которые имѣютъ далеко больше чѣмъ 15 десятинъ, а между тѣмъ, что они и семьи ихъ довольны и счастливы? Платятъ ли они аккуратно (къ сроку) всѣ повинности? Рѣдко. Часто наоборотъ: скорѣе съ бѣднаго взыщутъ и до срока (съ него, молъ, нечего взять), а зажиточный всегда и дерзко говоритъ: „Ищите съ неимущаго, за мной не пропадетъ".

Смотришь, на слѣдующій годъ — недоимка, и крупный недоимщикъ преобладаетъ; оказывается: то его дома не застанешь, то обѣщаетъ на-дняхъ самъ занести. А село 10—15 верстъ въ окружности, походи изъ одного конца въ другой; поневолѣ махнешь рукой. И такъ часто бываетъ недоимка. Вотъ тебѣ и „панкомъ". А много ли изъ насъ найдется такихъ, которые, не завидуя богатымъ, въ то же время не тѣшили себя надеждой: „Авось, все измѣнится къ лучшему?" Почему оно должно быть лучше, никто объ этомъ никогда не задумается, а сами и не думаютъ стараться или исправляться.

Посмотримъ и на тѣхъ, у которыхъ земли „дѣвать некуда".

Въ газетахъ то и дѣло видишь цѣлыя страницы объявленій о продажѣ имѣній, заложенныхъ въ банкахъ, и тѣ же крупные помѣщики жалуются, что при хорошемъ урожаѣ вести хозяйство убыточно. И совершенно вѣрно.

При хорошемъ обильномъ урожаѣ на хлѣбъ, нашъ братъ-мужичокъ изъ глубины души благодаритъ Господа Бога за ниспосланіе благодати, а богатый (счастливецъ, по мнѣнію неимущихъ) въ отчаяніи: хлѣбъ будетъ дешевъ, дѣвать некуда, да и рабочихъ не достанешь, а тутъ еще проценты надо нести въ банкъ, а имѣніе-то уже заложено и перезаложено; или: гдѣ достать денегъ заплатить рабочимъ, которые дорого берутъ въ такое время?

А нашему брату урожай — лафа.

Тутъ ты занятъ работой съ утра до ночи, „хватай, ланой и ртомъ и носомъ", тутъ запасъ на зиму, а то и на цѣлый годъ, и подати заплачены и въ запасный магазинъ отдано, самъ и ребята сыты и одѣты, да еще и на сторонѣ заработаешь въ зиму, да и лѣтомъ, если семейство большое—то и ой-ой.

Не то при несчастномъ случаѣ — неурожаѣ. Затраченные трудъ и зерно погибли, — для бѣдняка разореніе, голодъ; себя и скотину нечѣмъ прокормить.

Тутъ ужъ не спасутъ и 20 десятинъ. Тутъ-то и начинается ропотъ: „Зачѣмъ-де у него много, а у меня нѣтъ ничего? Я въ рубищѣ и голоденъ, а тотъ счастливецъ въ каретѣ разъѣзжаетъ и пьетъ шампанское“. Но вѣдь, голубчикъ, ты самъ же говоришь: „десять десятинъ (только 10 десятинъ), и я заживу панкомъ?“

И почему тотъ, пьющій шампанское,—счастливецъ?

Сегодня онъ въ каретѣ и даетъ балы, а чрезъ годъ-два онъ также можетъ ходить съ протянутою рукой, какъ и всякій нищій, а то еще и хуже: пуститъ пулю въ лобъ.

Надо видѣть, какъ плачутся, негодуютъ тѣ мнимые счастливцы, обладатели капиталовъ, на проценты съ коихъ они живутъ, когда приходитъ 1-е число января, іюля и другихъ мѣсяцевъ (время отрѣзыванія купоновъ), на вычетъ 5%, налога въ доходъ казны, и самый бѣдный *поденьщикъ* не позавидовалъ бы ихъ долѣ!

Всматриваясь ближе въ жизнь людей всѣхъ сословій, сравнивая ихъ, мы найдемъ столько общихъ недостатковъ, что, право, завидовать будетъ нечему. Богатые — точно такіе же люди, съ такими же несчастіями и болѣзнями, какъ и всякій изъ насъ.

Въ богатствѣ полнаго счастья (довольства жизнью) нѣтъ и въ самой ничтожной мѣрѣ, а не только какъ предполагаютъ, потому что самое богатство уже налагаетъ новыя и большія требованія, для достиженія которыхъ оно является недостаточнымъ или малозначущимъ.

Это только наружная сторона жизни, которую мы, по своему неразумію, ставимъ выше всего, измѣряя богатствомъ и знатностью достоинство и значеніе человѣка, а не нравственною и истинно-человѣческою разумною жизнью съ ея добродѣтелями — справедливостью, трудолюбіемъ и честнымъ обхожденіемъ въ семьѣ и обществѣ.

Обыкновенно люди богатые живутъ на доходы съ имѣній, фабрикъ, заводовъ, на проценты съ капиталовъ или на жалованье и, сообразно тому, ведутъ жизнь широкую, роскошную. Но какъ большіе доходы, такъ и хорошее жалованье не есть счастье. Можно зарабатывать много денегъ и влачить самое жалкое существованіе. Большею частью такъ и бываетъ, что предки или отцы семействъ трудились и трудятся, а ихъ семейства предаются праздности, ничегонедѣланію, усердно только истощая добы-

тыя чужимъ трудомъ средства. Отсюда полное незнаніе трудовой жизни и какъ добывается копейка.

Кстати, недавно мнѣ пришлось прочесть старинный малороссійскій разсказъ: *Ковшъ лыха.*

У одного богатаго отца былъ сынъ. Состояніе отцомъ было нажито честнымъ трудомъ; много потрачено было поту, испорчено крови, пока не завелись денежки. Сыну же это нипочемъ; выросъ онъ въ холѣ, въ богатствѣ, не имѣя никакого понятія о деньгахъ и какъ трудно ихъ добывать.

Бывало, если отецъ дастъ ему денегъ, то онъ ихъ истратитъ безъ всякаго расчета. Отецъ все только и думалъ о сынѣ. Разъ сидѣли они у рѣки, разговаривая; мимо проходилъ въ это время охотникъ, неся убитую птицу. Сыну захотѣлось купить птицу; охотникъ, шутя или зная его неопытность, запросилъ золотой, и тотъ, не торгуясь, купилъ птицу за эту цѣну.

Отецъ, увидѣвъ это, говоритъ:

— Дай мнѣ золотой.

Сынъ отдалъ. Тогда отецъ замахнулся, будто хочетъ его бросить въ воду, но сынъ не обратилъ на это вниманія. Затѣмъ отецъ, дѣйствительно, бросилъ золотой въ воду. Сынъ даже не спросилъ, зачѣмъ онъ такъ поступилъ, а, доставъ изъ кармана другой, подалъ ему. Тутъ только отецъ увидѣлъ, что дѣло плохо, да и говоритъ ему:

— Дай-ка сюда кошелекъ. Ступай да заработай самъ червонецъ. Когда пріобрѣтешь, тогда приходи и получишь мое добро, а то Богъ съ тобой, я лучше сиротамъ раздамъ.

— Ну, что жъ, и пойду,— отвѣтилъ сынъ, разсмѣявшись.

Пошелъ. Долго ходилъ онъ. Не разъ задавалъ себѣ вопросъ: «что же я умѣю дѣлать? Грамотѣ знаю». Но оказалось, что не такъ-то легко и съ грамотностью достать кусокъ хлѣба. А тутъ нужда и голодъ заставили продать и пальто, пришлось ходить въ одномъ сюртукѣ, несмотря на осень.

Заходилъ въ городѣ въ разныя мѣста — вездѣ отказъ, нѣтъ мѣста. Пришелъ разъ въ магазинъ проситься въ приказчики.

— Гдѣ раньше служилъ? Что знаешь?

— Я жилъ у отца, былъ при хозяйствѣ.

— Только-то! Не надо намъ. Тебя и въ мальчики взять нельзя, больше съѣшь, чѣмъ пользы принесешь; если бы за тебя платили намъ, то и тогда не возьмемъ.

Что тутъ дѣлать — и холодно и ѣсть хочется.

Пришлось бѣдному Ивану итти на пристань, кули таскать.

Непривычный къ тяжелому труду, изнуренный, онъ изнемогалъ подъ непосильною тяжестью, ноги тряслись отъ слабости.

А вечеромъ пришлось истомленному лечь на мостовой.

На другой, на третій и четвертый день—то же. Онъ ужъ и не доѣдаетъ и не допиваетъ, а до золотого еще далеко. Не разъ вспоминалъ Иванъ о прошломъ.

Къ веснѣ только едва-едва собралъ по копеечкамъ, вымѣнялъ на червонецъ и вернулся къ отцу.

— Здравствуй, сынку. Ну что, принесъ?

Тотъ досталъ изъ кармана, да потихоньку, словно стеклянное, завернутый въ тряпицу, а потомъ еще и въ бумажку, червонецъ, да боится отдать даже и отцу.

А тотъ повертѣлъ-повертѣлъ его, да какъ замахнется на рѣку.

— Ай, батеньку, батеньку! — крикнулъ сынъ, схвативъ его обѣими руками, и самъ точно не свой.

Тогда отецъ засмѣялся и сказалъ:

— Ну, теперь я вижу, что ты знаешь, почемъ ковшъ лыха, какъ достается копейка; теперь ты—мой сынъ и труды мои не пропали.

Но такихъ отцовъ мало, а сколько такихъ дѣтей (говорю—дѣтей не потому, что только сыновья, но и дочери), которыя привыкли къ бездѣлью и не хотятъ знать, какъ добыть средства *собственнымъ трудомъ*. Они стремятся только къ удовольствіямъ, въ конецъ разоряя домъ. Происходитъ все это оттого, что большинство любитъ жить на чужой счетъ и избѣгать тяжелаго труда. Есть такіе лежебоки, что съ голоду будетъ пропадать, а за цѣпъ, за серпъ, а лопату все-таки не возьмется, потому что будто эта работа простая, черная, а онъ, видишь ли, не изъ простыхъ, онъ изъ образованныхъ. Отъ этого ложнаго стыда много развелось у насъ такой бѣдноты, которая не хочетъ понять, что всякій трудъ, всякая работа приноситъ человѣку не позоръ, а *славу и честь* и что стыдиться надобно только невѣжества, лѣности, пьянства и бездѣльничества.

Обыкновенно говорятъ: какъ это можно, чтобы мужицкую работу дѣлать? Это не мое дѣло. Пусть другой сдѣлаетъ. Какъ я могу итти одинъ или одна. Страшно, стыдно, и тому подобныя нелѣпыя оправданія, которыя оказываютъ только непониманіе (къ сожалѣнію, чаще нежеланіе понимать) человѣческихъ обязанностей, а больше всего лѣнь.

Не даромъ говоритъ пословица: „Лѣнь прежде насъ родилась“. Она-то и является причиной, что мы не хотимъ исполнять самыхъ простыхъ, необходимыхъ для насъ вещей, пренебрегаемъ ими и только тогда спохва-

тываемся, когда уже бѣда насѣла — несчастье, болѣзн
а нѣтъ, чтобы принять мѣры во-время. Напримѣръ, отм
розилъ носъ, уши, — всякій знаетъ, старъ и младъ, чт
съ морозу не надо входить въ теплую комнату, иначе о
мороженное мѣсто разболится, а надо его долго тере
или смазать керосиномъ или гусинымъ жиромъ; так
нѣтъ, — онъ скорѣе всего пойдетъ погрѣться. Или пр
мокъ подъ дождемъ: тоже извѣстно, что надѣ
сухое платье,—не сдѣлай этого, и это даромъ не пройдет
Тутъ-то непремѣнно онъ и скажетъ: авось, пройдетъ (н
тура выдержитъ). Вотъ такіе и подобные случаи впослѣ
ствіи вызываютъ охи, ахи и вопли. Скажи ему кто тогд
же: сдѣлай то-то. „А пусть, что будетъ“ или „да вот
немножко отдохну, тогда и сдѣлаю“, „да не знаю, куд
это я положилъ (ключи или вообще что-либо), надо бу
детъ поискать“. Началъ искать, все перерылъ, а нужна
нѣтъ какъ нѣтъ. Не нашелъ чего искалъ, махнулъ рукс
и разрытое оставилъ въ безпорядкѣ,—„другой уберетъ
Но этотъ другой—такой же лѣнтяй, мало того, ссор
затѣетъ, выбранитъ, ну и пошла писать...

Изъ огня да въ полымя.

Тамъ, смотришь, и забылъ, зачѣмъ пошелъ. „Эхъ, чт
бишь, это я хотѣлъ?“ А если и вспомнитъ потомъ—опят
за то же. „Ахъ, не видѣлъ ли кто, куда это я дѣвал
то-то, или куда запропастилось, чортъ его возьми? Н
бралъ ли кто?“

И этотъ *кто* долженъ, бросивъ свою работу, итти н
поиски вчерашняго дня.

Вотъ уже оба, а то и трое, восклицаютъ: „Куда ж
оно въ самомъ дѣлѣ дѣвалось? Я сегодня еще только вы
дѣлъ. а вотъ и нѣтъ“.

— Да я самъ клалъ на окнѣ...

— Вѣрно этотъ дьяволъ (имярекъ) убиралъ тутъ, ну
вотъ и запропастилъ.

— Сколько разъ я говорилъ: кладите на мѣсто, есл
кто беретъ, такъ нѣтъ, ну, вотъ, ищите теперь.

А было ли избрано такое мѣсто, всѣмъ извѣстное, разъ навсегда точно опредѣленное. о томъ никто никогда не подумаетъ.

Обиженный, въ свою очередь, выходя изъ себя за на
праслину, кричитъ: „И не думалъ я убирать! Съ како
стати! Тутъ все лазила (опять имярекъ), а я буду уби
рать, это ужъ дудки“.

— Этакое мученье, несчастье. Господи! Да ищите же. И еще будутъ удивляться, что не всѣ ищутъ. Начинается перевязываніе чорту бороды со словами: „Чортъ! оиграй, да отдай“.

А тутъ еще иная съ замѣчаніемъ: „Вотъ я говорила, то не даромъ сегодня соль опрокинулась — быть ссорѣ“.

— Типунъ тебѣ на языкъ.

И пошла потѣха.

„А въ порядкѣ что лежитъ,
Само подъ руку бѣжитъ“.

Мнѣ всегда дѣлалось больно, если подобные люди уются туда же судить о болѣе сложныхъ вещахъ, въ собенности о начальствующихъ, совершенно недоступыхъ ихъ пониманію, а между тѣмъ забросаетъ упреками укорами, чуть ли не обозвавъ всѣхъ дураками. Разспроите же поподробнѣе ихъ, и окажется, что все это съ ѣтру, съ налету, поверхностно, такъ, къ слову пришлось. ъ разныхъ несчастіяхъ мы часто любимъ валить все на ачальство, какъ будто бы оно и есть причина всѣхъ золъ. колько есть нуждъ неотложныхъ въ заботахъ государтвенныхъ людей, о которыхъ мы даже ни малѣйшаго онятія не имѣемъ, тогда какъ всѣ заботы ихъ направлены ъ благосостоянію государства, а слѣдовательно, и наему. И едва ли бы кто изъ насъ пришелъ на помощь мъ, хотя бы и могъ. Мы скорѣе всего видимъ одни олько недостатки и оплошности другихъ.

А сами-то мы, *сами*, что дѣлаемъ?

Кому не случалось видѣть, какъ бѣдныя лошади въ ололедицу скользятъ и часто падаютъ; хозяинъ же изъ-за ичтожнаго копеечнаго расхода, не позаботясь во-время одковать ее, часто этимъ калѣчитъ и даже губитъ весьа цѣнную лошадь. А также нерѣдко мы видимъ, какъ одъ непосильною тяжестью мучатся и надрываются бѣдыя животныя, понукаемыя ударами кнута и чѣмъ попао. Я знаю одного хорошаго хозяина, зажиточнаго и нелупаго,—но замѣчательно, что у него всегда (почти кадый день) сосѣдская свинья отбивала пойло у свиней, а го же свиньи часто возвращались отъ сосѣда съ переитыми ногами. Тоже простая вещь: у калитки нижній голъ былъ сгрызенъ свиньями, и онѣ, всунувъ рыло въ то отверстіе, отлично приподымали калитку съ крючка и

входили во дворъ, но со двора ихъ провожали бросані емъ камней, дручковъ, а иногда и дреколіемъ избивали Все это заканчивалось перебранкой и даже ссорой со сѣдей, но ни одинъ изъ нихъ не принялъ мѣръ к прекращенію такого легкаго вторженія сосѣдскихъ сви ней. Такіе пороки, какъ лѣнь, неряшливость, безпеч ность, откладываніе до завтра, „работа не медвѣдь, в лѣсъ не уйдетъ“, такъ въѣлись въ нашу плоть и кровь что насъ извратили въ конецъ. Мы не имѣемъ понятія объ обязанностяхъ, чувствѣ долга и нравственности рѣдкій найдется объяснить ихъ истинное значеніе, а не только исполнять ихъ на самомъ дѣлѣ.

Единственно, что процвѣтаетъ у насъ, такъ это наряды и житье не по средствамъ. Въ этомъ вся задача и стремленіе жизни, и только въ этомъ.

Сколько было примѣровъ на нашей памяти, что люди, которые сами и дѣти ихъ ходили въ шелку и бархатѣ, подъ конецъ, на старости лѣтъ, должны были жить у чужихъ людей и чуть ли не итти по міру съ протянутою рукой! А кто видитъ, нисколько этимъ не смущается и самъ продолжаетъ дѣлать то же, издѣваясь надъ тѣми немногими благоразумными, которые, по пословицѣ: „Береги денежку про черный день“, не позволяютъ себѣ и дѣтямъ той глупой щеголеватости, про которую говорятъ, что „на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ“.

Не скупость, а бережливость, разумная бережливость — экономія, ее-то и недостаетъ намъ. Что Богъ послалъ, то и береги. Горделивое издѣвательство это: „Вотъ у меня то-то и то, а у тебя нѣтъ“, въ особенности у дѣтей, сильно развиваетъ сребролюбіе и зависть. Глупцы! Сами же надъ собой издѣваются. Чего имъ стоило, сколькихъ непріятностей, выклянчить у родителей то или другое пышное украшеніе, или родителямъ отказать себѣ въ необходимомъ, чтобы имѣть это въ сущности ничтожное удовольствіе, не заслуживающее даже и названія удовольствія, порождающее у другихъ лишь зависть, причиняющую разстройство и *скорбь* въ домахъ сосѣдей, людей бѣдныхъ и неимущихъ!

Тысячу разъ лучше имѣть *простую*, но *опрятную* и крѣпкую одежду, добытую *собственнымъ трудомъ*, чѣмъ наряжаться на чужой счетъ въ бархатъ и шелкъ, а потомъ голодать или еще, чего хуже и не приведи Богъ, протягивать руку.

А сколько еще другихъ у насъ, гораздо важнѣйшихъ и трудно искоренимыхъ пороковъ: пересуды, ругань, драки, побои, сутяжество, пьянство, суевѣрія и проч.

Видя недостатки у другихъ, кажется, надо бы самимъ исправляться, но при случаѣ и мы повторяемъ то же, а сами удивляемся, что другіе неисправимы.

ПЕРЕСУДЫ.

Это—такая общая всѣмъ слабость, которой подвержены какъ молодые, такъ и старые. Слабость, порождающая сплошныя неудовольствія и непріятности не только между родными, но и знакомыми. Многіе, напримѣръ, издѣваются надъ людьми и въ особенности надъ стариками, что иной чушь несетъ, много говоритъ неинтереснаго, повторяетъ одно и то же нѣсколько разъ, сплетничаетъ и т. п.

А много ли такихъ найдется дѣтей, которые, зная многое, постарались бы исправить ошибки и незнаніе своихъ родныхъ?

Скорѣе встрѣтите такихъ, что смѣются даже надъ родителями, что еще болѣе отвратительно.

Мы, хорошо зная и понимая всю грубость и необразованность окружающихъ, сами обладая знаніями, могли бы это тутъ же исправить, но мы еще болѣе усиливаемъ зло своимъ постыднымъ молчаніемъ, или еще, что гораздо хуже, распространяемъ его дальше и при случаѣ даже издѣваемся.

„Надъ чѣмъ смѣетесь? надъ собой смѣетесь!“

Точно такъ же вкореняется у насъ съ дѣтства дурная привычка къ ругани, злословію и хулѣ не только между собою, въ семьѣ, въ школѣ, но даже въ обществѣ. Привычка эта въ особенности часто встрѣчается у мальчика, избалованнаго поблажкой родныхъ произносить скверныя бранныя слова; часто, какая бы мысль ни приходила ему въ голову, онъ тотчасъ начинаетъ злословить и бранить не только людей, но, случается, дерзаетъ хулить — и сказать страшно — Самого Бога, произнося хулы на святые предметы. Въ этомъ виноваты родители, которые, не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей, говорятъ при нихъ все безъ разбора. Часто мы удивляемся, что дѣти через-

чуръ испорчены, но все это бываетъ отъ дурныхъ примѣровъ, которые они видятъ, отчего съ дѣтства становятся черствыми, живутъ только для себя, а не для ближняго, какъ учитъ насъ Спаситель.

ДРАКИ И ПОБОИ.

Отъ ссоры недалеко уже до драки и побоевъ. О, это—ужаснѣйшее зло! Сколько проливается слезъ и порождается несчастій въ семьяхъ: злобы, ненависти, заклятыхъ враговъ на всю жизнь, сколько бываетъ уродовъ, калѣкъ!

Посмотримъ окомъ христіанина, брата, семьянина.

Ты ударилъ его въ озлобленіи. А вдругъ ударъ придется по такому мѣсту (и сколько было случаевъ), что и духъ вонъ? Вѣдь тебя арестуютъ, попадешь въ тюрьму, а то и въ Сибирь. Подумай, что станется съ твоею семьей, да и совѣсть не дастъ покою,

Вопль, отчаяніе, разореніе, горе; и радъ бы справиться, да ужъ не воротишь. Поздно. Озлобленный человѣкъ становится звѣремъ, онъ тогда не разсуждаетъ, а думаетъ: какъ бы нанести ударъ посильнѣе, побольнѣе, чтобъ чувствовалъ, молъ, надолго, забывая въ то же время, что этимъ самымъ онъ дѣлаетъ непоправимое зло. При случаѣ, а можетъ-быть, и тутъ же, почемъ знать, обиженный можетъ и ему сдѣлать то же самое; слѣдовательно, ясно, что вредъ причиняется только себѣ. А раны, болѣзни, врачи и лѣкарства, безпокойство семейства? Такъ нѣтъ же, „я покажу ему, дамъ знать“.

А когда пройдетъ вспышка и наступитъ минута раскаянія, охватываетъ ужасъ: что я сдѣлалъ, и кого обидѣлъ: друга, брата, сестру, дочь; даже—о ужасъ!—мать, отца!—Какой стыдъ, позоръ, забыться до того, что потерять разумъ человѣческій, забыть заповѣди Божіи!

Никогда это не пройдетъ даромъ. Настанетъ время, въ сей еще жизни и даже скоро, когда вспомнишь: „это за грѣхи наказываетъ меня Богъ!“ и горе тѣмъ покажется еще сильнѣе.

Хотя, конечно, заслуживаютъ большаго порицанія тѣ, кои, зная вспыльчивый нравъ человѣка, позволяютъ себѣ раздражать его. Поступки не проходятъ безслѣдно. Если

даже человѣкъ и совсѣмъ перемѣнится, исправится, они все-таки оставляютъ часто дурныя послѣдствія и всегда горькія воспоминанія.

Страшитесь дѣлать зло, да не постигнетъ васъ гнѣвъ Божій!

Какъ пріятно видѣть семью, въ которой всѣ мирно и съ любовью заняты своимъ дѣломъ, младшіе услужливы, почтительны не только къ родителямъ, роднымъ, но и къ чужимъ (постороннимъ).

Отрадно становится на душѣ и вчужѣ дѣлается пріятно, невольно является желаніе подражать и хотя на время исправиться. Но какъ рѣдки такія семьи!

А много ли, кажется, нужно, чтобъ достигнуть этого: только любовь, взаимное уваженіе и привѣтливость. Уважая другихъ, ты тѣмъ самымъ уже пріобрѣтаешь уваженіе къ себѣ, да это и совершенно справедливо. Если ты аккуратенъ, ласковъ, внимателенъ, честенъ и снисходителенъ, кто бы посмѣлъ обидѣть тебя, да тотъ первый навлекъ бы на себя презрѣніе другихъ, благомыслящихъ людей. У насъ, обыкновенно, бываетъ наоборотъ. Объ уступчивости и прощеніи иногда совершенно ничтожныхъ обидъ и слышать не хотимъ, а это-то и влечетъ за собой всегда такія ужасныя послѣдствія и даже несчастія, о которыхъ мы вначалѣ и понятія не могли имѣть. Для примѣра я привелъ бы нѣсколько случаевъ, но кто же не знаетъ ихъ.

СУТЯЖЕСТВО.

Неуступчивость и задоръ ведутъ насъ къ сутяжеству.

Все подобное происходитъ у насъ вслѣдствіе неясности представленія и спутанности понятій объ сбереженіи и истинной собственной пользѣ.

Приведемъ случай. У мирового судьи нѣсколько крестьянъ были присуждены за кражу лозы къ штрафу по 25 коп. каждый, а такъ какъ крестьяне добровольно и въ срокъ штрафа не внесли даже и послѣ напоминанія судебнаго пристава объ уплатѣ, то судебный приставъ пріѣзжалъ изъ города въ село и взыскалъ съ нихъ не только штрафъ, но еще и прогонныхъ по 3 рубля съ каждаго. И послѣ этого они не успокоились, продолжая жаловаться на судебнаго пристава судьѣ, въ съѣздъ и даже въ Сенатъ.

Возьмемъ человѣка въ нуждѣ. Казалось бы чего проще,—пошелъ да поискалъ себѣ помощи у добрыхъ людей. Десять откажутъ, одиннадцатый навѣрно отзовется. Такъ нѣтъ. Иной скорѣе рѣшится посягнуть на чужую собственность. Такъ, молъ, легче, — сразу поправлюсь или сразу разбогатѣю. Смотришь, и утянулъ что-нибудь у сосѣда. Но худое рѣдко проходитъ даромъ. Грѣхъ путаетъ, а Богъ наказываетъ. Поймаютъ вора, изобьютъ прежде всего, а тамъ — тюрьма или, если нѣсколько разъ былъ уличенъ въ кражѣ, ссылаютъ въ Сибирь на поселеніе. Вмѣсто предполагаемой помощи вышло полное разореніе. Дома остается жена съ дѣтьми на рукахъ безъ работника, мужа и отца, семьѣ еще хуже, еще тяжелѣе. Бываетъ, что сами люди доводятъ человѣка до преступленія; вмѣсто того, чтобы своевременно поддержать, они заставятъ сначала украсть, а затѣмъ уже, когда онъ потеряетъ доброе имя и угодилъ въ тюрьму, оказываютъ помощь его семьѣ. Дескать, отецъ негодяй, острожникъ, а дѣти сидятъ безъ хлѣба. И только тутъ протягиваютъ руку помощи. Мало ли сему примѣровъ!

Въ одномъ богатомъ имѣніи сторожъ подкараулилъ и поймалъ вора въ то время, когда онъ накладывалъ на возъ снопы ржи; воръ, конечно, умолялъ его отпустить и обѣщалъ никода не красть, но сторожъ былъ неумолимъ и доставилъ его въ контору. Возгорѣлось дѣло о кражѣ. У мирового судьи оказалось, что воръ этотъ уже судился за кражу два раза. Дѣло перешло въ окружный судъ, и вотъ его осудили въ Сибирь на поселеніе. На судѣ выяснилось, что у виновнаго четверо малолѣтнихъ дѣтей и больная жена. Тронутый этимъ, владѣлецъ-помѣщикъ, узнавъ, что осужденный обращался неоднократно за помощью къ управляющему, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы изъ экономіи выдавали этому бѣдному семейству по 3 рубля въ мѣсяцъ до совершеннолѣтія дѣтей!

Вотъ такъ у насъ и во многомъ. Изъ-за копны жита (ржи) сколько возни: къ судьѣ, въ судъ за нѣсколько сотъ верстъ, сколько потеряно времени, денегъ, и въ концѣ концовъ еще изъ своего же кармана пришлось выдавать на прокормъ чужихъ дѣтей!

Не то ли бываетъ у насъ и съ конокрадствомъ. Пропала лошадь — увели. Лѣтнее время — самая рабочая

пора, безъ коня горе — правда. Ну, и что же, хозяинъ (а то и съ работникомъ) отправляется искать, ходитъ-ходитъ недѣлю и другую, даже въ нѣсколькихъ губерніяхъ побываетъ, а лошади нѣтъ, какъ нѣтъ, время пропало, въ хозяйствѣ упущеніе — даже больше, чѣмъ стоилъ конь.

Бываетъ, что и найдетъ лошадь, но взять ее не сумѣетъ, и выйдетъ одна только тяжба да двойной убытокъ *).

Иной хозяинъ могъ бы отлично купить другую лошадь на то, что потерялъ въ поискахъ и по судамъ. Мой покойный отецъ часто говорилъ: „Полы урѣзавши, утекай отъ всякихъ тяжбъ“.

Сколько разорилось изъ-за нихъ людей! Ужасно!

Но это зло еще ничто въ сравненіи съ пагубнѣйшимъ пьянствомъ.

ПЬЯНСТВО.

Пьяница, это — тотъ же воръ, но воръ еще злѣйшій, и разбойникъ, такъ какъ онъ обворовываетъ родныхъ беззащитныхъ дѣтей.

Обыкновенныхъ воровъ хоть наказываютъ за кражу чужой собственности, клеймятъ позоромъ и презрѣніемъ, никто не хочетъ ихъ знать, избѣгаютъ всякаго общенія съ ними, а съ этими, пьяницами, многіе идутъ охотно въ кабакъ и еще ведутъ дружескую бесѣду, обсуждаютъ, какъ удобнѣе стянуть у жены или у мужа послѣдній грошъ, и тѣмъ довести семейство до нищеты и даже паденія. Совершается все это днемъ, открыто, на глазахъ многихъ честныхъ людей, и никто пальцемъ не шевельнетъ! Обыкновенно говорятъ, что пьянство — болѣзнь. Тогда надо и разсматривать его, какъ болѣзнь. Человѣка простудившагося, съ больнымъ горломъ, оспой или горячкой, никто и никогда не пуститъ на улицу. А тутъ еще больше увеличиваютъ болѣзнь, даютъ ему водку. Это все равно, что сумасшедшему дать ножъ. Всѣ

*) То же самое и съ пожарами: населеніе несетъ ежедневно громадные убытки, разоряется и плачется на несчастье, а чтобы, дружно сплотившись, бороться съ огнемъ — этого нѣтъ, и даже слышать не хотятъ о принятіи какихъ-либо мѣръ противъ пожаровъ. Объясняется это тѣмъ, что нѣтъ въ обществѣ взаимнаго согласія. Такъ, напримѣръ, устрой общество хорошій ночной караулъ, и, навѣрное, конокрадство и кражи уменьшились бы или даже и вовсе прекратились бы.

знаютъ, что онъ страдаетъ запоемъ, между тѣмъ, рѣдко кто откажетъ ему въ рюмкѣ водки. Или даже и не страдающаго запоемъ, но который, попавъ въ веселую компанію „выпить не дуракъ“, всегда угостятъ, заставятъ выпить, хотя бы онъ вовсе и не желалъ того, считая отказъ за личную обиду. А сколько упрашиваній: „Пожалуйста, еще по одной, Богъ Троицу любитъ“. Этакое кощунство!

„Я сытъ по горло“. „Нужды нѣтъ, еще по одной. Поддай на каменку“. И иной налижется, какъ свинья, такъ что потомъ валяется въ грязи, а тамъ, смотришь, заболѣлъ и Богу душу отдалъ.

На вопросъ, что̀ заставляетъ ихъ пить до безумія, они ссылаются на слова князя Владимира: „Руси есть веселіе пити“. Пить, но не упиваться и не пропивать все до нитки.

И ни одинъ изъ пьющихъ никогда не упомянетъ словъ апостола Павла: „Не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ“ (Ефес. 5, 18). Больше же всего и всегда отвѣчаютъ, что безъ водки и работа нейдетъ на умъ.

— А какъ же ѣда идетъ на умъ?

— Да безъ ѣды нельзя жить.

Забавно!

Обѣдать-то онъ непремѣнно придетъ домой, да еще съ бранью и побоями будетъ требовать. Чѣмъ же тогда объяснить, что другой членъ семьи въ то же время работаетъ на всѣхъ, не покладая рукъ, да еще и успѣваетъ сберечь про черный день, забывая про усталость и не думая о томъ, что работа нейдетъ на умъ?

Слѣдовательно, какъ неизмѣримо высоко стоятъ тѣ люди, которые не падаютъ духомъ оттого, что ихъ мужья или жены предаются этому позорному и пагубному пороку, а, напротивъ, своимъ трудомъ, усиліями и постоянствомъ не только удерживаютъ себя, но еще даютъ и дѣтямъ своимъ благой примѣръ, воспитываютъ ихъ въ страхѣ Божіемъ, пріучаютъ къ трудолюбію и грамотѣ, а тутъ же рядомъ это падшее твореніе тащитъ послѣднее сбереженіе, теряетъ свой образъ человѣка, превращаясь въ отвратительное животное, съ позоромъ отталкиваемое честными и трезвыми людьми.

Протоіерей Наумовичъ въ своей книгѣ („Четыре путеводителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ“) разсказываетъ слѣдующій случай, что̀ вышло изъ-за рюмки водки.

„Однажды разослалъ панъ по деревнямъ своихъ атамановъ за подводами, возить навозъ. Пріѣхали атаманы и говорятъ: „Панъ уѣзжаетъ на теплыя воды лѣчиться и желаетъ, чтобы до его отъѣзда весь навозъ былъ на пару. Кто поѣдетъ, зачтется день барщины, да сверхъ того, за всякій возъ по чаркѣ водки“. Ѣхать всякій былъ долженъ потому, что панскій приказъ не шутка, а тутъ еще по чаркѣ водки, до которой народъ нашъ и нынче все еще бѣда какъ лакомъ. Принялись мужики дружно за навозъ, изо всѣхъ силъ всякій работалъ отъ зари до поздняго вечера, чтобы зарубить на биркѣ побольше возовъ и, стало-быть, чарокъ. Когда покончили работу, панъ самъ сдѣлалъ всякому вѣрный учетъ, и оказалось, что иные успѣли оборотить по 12 разъ. Хорошо. Но что жъ дальше? — Дальше вышло совсѣмъ неладно. Панъ приказалъ никому водки не давать, собралъ мужиковъ въ кучу и сказалъ имъ такъ: „Ну, вотъ видите, ребята, до сихъ поръ вы возили мнѣ лишь по 4 воза въ день, и я считалъ вамъ это за день барщины. Вы, стало-быть, меня обманывали. Ежели сегодня вы могли вывезти по 12 возовъ, стало-быть, и всегда такъ работать можете. Потому съ сегодняшняго числа я стану считать вамъ рабочій день въ 12 возовъ — ни больше ни меньше“. Такъ пошло потомъ и при уборкѣ хлѣба“.

Въ Даніи изобрѣли очень хорошее средство противъ пьянства. Агенты полиціи подбираютъ по улицамъ пьяныхъ и въ особомъ экипажѣ развозятъ по домамъ. Тѣхъ, кто не способенъ сказать свой адресъ, привозятъ въ полицію и потомъ, по наведеннымъ справкамъ, отправляютъ домой. Расходы по доставкѣ пьяныхъ платитъ кабатчикъ, давшій послѣдній стаканъ водки предъ наступленіемъ опьянѣнія.

Да, много у насъ недостатковъ и даже очень много — трудно и перечесть, — бороться съ которыми еще далеко намъ не подъ силу. А мы еще завидуемъ, пересуждаемъ и упрекаемъ другихъ въ ошибкахъ и несправедливостяхъ къ намъ, меньшимъ братьямъ, мужикамъ.

Не все же только и обиды со стороны сильныхъ, нельзя умолчать и о хорошихъ дѣлахъ богатыхъ людей. Кто много имѣетъ, тотъ много и даетъ. Въ дни бѣдствій: войны, голода, страшныхъ пожаровъ, наводненій, кто является на помощь? Всегда были и будутъ жертвовате-

лями люди богатые. Сколько случаевъ самой щедрой благотворительности!

Въ 1888 году, въ Москвѣ, потомственная почетная гражданка Д. М. Великанова пожертвовала 550.000 рублей для раздачи бѣднымъ процентовъ съ сего капитала (13.000) два раза въ годъ, на Рождествѣ и на Пасхѣ, по 25 рублей на семейство (520 семействъ).

Извѣстный докторъ Захарьинъ пожертвовалъ болѣе полмилліона на устройство церковно-приходскихъ школъ.

Графъ Сергѣй Владимировичъ Орловъ-Давыдовъ, въ память коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора Николая Александровича и Супруги Его, устроилъ въ Москвѣ больницу для бѣдныхъ дѣтей во имя св. Ольги и при ней лѣчебницу для приходящихъ, стоющія около милліона рублей.

Н. А. Терещенко построилъ въ г. Глуховѣ пріютъ для сиротъ, соборъ, пожертвовалъ крупную сумму на прогимназію и устроилъ серебряную раку для мощей святителя Ѳеодосія въ г. Черниговѣ.

Графъ Шереметевъ извѣстенъ своими щедрыми пожертвованіями на дѣло благотворительности.

Елисѣевы устроили въ Петербургѣ богадѣльню для престарѣлыхъ, соорудили храмъ на родинѣ, въ Ярославской губ., и дѣлали много другихъ пожертвованій.

Но мы также знаемъ, что и въ образованныхъ и богатыхъ классахъ бываютъ преступленія и существуютъ пороки, а это только доказываетъ, что богатство и образованіе не есть еще высшее благо для человѣка, а иногда, напротивъ, служитъ какъ бы ступенью къ бездѣлью, излишествамъ и прочимъ страстямъ.

Источникъ же счастья находится въ насъ самихъ. Человѣкъ въ самомъ себѣ долженъ искать опоры и счастья. Онъ ихъ найдетъ въ любви къ своему долгу (обязанности), въ добромъ упражненіи своей воли, въ постепенномъ ростѣ своего умственнаго развитія. Этихъ добродѣтелей самый жалкій работникъ можетъ достигнуть, укрѣпляя свою мысль чтеніемъ и размышленіемъ, свой характеръ — любовью къ труду и дѣланіемъ добра. Если вступитъ на этотъ плодотворный путь, онъ найдетъ на немъ миръ души, чувство своей силы и своего достоинства, которыхъ часто нѣтъ и у богачей, и съ своимъ собственнымъ благомъ онъ найдетъ благо общественное. Божественная власть поставила насъ

въ мірѣ такъ, что только трудъ сохраняетъ нашу жизнь. Страданія и нужда — грубые учители, но они оказываютъ намъ такую услугу, которой не сдѣлалъ бы никогда самый нѣжный и снисходительный другъ. Противодѣйствіе, усиліе даетъ человѣку волю, безъ которой не можетъ быть ничего. Трудъ есть школа характера. Трудъ есть не только орудіе, которое даетъ землѣ ея плодородіе и красоту, но онъ еще даетъ намъ дѣятельность, бодрость, терпѣніе, постоянство, волю. Горе тому, кто не выучился работать! Это — бѣдное созданіе, которое не сознаетъ самого себя, и даже наслажденія, которыя онъ старается захватить, ему не удаются. Удовольствіе и отдыхъ всею своею прелестью обязаны труду, и нѣтъ усталости болѣе сильной, какъ усталость празднолюбца. Для человѣка, который хочетъ возвышаться, есть только одинъ секретъ, одинъ и тотъ же для всѣхъ, который ведетъ къ истинному равенству, это — возвышеніе нравственное. Честолюбіе бѣдняка не есть зло, когда оно разумно и имѣетъ хорошее направленіе. Опущенность (покорность судьбѣ) есть причина порчи такого человѣка, который не уважаетъ самого себя.

Говорятъ, что для крестьянина доступъ труденъ во многія мѣста, а вотъ же были и теперь есть люди (какъ мы увидимъ ниже изъ цѣлаго ряда именъ) крѣпкіе духомъ, которые преодолѣли всѣ препятствія, проложили широкій путь и для другихъ расчистили дорогу.

Истинное знаніе, истинный талантъ, желаніе добра и желаніе быть полезнымъ родинѣ-отечеству, всегда найдетъ выходъ изъ всякихъ препятствій и затрудненій; чѣмъ больше препятствій, тѣмъ важнѣе ихъ заслуга и болѣе чести и славы. Честный, трудолюбивый и аккуратный человѣкъ смѣло будетъ смотрѣть въ глаза каждому; если даже другіе и не будутъ его уважать, то собственное сознаніе своего достоинства уже дастъ ему силу и бодрость смѣло итти впередъ. Мой отецъ часто говорилъ: „Иголочку нашелъ, подними и спроси: чья это иголочка? Кольми паче цѣнную вещь“. „Не тронь чужого и не бойся никого“. „Не надо намъ чужого“. Обманомъ свѣтъ пройдешь, но не вернешься.

А что *добро* и что *зло*—совѣсть подскажетъ, внутренній голосъ всегда заявитъ: „не дѣлай этого“.

Вотъ что разсказываетъ газета „Кіевское Слово“. Въ одной изъ деревень Полтавской губерніи (Золотоношскаго

уѣзда) произошло слѣдующее: нѣкій мѣщанинъ Бѣликъ захватилъ кусокъ спорной земли, принадлежавшей его сосѣду Вовику. Судиться послѣдній не хотѣлъ. „Прими присягу, что это твоя земля,—сказалъ онъ Бѣлику,—я отступлюсь“. Бѣликъ согласился. Собрался народъ; Бѣликъ, по обычаю старины, произнесъ клятву, нарисовавши крестъ на спорной землѣ, поцѣловалъ его, а затѣмъ взялъ горсть земли и посыпалъ ею голову себѣ и своимъ дѣтямъ. Вовикъ отступился отъ земли, но чрезъ три дня помѣшалась дочь Бѣлика, 20-лѣтняя дѣвушка Анна, вслѣдъ за нею „тронулась“ ея мать, жена старика, а надняхъ сошла съ ума и другая замужняя дочь Ѳеодора. Всѣ трое отправлены въ больницу для сумасшедшихъ въ Золотоношу, а самъ Бѣликъ явился въ городъ и заявилъ, что клятва его была ложная.

Мы по опыту знаемъ, что всегда пріятнѣе имѣть дѣло съ честнымъ человѣкомъ, чѣмъ съ завѣдомымъ плутомъ или человѣкомъ, котораго мы не знаемъ хорошо. Самый закоренѣлый плутъ и мошенникъ и тотъ все-таки ищетъ честнаго человѣка.

Прежде чѣмъ приступить къ жизнеописанію лицъ, уже извѣстныхъ исторіи, прославившихся въ отечествѣ своими особенными подвигами и выдающимися заслугами, я приведу нѣсколько случаевъ той нашей простой, чисто-народной находчивости и смѣтливости, которую проявили нѣкоторые немногіе, и притомъ тамъ, гдѣ ея вовсе не ожидали.

На Пютерлакской плитной ломкѣ спускали съ берега на суда колонну, назначенную для монумента Александру I, что находится теперь противъ Зимняго дворца въ Петербургѣ. Лѣса, сдѣланные для спуска колонны, подломились. Завѣдывавшій этимъ дѣломъ архитекторъ Монферанъ отправился въ Петербургъ донести, что къ назначенному времени колонна не можетъ быть доставлена. При спускѣ колонны находился кн. В. В. Долгорукій. Онъ обратился къ подрядчику, купцу Яковлеву, и сказалъ:

— Вотъ вы, русскіе, и этого не могли сдѣлать порядочно.

— Ваше сіятельство, — отвѣчалъ Яковлевъ, — этотъ случай намъ послужитъ къ лучшему: стòитъ только наложить тяжести на концы переломленныхъ балокъ, и ко-

лонна сама ляжетъ на суда. Вольно было торопиться архитектору ѣхать съ докладомъ.

Въ случаѣ удачнаго окончанія этой работы князь обѣщалъ рабочимъ по 5 руб. на брата. По распоряженію подрядчика, тяжести на концы балокъ были положены, и колонна благополучно спустилась на суда. Тотчасъ же повезли ее въ Петербургъ. При обратномъ пути Монферранъ встрѣтилъ колонну около Петербурга, и не мало этому дивился.

Въ городѣ Валдаѣ, Новгородской губерніи, отлитъ былъ колоколъ въ 2.000 пудовъ для петербургскаго Троицкаго собора, что въ Измайловскомъ полку. Чтобы доставить этотъ колоколъ на мѣсто, требовалось, по расчетамъ инженеровъ, 80 лошадей. Это загородило бы все шоссе и стоило бы дорого. Къ А. Н. Оленину, бывшему членомъ при построеніи собора, явился валдайскій мѣщанинъ и объявилъ, что онъ привезетъ колоколъ на 6 или даже на 4 лошадяхъ.

— Какимъ манеромъ? — спросилъ его Алексѣй Николаевичъ.

— Это секретъ; если я скажу, то и всякій его привезетъ.

— Будь увѣренъ, что я твоего секрета никому не открою.

— Я сдѣлаю въ величину колокола 4 обода, — объяснилъ мѣщанинъ, — въ боковыхъ ободахъ сдѣлаю оси, обошью досками и покачу его, такъ что не только не испорчу дорогу, а еще укатаю шоссе.

Послѣ доклада объ этомъ государю, Алексѣй Николаевичъ снабдилъ подрядчика задаткомъ и формальнымъ предписаніемъ. Колоколъ привезенъ былъ изъ Валдая въ Петербургъ благополучно. Мѣщанинъ получилъ 5.000 р. и золотую медаль на аннинской лентѣ.

При сооруженіи памятника Петру I, возлѣ Сената, въ Петербургѣ, отъ подножнаго камня отколотъ былъ огромный кусокъ, который надо было убрать съ площади, но недоумѣвали, какъ это сдѣлать. Одинъ крестьянинъ взялся его „прибрать“ за ничтожную плату. Когда это было дозволено, онъ вырылъ яму поблизости мону-

мента, свалилъ въ нее камень и засыпалъ его, а землю увезъ въ тачкахъ.

Недавно (въ 1896 г.) подъ Петербургомъ простой русскій человѣкъ еще разъ доказалъ свою удивительную находчивость.

На заводѣ потребовалось выкрасить высокую дымогарную трубу. Пригласили свѣдущихъ лицъ, судили-рядили и ужъ совсѣмъ было отдали окраску трубы за 800 рублей. Но вотъ въ контору завода приходитъ нѣкій Софронъ Куликъ, кланяется и говоритъ: „такъ и такъ, молъ, ваше высокородіе, трубу эту, значитъ, мы выкрасимъ и за все возьмемъ 40 рублевъ“.

Начальство было поражено, но предложеніе Софрона Кулика приняло.

Что же сдѣлалъ Софронъ?

Онъ купилъ пять дѣтскихъ воздушныхъ шаровъ, въ родѣ тѣхъ, которые продаются „на вербахъ“, соединилъ ихъ длинною-предлинною тоненькою шелковинкой и пропустилъ снизу сквозь дымогарную трубу, держа катушку шелка въ рукахъ. Когда, затѣмъ, шары поднялись изъ трубы на должную высоту, Софронъ въ шары выстрѣлилъ, и конецъ шелковинки съ простреленными шарами упалъ на землю. Что и требовалось доказать. Послѣ этого окраска трубы не представляла уже особенной трудности. Софронъ привязалъ къ концу шелковинки сначала тоненькую бечевку, потомъ бечевку потолще, потомъ еще потолще и т. д., пока ему не удалось продѣть сквозь дымогарную трубу веревку такой толщины и крѣпости, чтобъ она могла поднять русскую люльку. Съ этой люльки и производилась затѣмъ обыкновеннымъ маляромъ окраска трубы. Говорятъ, начальство, „за успѣшное исполненіе этой работы, подарило Софрону 20 рублей на чай („Новое Время“, 17 декабря 1896 г., № 7475).

Лѣтъ 45 назадъ было рѣшено очистить рѣку Угру, близъ города Юхнова, Смоленской губ., отъ свай, оставшихся отъ стараго моста, которыя препятствовали сплаву лѣса. Нужно было сваи вытаскать, но это оказалось очень труднымъ, такъ какъ сваи были дубовыя, сидѣвшія глубоко въ землѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Инженеры составили смѣту расходовъ на это дѣло, по

которой работы по выемкѣ свай были оцѣнены въ 200.000 руб. Назначены были торги на сдачу работъ съ подряда, кто возьметъ дешевле.

Извѣстіе объ этомъ скоро разнеслось по деревнямъ, и вотъ, одинъ крестьянинъ, крѣпостной богатаго помѣщика князя Оболенскаго, услыхавъ о громадной суммѣ, вычисленной инженеромъ, явился къ своему барину и предложилъ вытаскать сваи всего за 200 р.

Сначала Оболенскій съ недовѣріемъ слушалъ объясненія смышленаго крестьянина, но скоро понялъ, что послѣдній былъ правъ.

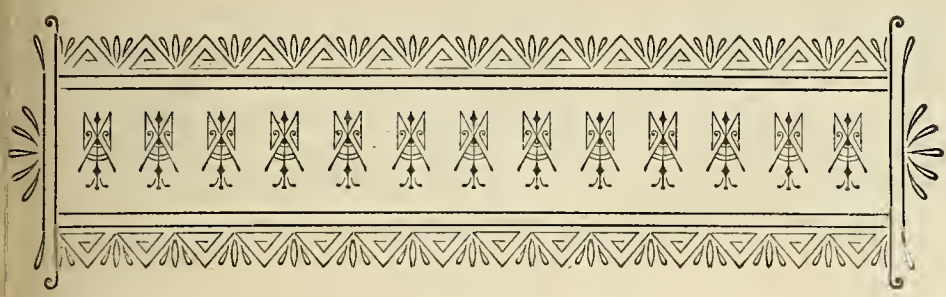
Придуманный имъ способъ былъ самый простой. „Нужно сдѣлать, — говорилъ онъ, — на сваяхъ зарубки, и къ нимъ привязать толстые канаты, а къ послѣднимъ — бревна; съ наступленіемъ морозовъ канаты начнетъ поджимать льдомъ, отчего всѣ сваи должны сами выскочить; если же онѣ не выскочатъ осенью, то весной ихъ непремѣнно выпретъ со льдомъ“.

Это умное предложеніе было принято, и дѣло поручено мужику, который при помощи мороза и полой воды, дѣйствительно, безъ всякаго труда, вытаскалъ сваи. За это онъ получилъ достойное вознагражденіе — не 200 руб., а цѣлыхъ 5.000 руб., и такимъ образомъ, благодаря своей находчивости, сразу сдѣлался богатымъ человѣкомъ („Кіевлянинъ“, 1888 г.).

Одинъ молодой дворянинъ былъ отправленъ императоромъ Петромъ I за границу для занятія морскими науками; при этомъ дворянинѣ находился крѣпостной его человѣкъ. Слуга безотлучно былъ при своемъ господинѣ, особенно, когда тотъ, подъ руководствомъ учителей, занимался морскими науками. Дворянинъ, считая науку низкимъ и безполезнымъ для себя занятіемъ, ничему не научился; напротивъ, его слуга старался, по возможности, во все вникать и пріобрѣлъ несравненно большія свѣдѣнія, чѣмъ его господинъ.

Дворянинъ возвратился въ Петербургъ и долженъ былъ выдержать экзаменъ у самого государя, чтобы доказать, что онъ не даромъ ѣздилъ за границу. Слуга, не отлучавшійся отъ своего господина, захотѣлъ присутствовать и на экзаменѣ, и отправился вмѣстѣ съ нимъ. Начался экзаменъ. Государь, ходя по комнатѣ, экзамено-

валъ вернувшихся изъ-за границы молодыхъ людей. До дворянина еще не дошла очередь. Между тѣмъ, слуга въ то время, когда государь, ходя по комнатѣ, оборачивался къ нимъ спиной, напоминалъ своему господину, что тотъ долженъ отвѣчать. Петръ замѣтилъ это и спросилъ слугу: „Ты зачѣмъ здѣсь?“ — „Я, всемилостивѣйшій государь, — отвѣчалъ тотъ, — принялъ смѣлость войти сюда съ господиномъ своимъ для того, чтобы поправлять его въ случаѣ замѣшательства“. — „Да развѣ ты что-нибудь смыслишь?“ спросилъ государь. — „Я, ваше величество, находясь постоянно при моемъ господинѣ, старался воспользоваться тѣми свѣдѣніями, которыя сообщались ему“. Государь удивился; сталъ его экзаменовать и нашелъ, что онъ имѣетъ достаточныя познанія. Сталъ экзаменоваться и молодой дворянинъ, и почти ничего не отвѣтилъ. Тогда Петръ далъ слугѣ вольность и чинъ мичмана во флотѣ, а его господина приказалъ записать въ матросы и отдать подъ команду бывшему слугѣ, чтобы тотъ постарался научить своего прежняго барина тому, чему самъ такъ хорошо научился за границей („Собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ“).



Андрей Никифоровичъ

Воронихинъ.

СТРОИТЕЛЬ КАЗАНСКАГО СОБОРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Андрей Никифоровичъ происходилъ изъ крестьянъ графа Строганова и родился 17 октября 1760 года въ селеніи Новое-Усолье, Соликамскаго уѣзда, Пермской губ. На восемнадцатомъ году, когда его страсть къ рисованію стала извѣстна графу А. С. Строганову, онъ былъ привезенъ для обученія въ Москву и причисленъ къ сельцу Давыдовкѣ, крестьяниномъ котораго и былъ показанъ въ отпускной, данной ему графомъ 25 іюня 1786 г. Въ Москвѣ Воронихинъ занимался подъ руководствомъ знаменитыхъ архитекторовъ (строителей) того времени — Баженова и Казакова, а въ лицѣ митрополита Платона нашелъ себѣ второго отца-покровителя. Графъ Строгановъ перевелъ его въ Петербургъ, и черезъ нѣсколько времени онъ съ сыномъ графа Павломъ Алекс. отправился въ путешествіе. Они посѣтили южную Россію, Германію, Швейцарію, Италію, Англію и Францію, гдѣ въ Парижѣ Воронихинъ предался изученію живописи и архитектуры и, полюбивъ также математическія и естественныя науки, пріобрѣлъ въ нихъ большія познанія.

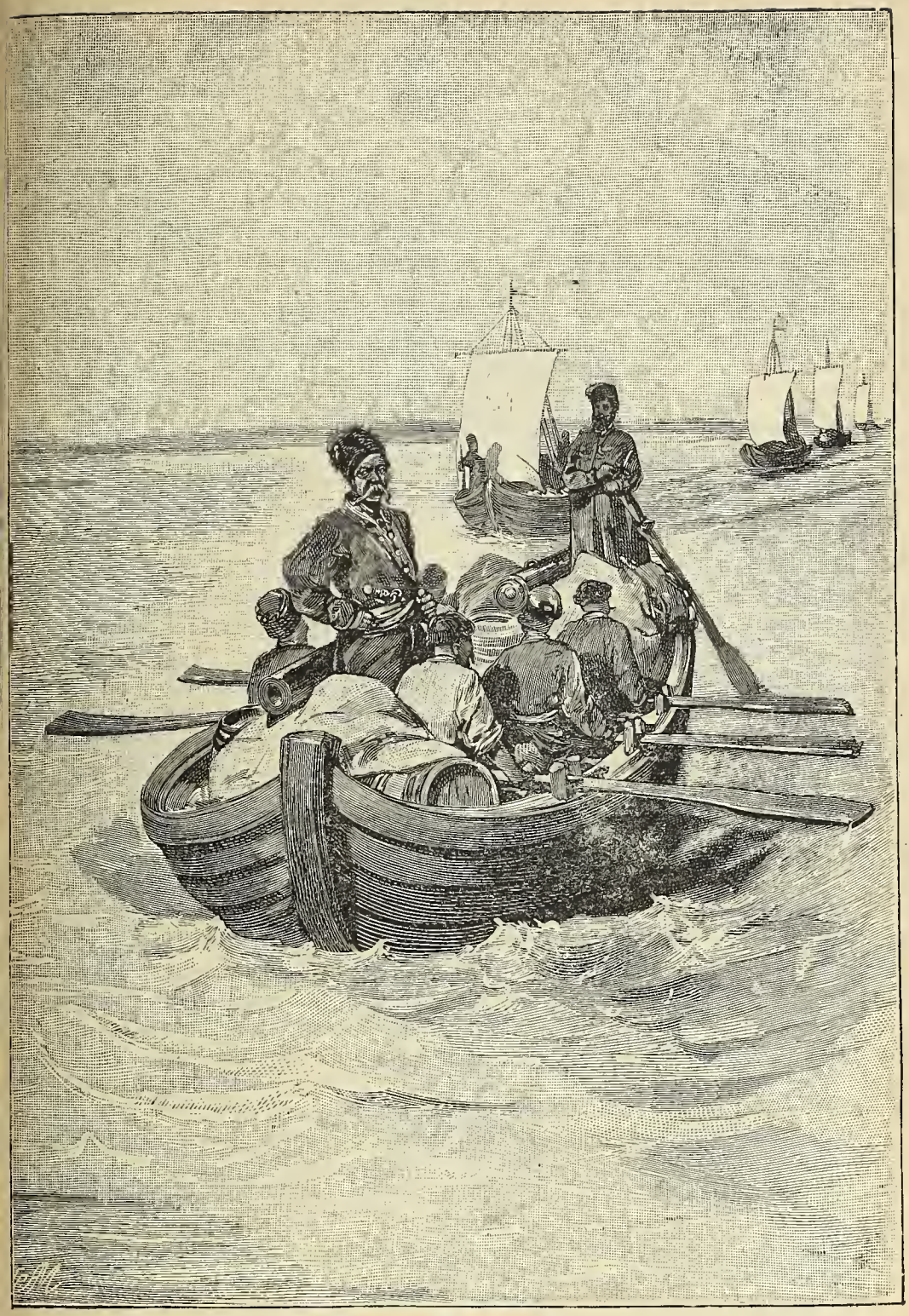
Въ 1800 г. Воронихинъ былъ назначенъ преподавать архитектуру въ Академіи Художествъ, а 14 ноября того же года утвержденъ былъ его планъ Казанскаго собора. Въ 1802 г. былъ возведенъ въ званіе профессора архитектуры, а 1 января 1811 г. пожалованъ орденомъ Владимира 4-й степени. При освященіи церкви Казанскія Божія Матери, 26 сентября того же года, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ брильянтами. Онъ умеръ скоропостижно 21 февраля 1814 года. Императоръ Александръ I пожаловалъ пенсіонъ, получаемый Воронихинымъ еще при жизни, женѣ его, съ переводомъ отъ нея къ его дѣтямъ. Воронихинъ похороненъ на Ла-

заревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Кромѣ Казанскаго собора, имъ построены въ Петербургѣ: горный корпусъ, домъ государственнаго казначейства, первая русская терапевтическая клиника (больница по внутреннимъ болѣзнямъ) въ Петербургской медико-хирургической академіи, колоннада въ Петергофѣ, терраса въ Стрѣльнѣ и нѣкоторыя другія постройки въ Гатчинѣ и Павловскѣ.

Дежневъ, Семенъ.

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ.

Родиной казака Дежнева былъ Великій Устюгъ, откуда онъ вышелъ служить въ Сибирь. Первымъ мѣстомъ службы былъ Тобольскъ, затѣмъ Енисейскъ, но въ обоихъ этихъ городахъ онъ пробылъ не долго и въ 1638 г. перешелъ въ Якутскъ. Его, очевидно, тянуло далѣе и далѣе на востокъ въ неизвѣданныя мѣста, гдѣ рядомъ съ опасностью находились и богатые промыслы, гдѣ трудная, таежная боевая служба давала выходъ смѣлому и предпріимчивому характеру людей покроя Дежнева и позволяла надѣяться на соотвѣтствующую награду. И дѣйствительно, служба въ Якутскѣ и его округѣ показала распорядительность и храбрость Дежнева, и въ 1641 г. онъ отправился въ отрядѣ Михайлова на р. Яну для сбора ясака (подати), что въ то время совершалось нерѣдко съ бою. Посланный обратно въ Якутскъ съ ясакомъ, Дежневъ побѣдоносно, самъ-третей, отбиваетъ нападеніе тунгусовъ и привозитъ государеву казну въ цѣлости. Въ слѣдующемъ 1642 г. онъ, уже товарищемъ Стадухина, идетъ за сборомъ мака на р. Осмоконъ, гдѣ опять приходится сражаться съ цѣлыми толпами инородцевъ, и, только благодаря умѣнью привлечь на свою сторону уже объясаченныхъ тунгусовъ и якутовъ, удалось Стадухину и Дежневу отстоять свой маленькій отрядъ изъ 14 человѣкъ противъ орды человѣкъ въ 500. Съ Осмокона они на построенномъ здѣсь кочѣ вышли въ рѣку Индигирку, а изъ послѣдней и въ Ледовитый океанъ. Затѣмъ три года Дежневъ служилъ на рѣкѣ Колымѣ и остался тамъ на острожкѣ, послѣ ухода въ Якутскъ старшихъ служилыхъ людей съ ясакомъ. Тогда ему пришлось выдержать съ 13 человѣками бой съ цѣлою толпой юкагировъ. Послѣ такой продолжительной и проведенной въ бояхъ и походахъ жизни, Дежневъ и предпринялъ совмѣстно съ Алексѣевымъ свой смѣло задуманный планъ разыскать моремъ устье той завѣтной рѣки Анадырь, берега которой славились, по слухамъ, обиліемъ добычи всякаго рода.



Плаваніе Дежнева.

Въ іюнѣ 1647 г. они на четырехъ кочахъ *) вышли изъ устья р. Колымы въ море, но льды не пустили ихъ итти далѣе, и все дѣло пришлось отложить. На слѣдующій годъ (1648) они вторично на шести кочахъ въ составѣ 90 человѣкъ вышли въ море 20 іюня и, нигдѣ не встрѣчая льдовъ, направилась на востокъ. Часть кочей разбилась ранѣе достиженія Берингова пролива, три же коча, на которыхъ были Дежневъ и Алексѣевъ, продолжали плаваніе и къ августу подошли къ мысу **) Чукотскому Носу. Дежневъ въ своихъ отпискахъ называетъ его «Большимъ каменнымъ носомъ» и описываетъ достаточно подробно его положеніе и видъ, и даже жителей настолько, что не остается сомнѣнія, что видѣнный имъ «носъ» и есть мысъ Чукотскій. Здѣсь разбило еще одинъ кочъ, и люди съ него были взяты на суда Алексѣева и Дежнева. Это вынудило ихъ даже пристать къ берегу, гдѣ 20 сентября у нихъ была схватка съ чукчами, послѣ чего, за пораненіемъ Алексѣева, Дежневъ остался уже одинъ полнымъ распорядителемъ.

Итакъ во второй половинѣ сентября 1648 г. Дежневъ прошелъ проливомъ, отдѣляющимъ Азію отъ Америки, и рѣшилъ вопросъ объ ихъ соединеніи. Отъ «Большого каменнаго носа» они, уже только на 2 кочахъ, пошли далѣе вдоль береговъ азіатскаго материка, отыскивая рѣку Анадырь, но скоро буря разлучила и эти кочи. Кочъ Алексѣева, прибитый гдѣ-то къ берегу, былъ брошенъ, Алексѣевъ умеръ отъ цынги, а остальные люди частью перебиты чукчами, частью гдѣ-то погибли. Кочъ Дежнева носило по морю весь октябрь, пока не выбросило его на берегъ южнѣе устья р. Анадыри. Отсюда ему понадобилось десять недѣль итти до самой рѣки, и во время этого тяжелаго пути погибла часть людей, такъ что на р. Анадырь прибыли съ Дежневымъ уже не всѣ люди, у него осталась команда всего въ 12 человѣкъ. Перезимовавъ на устьѣ Анадыри, Дежневъ лѣтомъ 1649 г. построилъ лодку и поднялся на ней вверхъ по рѣкѣ до перваго зимовья чукчей, которыхъ покорилъ и объясачилъ и на мѣстѣ чукотскаго поселенія основалъ свое зимовье, обратившееся потомъ въ Анадырскій острогъ.

Отсутствіе кочей и всякихъ припасовъ лишило Дежнева возможности предпринять обратный путь моремъ; между тѣмъ, необходимо было подать о себѣ вѣсть въ Колымскій острогъ, для присылки помощи людьми и припасами. Въ это время, въ концѣ апрѣля 1650 г., неожиданно прибылъ на р. Анадырь другой отрядъ русскихъ промышленниковъ подъ начальствомъ С. Моторы, которому удалось пройти отъ Нижне-Колымска

---

*) Тамошнія лодки.
**) Гора, выдавшаяся въ море.

Семенъ Дежневъ съ товарищами переправляетъ собранный государевъ ясакъ.

сухимъ путемъ. Вслѣдъ за этимъ явился и еще отрядъ, подъ начальствомъ М. Стадухина, который сперва пробовалъ пройти съ Колыми моремъ по пути Дежнева, но неудачно, и потому рѣшился итти сухимъ путемъ.

Дальнѣйшее пребываніе Дежнева на рѣкѣ Анадыри наполнено постоянною борьбой съ чукчами и раздорами между начальниками русскихъ отрядовъ; впрочемъ, кромѣ Стадухина, остальные скоро ему покорились. За это время собралось не мало ясака и другихъ цѣнныхъ предметовъ, особенно начиная съ 1652 г., когда Дежневу удалось открыть при устьѣ р. Анадыри мель, куда моржи сплывались терять свои клыки и гдѣ найдены были залежи «рыбьяго зуба». Всю эту государеву казну надо было, наконецъ, отправить въ Нижне-Колымскъ, и сперва Дежневъ было рѣшилъ послать ее моремъ кругомъ «Большого каменнаго носа», но затѣмъ, вспоминая о трудностяхъ перенесеннаго пути, рѣшилъ не рисковать и отослалъ все сухимъ путемъ. Дежневъ оставался на р. Анадыри до 1659 года начальникомъ анадырскаго острожка; затѣмъ, сдавъ его К. Иванову, онъ еще пріобрѣлъ тамъ два, и въ 1662 г. возвратился оттуда въ Якутскій острогъ съ государевою казной. Къ ней были присоединены еще другія, и все это, въ томъ числѣ до 196 пуд. кости, было отправлено якутскимъ воеводой въ Москву съ Дежневымъ и другими служилыми людьми. Въ Москву онъ прибылъ около половины 1664 г., и здѣсь ему выдали за собранныхъ имъ соболей 500 р., а въ награду Дежневъ былъ назначенъ якутскимъ атаманомъ.

По возвращеніи въ Якутскъ, Дежневъ продолжалъ тамъ служить и въ іюлѣ 1670 г. снова ѣздилъ съ соболиною казной въ Москву, куда и прибылъ въ концѣ декабря 1671 г., доставивъ всю въ цѣлости.

Въ сентябрѣ 1898 года исполнилось 250 лѣтъ послѣ открытія Дежневымъ пролива и крайней восточной оконечности Азіи. Поэтому было вполнѣ умѣстно отдать должное этому первому русскому мореплавателю, обогнувшему на суднѣ мысъ восточный и наименовавшему его «Большой каменный носъ». Въ память его заслугъ, съ соизволенія Государя Императора, мысъ восточный наименованъ мысомъ Дежнева.

Никита Антуфіевичъ

Демидовъ.

РОДОНАЧАЛЬНИКЪ ФАМИЛІИ, ИЗВѢСТНОЙ БОГАТСТВАМИ СВОИХЪ РУДНИКОВЪ ВЪ СИБИРИ.

Никита Антуфіевичъ былъ крестьянинъ, уроженецъ теперешней Тульской губерніи. Онъ въ молодости отличался весе-

лымъ нравомъ и любилъ забавлять свою братью остроумными шутками. При первомъ петровскомъ рекрутскомъ наборѣ, въ исходѣ семнадцатаго столѣтія, опасаясь попасть въ число служивыхъ, онъ пришелъ на тульскіе заводы, имѣя лѣтъ 20 отъ роду, опредѣлился тамъ къ кузнецу и работалъ у него за одинъ алтынъ въ недѣлю. Первые пять алтынъ, полученныхъ въ первыя пять недѣль за работу, принесъ онъ къ своей матери и сказалъ: «Вотъ тебѣ, матушка, за то, что ты меня кормила и поила!» Сосѣдъ мастера, у котораго жилъ Никита, замѣтивъ въ немъ хорошаго работника, началъ его зазывать къ себѣ, обѣщая большую плату. Демидовъ объявилъ о томъ своему хозяину: «Сосѣдъ говоритъ, что ты мало платишь за труды мои; онъ сулитъ мнѣ, вмѣсто одного, три алтына въ недѣлю; но я не хочу забыть твоего хлѣба и соли. Лучше ты самъ прибавь мнѣ что-нибудь». Кузнецъ охотно согласился, зная искусство и прилежаніе Никиты. Никита скоро постигъ искусство и самъ завелъ въ Тулѣ небольшую фабрику. Въ 1699 году Петръ Великій, проѣзжая черезъ Тулу въ Воронежъ, гдѣ тогда готовился флотъ для Азова, созвалъ тульскихъ кузнецовъ, показалъ купленную имъ у иностранцевъ алебарду *) и, отъѣзжая, заказалъ мастеру Демидову, котораго зналъ за отличнаго кузнеца, сдѣлать триста такихъ же. По прошествіи мѣсяца Демидовъ привезъ въ Воронежъ сдѣланныя имъ по иностранному образцу алебарды. Царь заплатилъ ему втрое противъ того, чего онѣ ему стали, одарилъ его серебрянымъ ковшомъ, нѣмецкимъ сукномъ на платье, и обѣщалъ на возвратномъ пути къ нему заѣхать, что и исполнилъ. При этомъ послѣднемъ посѣщеніи, царь осмотрѣлъ фабрику Демидова и заказалъ ему нѣсколько ружей по иностраннымъ образцамъ, и, когда эти *первыя русскія ружья* были готовы, царь пожаловалъ ему сто рублей, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: «Постарайся, Демидычъ, распространить фабрику свою, а я

Демидовъ.

*) Также разсказываютъ слѣдующее: Петръ Великій, проѣздомъ чрезъ Тулу, осматривалъ фабрику Демидова и въ разговорѣ съ нимъ высказалъ сожалѣніе, что онъ, имѣя отличный пистолетъ англійской работы, не знаетъ, кому отдать его починить, такъ какъ въ Россіи едва ли найдется такой мастеръ. Тогда Демидовъ вызвался не только починить его, но обѣщалъ сдѣлать новый еще лучше англійскаго. И дѣйствительно, въ короткій же срокъ онъ представилъ государю пару превосходныхъ пистолетовъ, ни въ чемъ не уступавшихъ англійскому, какъ по вѣрности, такъ и по отдѣлкѣ.

Тульскіе кузнецы Демидовы просятъ Петра Великаго о пожалованіи имъ земли на Уралѣ.

тебя не оставлю». Демидовъ устроилъ скоро на р. Тулицѣ чугуноплавильную домну (печь) и желѣзный заводъ, на которыхъ сталъ работать артиллерійскіе снаряды. Когда Демидовъ первые 5.000 пудовъ чугунныхъ и военныхъ припасовъ привезъ въ московскій артиллерійскій приказъ, Петръ велѣлъ ему заплатить втрое противъ того, что платилось иностранцамъ, и даровалъ ему грамоту на распространеніе завода. Въ 1699 году Демидовъ былъ посланъ съ другими мастерами въ Сибирь, для устройства тамъ желѣнаго завода на р. Невьѣ. Въ 1700 году этотъ заводъ былъ уже въ дѣйствіи. Демидовъ, возвратясь въ Тулу, продолжалъ трудиться и совершенствовать свое дѣло. Когда возгорѣлась война съ Швеціей, въ 1700 г., Никита Демидовъ имѣлъ случай оказать свою преданность къ престолу. Узнавъ, что покупаютъ ружья въ казну дорогою цѣной онъ надѣлалъ немалое число такихъ ружей и поднесъ Петру Великому, взявъ за каждое ружье по ста восьмидесяти копеекъ. Петръ былъ обрадованъ этою преданностью отечеству и щедро наградилъ Никиту, назначивъ его царскимъ оружейникомъ и давъ хорошія средства къ жизни и къ продолженію его полезной дѣятельности. Облагодѣтельствованный государемъ, Демидовъ, какъ выше сказано, построилъ въ Тулѣ большой желѣзный заводъ на рѣчкѣ Тулицѣ, изъ котораго поставлялъ въ пушкарскій приказъ всякіе военные снаряды, взимая съ пуда только по двѣнадцати копеекъ. Пожертвованія его не остались безъ награжденія: ему пожалованъ въ 1702 году въ Верхотурскомъ уѣздѣ желѣзный Невьянскій заводъ за ту сумму, во что онъ обошелся казнѣ. Двадцать лѣтъ продолжалась война съ Швеціей, и все это время Демидовъ не переставалъ снабжать артиллерію орудіями, довольствуясь половиннымъ платежомъ противъ другихъ заводчиковъ. Получивъ отъ государя земли въ Сибири, съ правомъ распространять ихъ покупкой, онъ построилъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ и одинъ мѣдный въ Пермской губерніи, при чемъ населилъ отдаленныя мѣста людьми до Колыванскаго округа. Демидовъ, занимаясь устройствомъ собственныхъ дѣлъ, продолжалъ при всякомъ случаѣ облегчать и расходы казны. Такъ, на 1721 годъ онъ взялъ поставку корабельнаго лѣса изъ Казанской губерніи въ петербургское адмиралтейство и тѣмъ значительнымъ образомъ понизилъ цѣны на этотъ предметъ. Петръ Великій возвелъ его съ потомствомъ въ дворянское достоинство 21 сентября 1720 года. Скончался Никита Демидовъ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, т.-е. около 1724 года. Никита Демидовъ имѣлъ, кромѣ тульскаго желѣзнаго завода, построеннаго имъ въ 1701 году, еще три такіе же въ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской области, молотовый желѣзный заводъ въ вотчинѣ своей Ветлужской, въ области Галичской (Костромской гу-

берніи), четыре желѣзные въ Верхотурскомъ уѣздѣ (Пермской губерніи): Невьянскій, Фетковскій, Шуралинскій и Татинскій. Изъ нихъ къ первому, построенному отъ казны въ 1699 году, были приписаны слободы Аяцкая и Краснопольская и село Покровское съ деревнями. Сверхъ того, Демидовъ владѣлъ за рѣкой Выей, мѣднымъ заводомъ и производилъ горныя работы въ нынѣшней Иркутской губерніи, въ рудникахъ, лежащихъ на гранитѣ и порфирѣ и извѣстныхъ подъ именемъ медвѣдевскаго и плоскогорскаго, гдѣ также добывалъ мѣдь. Петръ Великій, поощряя Демидова къ полезнымъ для государства открытіямъ, прислалъ ему портретъ свой изъ Кизляра, при слѣдующемъ письмѣ: «Демидовъ! я заѣхалъ зѣло въ горячую сторону; велитъ ли Богъ видѣться? Сего ради посылаю къ тебѣ мою персону; лей больше пушкарскихъ снарядовъ и отыскивай, по обѣщанію, серебряную руду». Петръ вообще такъ былъ доволенъ дѣлами Демидова, что намѣревался соорудить его статую изъ мѣди и поставить ее на площади, въ ознаменованіе оказанныхъ имъ заслугъ. «Хорошо, если бы у тебя было, — сказалъ однажды государю генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ,—человѣкъ десятка два такихъ, каковъ Демидовъ».—«Я счастливымъ бы себя почелъ,—отвѣчалъ Петръ,— если бы имѣлъ нѣсколько такихъ отличныхъ людей». Скромность была отличительною чертой характера Демидова; онъ рѣшительно отказался отъ предложенныхъ ему монархомъ чиновъ и достоинствъ, и съ великимъ трудомъ заставили его принять дворянство. О богатствѣ Никиты Антуфіевича можно судить также и по сдѣланному имъ, въ 1715 году, подарку на зубокъ государынѣ, когда родился царевичъ Петръ Петровичъ: кромѣ золотыхъ бугровыхъ сибирскихъ вещей, онъ поднесъ ея величеству сто тысячъ рублей, разумѣется мѣдныхъ, — сумму въ тогдашнее время чрезвычайно значительную, равнявшуюся нынѣшнему милліону рублей серебромъ.

Послѣ Никиты Антуфіевича остались сыновья: Григорій, Акинѳій и Никита Никитичи; они имѣли сыновей, и вотъ эти-то сыновья ихъ, внуки Никиты Антуфіевича, оказались людьми замѣчательными. Они были: Павелъ Григорьевичъ, Никита Акинѳіевичъ, Прокофій Акинѳіевичъ и Николай Никитичъ («Русскіе Люди», т. I, 1—4).

Акинѳій Никитичъ. Старшій сынъ и дѣятельный сподвижникъ родоначальника, родился въ 1678 году. Первоначально кузнецъ при тульской оружейной фабрикѣ, потомъ дворянинъ, наконецъ дѣйствительный статскій совѣтникъ (1742). Отпущенный отцомъ въ 1702 г. на Невьянскій заводъ, только что передъ тѣмъ основанный казной и пожалованный Никитѣ Демидову, основалъ девять новыхъ заводовъ на Уралѣ и

превосходно ихъ устроилъ, открылъ въ Сибири богатыя мѣдныя и серебряныя руды, въ томъ числѣ знаменитый Змѣиногорскій рудникъ, чѣмъ положено начало горной промышленности на Алтаѣ. Скончался въ 1745 г.

Прокопій Акинѳіевичъ, внукъ родоначальника, родившійся въ 1710 году, владѣя несмѣтнымъ богатствомъ, прославился сколько своими странностями, столько же и благотворительностію. Современники ему давали наименованіе «добрый»; дѣйствительно, онъ имѣлъ доброе сердце, щедро помогалъ бѣднымъ и много жертвовалъ на пользу общественную. На учрежденія въ Москвѣ: на воспитательный домъ онъ далъ милліонъ сто семь тысячъ руб., въ томъ числѣ 250.000 руб. на основаніе коммерческаго училища; на учрежденіе при петербургскомъ воспитательномъ домѣ госпиталя для бѣдныхъ родильницъ внесъ 20.000 руб., на построеніе зданія Московскаго университета 20.000 руб., въ главное московское народное училище—5.000 руб.

Онъ первый въ 1771 г. подалъ Правительству мысль объ учрежденіи ссудной казны и содѣйствовалъ ему въ этомъ. Извѣстенъ своею любовью къ растеніямъ; имѣлъ въ Москвѣ замѣчательно богатый ботаническій садъ и подарилъ Московскому университету ботаническій травникъ. Не имѣя никакого чина, былъ Екатериной II прямо пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Скончался въ 1786 г.

Павелъ Павловичъ

Демидовъ.

КНЯЗЬ САНЪ-ДОНАТО.

Павелъ Павловичъ родился 9 октября 1839 года. Владѣтель Нижне-Тагильскихъ заводовъ и наслѣдникъ своего богатаго дяди Анатолія Николаевича, князя Демидова (женатаго на принцессѣ Матильдѣ Іеронимовнѣ Бонапартъ), юный П. П. былъ подготовленъ дома къ университету и въ 1856 году вступилъ въ число студентовъ въ Петербургѣ.

Въ средѣ товарищей его сохранилось много воспоминаній о порывахъ горячей, чуткой къ добру души Демидова. Простота, свойство, особенно цѣнимое русскимъ народомъ, была отличительнымъ качествомъ П. П., и эта простота была не напускная. Въ Парижѣ и въ Лондонѣ (а позднѣе въ Петербургѣ и Кіевѣ) онъ ходилъ по больницамъ, посѣщалъ ночлежные пріюты, тюрьмы и нищенскіе притоны. Богачъ прежде всего хотѣлъ узнать нищету и бѣдствіе.

Избалованный или, прямѣе сказать, взысканный, подавленный благами жизни, Демидовъ не удовлетворялся суетой и искалъ правды. Онъ еще въ Парижѣ сближался съ людьми духовнаго направленія и искалъ опоры въ друзьяхъ Церкви и евангельской мудрости.

Послѣ смерти первой жены своей, Демидовъ весь отдался скорби. Въ дни печали онъ прильнулъ душой къ родинѣ. Бросивъ службу при посольствѣ, онъ поселился въ губернскомъ городѣ Каменцѣ и принялъ тамъ скромное мѣсто совѣтника губернскаго правленія.

Во время войны 1877 г. неутомимо работалъ онъ, какъ по устройству помѣщеній, такъ и по перевозкѣ больныхъ и раненыхъ. Его личныя распоряженія по цѣлому кіевскому округу, его денежныя средства, щедро расходуемыя на нужды больныхъ, были дѣломъ широкаго подвига благотворительности истиннаго гражданина.

Въ трудномъ дѣлѣ снабженія воиновъ всѣмъ нужнымъ, и во временныхъ баракахъ, и на санитарныхъ поѣздахъ, и при отправленіи солдатъ на родину, П. П. былъ главнымъ дѣятелемъ не по одному имени. И днемъ и ночью Демидовъ встрѣчалъ и провожалъ санитарные и пассажирскіе поѣзда съ больными и ранеными. Для него былъ всегда дорогъ подвигъ, предпринятый по собственному духовному побужденію.

П. П. Демидовъ, получившій титулъ князя и имя Санъ-Донато по смерти дяди своего, скончался 14 января 1885 г. на рукахъ горячо любимой имъ второй супруги.

Громкая извѣстность въ публикѣ покойнаго пріобрѣтена имъ разнообразною благотворительностью, которая распадалась на общую и частную. Къ первой слѣдуетъ отнести учрежденіе разныхъ собственныхъ благотворительныхъ заведеній и вспомоществованіе постороннимъ. За послѣднія 9 лѣтъ имъ пожертвовано на пенсіи и другія пособія, въ предѣлахъ Россіи (кромѣ собствен. заводовъ) — 1.167.840 руб.

Годовой расходъ составляетъ 129.300 руб., въ число которыхъ входятъ ежегодныя пожертвованія: Демидовскому дому — 15.000 р., Николаевской дѣтской больницѣ 2.500 р., Кіевскому университету — 2.000 р., Петербургскому университету 3.750 р., Обществу дешевыхъ квартиръ — 5.000 р. (изъ пожертвованныхъ 100.000 р.). Къ частной благотворительности слѣдуетъ отнести содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній при Нижне-Тагильскихъ заводахъ. На его счетъ содержатся: реальное училище на 100 учащихся съ 6-тилѣтнимъ курсомъ, 2 мужскихъ народныхъ начальныхъ училища для 300 дѣтей, 2 женскихъ училища для 200 дѣтей, классы грамотности при заводахъ и рудникахъ въ 9-ти пунктахъ (съ безвозмезднымъ, какъ и въ другихъ училищахъ, и обязатель-

нымъ обученіемъ), 2 пріюта для призрѣнія дѣтей, 2 больницы и нѣсколько пріемныхъ покоевъ съ аптеками при нихъ, фельдшерская школа, библіотеки при училищахъ, школахъ грамотности и госпиталяхъ. По почину же покойнаго на заводахъ учреждены были и существуютъ 10 ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Общій годовой расходъ на всѣ указанныя учрежденія, а также церковные причты, пенсіи и пособія, составляетъ 125.891 р. Въ совокупности, двѣ указанныя цифры пожертвованій составляютъ ежегодную сумму 255.000 р.

Женившись въ 1867 г., онъ перешелъ изъ парижскаго посольства въ вѣнское. Въ то время онъ основалъ въ Парижѣ рукодѣльню св. Маріи, гдѣ отъ 300 до 400 женщинъ, принадлежащихъ къ парижскому населенію, находили себѣ ежедневную работу, обезпечивавшую имъ безбѣдное существованіе.

Трудно описать всѣ тѣ благодѣянія, которыми покойный князь осыпалъ Кіевъ. Не говоря уже о постоянныхъ пособіяхъ городу и университету, князь основалъ на свой счетъ дѣтскую больницу, въ память скончавшагося первенца.

Состоя въ должности предсѣдателя банка и Общества для поощренія промышленности и торговли, онъ дѣятельно занимался изученіемъ еврейскаго вопроса. Большую часть времени у него отнимали уральскіе рудники, въ которыхъ онъ ввелъ всѣ новѣйшія усовершенствованія, предупреждая всегда за нѣсколько лѣтъ желанія правительства. На свой собственный страхъ онъ занялся разработкой каменно-угольныхъ копей на сѣверѣ Урала, предвидя, что со временемъ, въ случаѣ истребленія лѣсовъ, они сдѣлаются единственнымъ источникомъ этого горнаго округа, постоянно нуждающагося въ топливѣ. Демидовъ былъ назначенъ также попечителемъ всѣхъ Демидовскихъ благотворительныхъ учрежденій, основанныхъ его предками, и всей душой предался этому дѣлу.

Съ разрѣшенія императора Александра II, Демидову пожалованъ италіанскимъ королемъ Викторомъ - Эммануиломъ титулъ князя Санъ-Донато и два ордена, св. Маврикія I ст. и Итальянской короны большого креста.

Флорентинское населеніе поднесло ему въ 1879 г. золотую медаль, съ изображеніемъ его и княгини, и адресъ, доставленные въ Санъ-Донато особой депутаціей, въ составъ которой входили представители всѣхъ рабочихъ корпорацій со значками. Муниципалитетъ избралъ по этому случаю князя и княгиню Санъ - Донато почетными гражданами города Флоренціи. Онъ купилъ въ Италіи прекрасное имѣніе Медичисовъ - Пратолино, которое украсилъ произведеніями искусства.

Во Флоренціи князь Санъ-Донато продолжалъ ту же благотворительную дѣятельность, какъ и вездѣ. Онъ открылъ

тамъ много школъ, дешевыя столовыя, ночлежные пріюты, и не было случая, чтобы кто-нибудь безуспѣшно обращался къ нему за помощью.

Французское правительство, въ благодарность за его щедрыя пожертвованія во время войны 1870 г., пожаловало ему командорскій крестъ ордена Почетнаго Легіона

Петръ Николаевичъ

Елистратовъ.

Елистратовъ былъ сынъ богородскаго крестьянина, Владимирской губерніи. Съ раннихъ поръ онъ обнаружилъ большую способность въ искусствѣ дѣлать игрушки. Впослѣдствіи судьба дала ему возможность во всемъ блескѣ проявить свой талантъ. Около сорокового года, еще въ царствованіе Николая I, Елистратовъ пошелъ въ солдаты и съ этихъ поръ жилъ въ Петербургѣ, служа въ гвардіи. Здѣсь, въ свободное отъ военныхъ занятій время, Елистратовъ съ горячею любовью и усердіемъ занимался производствомъ игрушекъ, которому онъ научился въ родной деревенской глуши. Постоянно совершенствуясь въ своемъ дѣлѣ, Елистратовъ сдѣлалъ, между прочимъ, фигуру царя изъ дерева, какъ двѣ капли воды похожую на настоящаго государя. Эта модель была представлена военнымъ начальствомъ государю. Гости и приближенные государя были очень удивлены, какимъ образомъ такая «дивная вещь» могла быть сдѣлана простымъ, нигдѣ не учившимся солдатомъ. Государыня подарила богородскому кустарю золотые часы, а государь приказалъ принять Елистратова въ Академію Художествъ и дать ему полную возможность совершенствоваться въ своемъ искусствѣ. Тутъ уже Елистратовъ всецѣло отдался своей работѣ. Онъ лѣпилъ и алебастровыя фигуры и дѣлалъ модели изъ дерева. Благодаря большому таланту, благодаря «развязности въ головѣ», Елистратовъ умѣлъ придавать своимъ моделямъ истинный видъ, совершенно соотвѣтствующій дѣйствительности; произведенія его дышали художественностію, имѣли «живость». За одну изъ своихъ моделей Елистратовъ получилъ полторы тысячи рублей. Онъ сдѣлался настоящимъ художникомъ. По временамъ Елистратовъ навѣщалъ свою родину и здѣсь училъ богородскихъ крестьянъ искусству дѣлать лучшія игрушки, говорилъ о необходимости вдумчиво относиться къ работѣ, придавать соразмѣрность каждой ихъ части и т. п. Елистратовъ съ особенною любовью училъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ замѣчалъ хорошія способности. Такимъ образомъ

производство игрушечнаго промысла развилось въ Владимирской губерніи главнымъ образомъ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Учителемъ этого производства явился П. Н. Елистратовъ.

Василій Тимоѳеевичъ

Ермакъ *).

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

«Ермакъ Тимоѳеевичъ» (извѣстный болѣе подъ этимъ именемъ), одинъ изъ атамановъ донскихъ казаковъ, прославился силой и мужествомъ въ бояхъ и за разбои навлекъ на себя опалу царя Іоанна Грознаго. Товарищами его были Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Матвѣй Мещерякъ и друг. По приглашенію купцовъ Строгановыхъ, имѣвшихъ богатыя соляныя варницы на рѣкѣ Вычегдѣ и терпѣвшихъ отъ нападеній сибирскаго царя Кучума, Ермакъ въ 1579 году съ 540 казаками, присоединивъ къ себѣ еще 300 чел., служившихъ Строгановымъ, повелъ свою рать на сулахъ, Чусовой, Тагиломъ, Турой, въ Сибирское царство; побѣдивъ вогуловъ, онъ въ 1582 году пошелъ на сибирскаго царя Кучума. По дорогѣ разбивъ Епанчу, татарскаго мурзу, и Маметкула, племянника Кучумова, 25 октября Ермакъ взялъ столицу Искеръ и утвердилъ господство Россіи отъ хребта Уральскаго до Иртыша, послѣ чего съ извѣстіемъ о своихъ побѣдахъ и съ просьбой о помилованіи Ермакъ послалъ въ Москву Ивана Кольцо съ нѣсколькими казаками «бить челомъ всѣмъ Сибирскимъ цар-

Ермакъ, покоритель Сибири.

*) «Ермакъ» означало на Волгѣ жерновой камень; такое прозваніе товарищи дали Василію Тимоѳеевичу, вѣроятно, потому, что онъ отличался большой силой и твердостью характера.

ствомъ»; Кольцо привезъ и образцы сибирскихъ произведеній: драгоцѣнныхъ соболей, черныхъ лисицъ и бобровъ. Царь принялъ его весьма милостиво, послалъ казакамъ подарки и жалованье, выдавъ грамоту, въ которой Ермакъ названъ княземъ сибирскимъ.

Но черезъ годъ, 5 августа 1584 года, Ермакъ, защищаясь отъ многочисленныхъ татаръ, напавшихъ ночью на него съ 50 казаками, когда тѣ спали, бросился въ р. Иртышъ, чтобы переплыть на другой берегъ, и утонулъ, отягченный стальной броней съ золотымъ орломъ на груди (подаркомъ царя).

Ермаку поставленъ памятникъ въ г. Тобольскѣ съ надписью:

«Покоритель Сибири. 1582 г.».

Василій Григорьевичъ

Жуковъ.

Жуковъ, извѣстный табачный фабрикантъ (родился въ 1800 году въ городѣ Порховѣ, Псковской губерніи, сынъ бѣднаго мѣщанина) въ молодости прибылъ въ Петербургъ и поступилъ рабочимъ на табачную фабрику, скопилъ изъ своего заработка небольшую сумму. Женившись, открылъ въ 1822 году небольшую табачную лавочку на Фонтанкѣ. Съ этого времени съ помощью труда и настойчивости началась его извѣстность. Съ 1830 года Жуковъ уже былъ купцомъ 1 гильдіи. Въ 1834 году онъ пожертвовалъ на дѣтскую больницу 33.000 руб., въ разныхъ заведеніяхъ на его счетъ воспитывалось до 20 воспитанниковъ и воспитанницъ. Въ 1837 году онъ открылъ «Жуковскій» дѣтскій пріютъ, на который употребилъ въ теченіе 20 лѣтъ до 150.000 руб. Въ 1833 году былъ выбранъ городскимъ головой, въ 1840 году сдѣланъ коммерціи совѣтникомъ. Въ Порховѣ онъ учредилъ общественный банкъ «Жуковскій», положивъ на его основаніе 10.000 руб., и устроилъ на 40 человѣкъ богадѣльню, построилъ на свой счетъ церкви и дома. Въ 1847 — 1851 г. былъ опять городскимъ головой въ Петербургѣ. Жуковъ сдѣлалъ еще много другихъ пожертвованій.

О В. Г. Жуковѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1885 г. № 2) помѣщено слѣдующее: «Въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Петербургѣ именитый купецъ В. Г. Жуковъ, производившій обширную торговлю табакомъ и извѣстный своею добротою ко всѣмъ, кто поступалъ къ нему въ услуженіе или на работу. В. Г. любилъ нашихъ солдатъ, и выходившихъ въ отставку принималъ къ себѣ на фабрику, платилъ имъ хорошее жалованье, часто разговаривалъ съ ними и награждалъ.

«Однажды великій князь Михаилъ Павловичъ, любившій въ свободное отъ службы время побалагурить съ солдатами,

проходя по лагерю подъ Краснымъ Селомъ, встрѣтилъ стараго солдата, подлежавшаго увольненію въ отставку, остановилъ его и разговорился съ нимъ.

«— Ну, что, братъ, пора намъ съ тобой и на шабашъ!— сказалъ ему великій князь весьма серіозно.

«— Да, ваше высочество, приходитъ время къ отставкѣ,— отвѣчалъ солдатъ также серіозно.

«— Куда же пойдешь?

«— Еще не знаю, ваше высочество.

«— Ну, братъ, и мнѣ хочется на покой, да также не знаю, гдѣ бы мѣстечко потеплѣе найти. А? Какъ ты мнѣ посовѣтуешь? — продолжалъ пресеріозно Михаилъ Павловичъ.

«— Ахъ, ваше высочество, — отвѣчалъ солдатъ, не запинаясь, съ желаніемъ отъ души всего хорошаго любимому имъ великому князю, — у купца Жукова жить хорошо; вотъ бы куда!

«— Пожалуй, не приметъ, — засмѣялся великій князь.

«— Какъ не принять? ваше-то высочество? — отвѣчалъ убѣжденно старый воинъ. — Первѣющее мѣсто вамъ предоставитъ.

«— Спасибо за совѣтъ, любезный товарищъ! — засмѣялся великій князь, хлопая по плечу солдата. — Придется, значитъ, поклониться Василію Григорьевичу... Завтра же увижу его и попрошу.

«— Попросите и за меня, ваше высочество, — отвѣчалъ невозмутимо-серіозно старикъ.

«— Конечно, конечно! — закончилъ великій князь разговоръ. — Ужъ если служить, такъ опять вмѣстѣ.

«И, дѣйствительно, солдатъ, по просьбѣ великаго князя, былъ принятъ, по выходѣ въ отставку, Жуковымъ и находился у него на службѣ до своей смерти».

Алексѣй Васильевичъ

Кольцовъ.

НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ род. въ Воронежѣ 2 октября 1809 года. Отецъ его былъ воронежскій мѣщанинъ, занимавшійся скотоводствомъ. На 10 году Кольцова начали учить грамотѣ, и онъ скоро выучился, затѣмъ отдали его въ уѣздное училище, изъ котораго онъ взятъ домой со 2 класса, чтобы помогать отцу въ торговлѣ.

Получаемыя отъ отца деньги на игрушки онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и Бова Королевичъ съ Еруслановъ Лазаревичемъ составляли его любимѣйшее чтеніе.

Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца; у обоихъ была сильная страсть къ чтенію. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ на домъ. Больше всего полюбилась ему книга: «Арабскія сказки, 1001 ночь».

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ

А. В. Кольцовъ.

съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ 3 года. Въ это время онъ въ первый разъ узналъ несчастіе: онъ лишился своего друга, умершаго послѣ непродолжительной болѣзни. Горесть его была глубока и сильна. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ пріятеля ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ и въ городѣ и въ степи. До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Не-

чаянно покупаетъ онъ на рынкѣ сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки, бѣжитъ онъ съ нею въ садъ и начинаетъ пѣть стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключилъ онъ по пѣснямъ. Много изъ нихъ онъ заучилъ наизусть, и особенно понравился ему «Ермакъ». Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ рпѳмами. Въ то время ему было 16 лѣтъ.

Велико было рвеніе Кольцова, но при всемъ этомъ вопросы: такъ ли я дѣлаю? правильно ли пишу?—не давали ему покою. Людей знающихъ, знакомыхъ съ дѣломъ стихотворства, вокругъ него не было, и вотъ, въ крайности онъ рѣшается показать свои творенія книжному торговцу Кашкину. Кашкинъ былъ простой человѣкъ, но самоучкой пріобрѣтшій нѣкоторыя книжныя познанія. Онъ не одобрилъ опытовъ Кольцова, а посовѣтовалъ ему почитать правила о стихосложеніи и тутъ же подарилъ ему книгу «Русская Просодія», а въ довершеніе всего Кашкинъ разрѣшилъ Кольцову пользоваться безвозмездно книгами изъ его лавки. Вскорѣ сочиненія Пушкина, Жуковскаго были прочитаны и даже пріобрѣтены въ собственность. Юноша былъ счастливъ, счастливъ въ городѣ и еще болѣе счастливъ въ степи, куда отцовское дѣло вызывало его по веснѣ. Только счастіе это было отрывочное, чередовавшееся съ самой черствой дѣятельностью прасола... Съ одной стороны, благоухающее, безбрежное зеленое море — степь, которую онъ такъ любилъ и раздолье которой такъ воспѣвалъ, съ другой — торговые обманы, брань, божба изъ-за гроша... Впечатлѣнія идутъ вперемежку. Когда Кольцову минуло 17 лѣтъ, онъ былъ уже призванъ править всѣми дѣлами отца; съ этого времени на его дѣятельность разсчитываетъ семья, — до книгъ ли тутъ! Отецъ зорко смотритъ за тѣмъ, чтобы сынъ не «билъ баклуши», — такъ онъ называетъ чтеніе книгъ; но и въ это время сынъ ни за что не хочетъ, да и не можетъ, оставить чтеніе, оставить стихи.

Молодой прасолъ съ удовольствіемъ уѣзжалъ въ степь: тамъ не донимали его дрязги городской жизни; тамъ онъ съ любовью отдавался живымъ впечатлѣніямъ матери-природы, красотами которой упивалась его впечатлительная душа. Степь воспитала и взлелѣяла его; онъ любилъ ночлеги подъ открытымъ небомъ, не страшили его ни бури-непогоды, ни большіе переѣзды... Гарцуя по степи, изъ хутора въ хуторъ, изъ деревни въ деревню, Кольцовъ жилъ съ простымъ народомъ его жизнью, вольно и невольно изучалъ бытъ, нужды, характеръ, взгляды крестьянства и потому зналъ народъ. Вотъ почему въ его твореніяхъ мы встрѣчаемъ описанія природы всегда вмѣстѣ съ картиной житья-бытья человѣка, для кото-

раго эта природа — «поилица-кормилица», а не только красавица. Это живое отношеніе къ природѣ и къ человѣку выросло и сроднилось съ Кольцовымъ во время его переѣздовъ по степи, оно же опредѣлило характеръ и направленіе его пѣсенъ, его стихотвореній.

Пять лѣтъ уже прошло въ попыткахъ стихотворства, когда новое чувство усилило страсть Кольцова выражать свои «душевныя волненія въ звукахъ пламенныхъ». Юноша полюбилъ дѣвушку, служанку, жившую въ домѣ его отца; это не понравилось домашнимъ, и, во время отсутствія Кольцова въ степь, бѣдную Дуню постарались удалить изъ дома такъ, что Кольцовъ впослѣдствіи, послѣ долгихъ поисковъ, могъ только узнать, что гдѣ-то въ глуши донскихъ степей, въ казачьей станицѣ, она умерла... Это событіе въ жизни Кольцова имѣло большое вліяніе на него. Сильное горе пробудило всѣ силы его души. Стихи были утѣшеніемъ. Сила чувства его выразилась во многихъ стихотвореніяхъ, не подражательныхъ уже, а самостоятельныхъ.

Въ 1835 году было напечатано 18 стихотвореній, которыя доставили Кольцову большую извѣстность.

Кому изъ насъ неизвѣстны его стихи:

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ...
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!
Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою —
Водой ключевою,

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Что ты спишь мужичокъ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ — ни снопа
Въ закромахъ — ни зерна,
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ —
Вѣтеръ точитъ зерно
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Маленькому брату.

Расти счастливо, братъ мой милый,
Подъ кровомъ Вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ — простотою;
На сцену свѣта ты взойдешь

Любимцемъ ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны
И посохъ бѣдный понесешь,—
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ
Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ чѣмъ Богъ послалъ—послѣднимъ,
Какъ съ роднымъ братомъ, подѣлись.
Суму дадутъ—не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны, предъ Нимъ
Смирися съ дѣтской простотою—
И съ сердца грусть слетитъ, какъ дымъ.
Пробудишь струны — пой безъ лести!
Будь неподкупенъ въ дѣлѣ чести;
Люби Творца, своихъ владыкъ
И будь въ ничтожествѣ великъ.

Алексѣй Васильевичъ скончался 29 октября 1842 года и погребенъ въ Воронежѣ. На могилѣ его поставленъ памятникъ, а въ 1868 году и на площади г. Воронежа, названной «Кольцовскою». Но лучшій памятникъ Кольцову — его пѣсни.

Василій Александровичъ
Кокоревъ.

ОТКУПЩИКЪ-МИЛЛІОНЕРЪ.

Кокоревъ родился въ 1817 году, происходилъ изъ мѣщанъ г. Солигалича, Костромской губ. Выучившись кое-какъ читать и писать, помогая отцу, сидѣльцу въ питейныхъ домахъ, онъ пріобрѣлъ опытность по винному дѣлу. Въ 40 годахъ прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ простого торговаго мальчика, съ помощью ума и энергіи вскорѣ сдѣлался богачомъ. Будучи комиссіонеромъ Министерства Финансовъ по виннымъ откупамъ, исполняя порученія министерства и снимая откупные округа несостоятельныхъ лицъ въ казенное завѣдываніе, В. А. разбогатѣлъ такъ, что въ 50 годахъ имя его уже было извѣстно на всю Россію, не только какъ богатаго откупщика, но и какъ умнаго и просвѣщеннаго дѣятеля. Къ началу 60 годовъ состояніе Кокорева доходило до 7 милліоновъ. Когда состояніе это, благодаря неудачнымъ предпріятіямъ, пошатнулось, Кокоревъ основалъ въ 1870 году Волжско-Камскій банкъ и Сѣверное страховое отъ огня общество. Затѣмъ онъ направилъ свою предпріимчивость на развитіе нефтяного дѣла. Онъ первый открылъ и началъ разрабатывать русскую нефть на Кавказѣ. Съ Губонинымъ построилъ уральскую Горнозаводскую дорогу. Построилъ цѣлую колонію роскошныхъ дачъ для петербургскихъ жителей близъ Николаевской желѣзной дороги.

Но не все и удавалось,—бывало, что не разъ дѣла его запутывались и онъ разорялся; только его удивительная бодрость духа, смѣтливость, чрезвычайная находчивость и практическій умъ спасали его *).

В. А. былъ истинно русскій человѣкъ, горячо и искренно любившій свою родину, настоящій русскій самородокъ, грудью пробившій себѣ дорогу. Много писалъ онъ о нуждахъ и желаніяхъ русскаго народа, но больше всего самъ лично сдѣлалъ хорошаго для блага нуждающихся. Въ своемъ имѣніи, въ Новгородской губерніи, онъ доставилъ возможность крестьянамъ пріобрѣтать на выгодныхъ условіяхъ участки земли; тамъ же, около озера Ильменя, выстроилъ прекрасный домъ для учениковъ Академіи Художествъ и проч.

Скончался 22 апрѣля 1889 года въ Петербургѣ и погребенъ на Охтенскомъ кладбищѣ.

Ермилъ Ивановичъ

Костровъ.

Это былъ русскій самородокъ, даровитый отъ природы, надѣленный несомнѣннымъ талантомъ стихотворца. Сынъ экономическаго крестьянина, впослѣдствіи поступившаго въ дьячки, Е. И. Костровъ родился въ началѣ 1752 года, въ Вобловицкой волости, Вятской губерніи; по окончаніи курса вятской духовной семинаріи, онъ, подобно Ломоносову, поступилъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію и въ ней научился стихотворству. Изъ-подъ его пера вышелъ рядъ «епистолъ», посвященныхъ, главнымъ образомъ, прославленію благодѣяній московскаго митрополита Платона. Свое образованіе Костровъ завершилъ въ Московскомъ университетѣ, откуда, въ 1778 году, вышелъ со званіемъ «бакалавра словесныхъ наукъ», и затѣмъ отдался дѣятельности писателя. Звучныя «оды» и «стихи на случай», посвященные императрицѣ Екатеринѣ II, ея вельможамъ, московскимъ событіямъ и, главнымъ образомъ, прославленію Московскаго университета, — вотъ главныя произведенія, которыми сталъ извѣстенъ Костровъ въ ряду другихъ писателей. Кромѣ того, какъ знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ, онъ занимался переводами.

---

*) Разсказываютъ, что въ тяжелую минуту полнаго разоренія В. А. неожиданно получилъ поддержку отъ своей матери. Деньги, которыя посылалъ онъ иногда матери «къ празднику», она прятала въ кубышку. Узнавъ объ его стѣсненномъ положеніи, мать поспѣшила доставить ему свое сбереженіе, и когда вынули деньги изъ кубышки, тамъ оказалось 60.000 руб.! Они-то и послужили основаніемъ новымъ крупнымъ предпріятіямъ.

Особенно любопытенъ его переводъ «Иліады», начатый за десять лѣтъ до кончины; это была первая и довольно удачная передача знаменитаго произведенія древней Греціи на русскій языкъ, исполненная съ юношескимъ одушевленіемъ. Къ сожалѣнію, Костровъ успѣлъ перевести только десять пѣсенъ Иліады. Окончанію перевода помѣшала его ранняя смерть.

Михаилъ Ивановичъ
Крашенинниковъ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ родился въ г. Серпуховѣ въ 1775 году. Отецъ его принадлежалъ къ купеческому сословію и занимался поставками Дѣла шли все время прекрасно. Но незадолго до смерти, лѣтъ за пять, ему пришлось понести крупные убытки и онъ окончательно разорился. Около этого времени у него родился сынъ-первенецъ, котораго онъ такъ пламенно всегда желалъ. Семейная радость не надолго поддержала пошатнутое житейскими неудачами здоровье еще нестараго отца — въ 1779 г. онъ умеръ, оставя вдову и малолѣтнихъ двухъ дочерей и сына Михаила почти безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Трудно было бѣдной женщинѣ растить своихъ дѣтей. Томительно долго протянулись въ нуждѣ 10 лѣтъ.

На 15-мъ году жизни сынъ разстался съ матерью: та рѣшилась отпустить его въ Москву на мѣсто, въ торговлю купцовъ Кирьяковыхъ. Тяжело было имъ разлучаться.

Благословивъ и напутствовавъ сына, мать дала ему на дорогу *семь копеекъ*. Кто бы могъ подумать, что эти копейки послужатъ основаніемъ десятимилліоннаго состоянія Крашенинникова!

Миша поступилъ къ Кирьяковымъ мальчикомъ на посылкахъ. На его обязанности лежало встрѣчать и провожать покупателей, завертывать товаръ и т. п. Вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе хозяина, такъ какъ оказался способнымъ и дѣльнымъ юношей. Былъ прилеженъ, аккуратенъ, исполнителенъ, предупредителенъ и честенъ. Его всѣ полюбили, и онъ пошелъ въ гору. Съ ранняго возраста въ немъ была замѣчена рѣдкая наклонность постоянно, по мѣрѣ силъ и возможности, помогать изъ своего достатка бѣднымъ. Кромѣ того, онъ былъ въ высшей степени бережливъ. Трудами нажитыя деньги въ юныхъ годахъ Михаилъ Ивановичъ употребилъ на выдачу въ замужество сестры и на погребеніе своей матери.

Отъ Кирьяковыхъ, дѣла которыхъ внезапно разстроились, онъ перешелъ затѣмъ къ купцу Сѣрикову. Зарекомендовавъ

себя и здѣсь съ самой лучшей стороны, Крашенинниковъ скоро достигъ мѣста «приказчика на отчетѣ». Съ этого времени, получая отъ хозяина, по условію, ежегодно весь остатокъ товара въ свою пользу и превращая его въ наличныя деньги, онъ началъ постепенно богатѣть и къ 27 годамъ уже имѣлъ порядочный капиталъ, давшій ему возможность самому сдѣлаться хозяиномъ.

Женившись по любви на дочери юрьевскаго купца Шевелкина, онъ открылъ ткацкую фабрику.

Умѣло ведя свое дѣло и пріобрѣтая къ себѣ расположеніе и довѣріе покупателей высокимъ качествомъ вырабатываемаго матеріала, Михаилъ Ивановичъ съ каждымъ годомъ увеличивалъ свои торговые обороты. Къ тому же, его обогащенію много способствовало послѣдовавшее на нѣкоторое время запрещеніе ввоза хлопка, по счастью заготовленнаго имъ въ большомъ количествѣ. Цѣны страшно поднялись, и капиталъ его неожиданно почти утроился.

Въ 1817 году умерла его нѣжнолюбимая жена, оставивъ послѣ себя пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Онъ былъ въ отчаяніи и долго горевалъ. Но ради дѣтей ему пришлось жениться вторично. Онъ взялъ дочь небогатаго московскаго купца Лапинскаго. Отъ этой послѣдней онъ имѣлъ только одного ребенка.

Свои дѣла М. И. велъ въ продолженіе сорока лѣтъ. Въ 1842 году онъ нашелъ нужнымъ ихъ прекратить. «Довольно,— сказалъ онъ,— пора перестать и дать другимъ дорогу!»

М. И. велъ слѣдующій образъ жизни: въ 5 ч. вставалъ, до восьми находился на молитвѣ; затѣмъ съѣдалъ кусокъ чернаго хлѣба; въ 9 час. пилъ чай; въ 2 ч. обѣдалъ; до обѣда занимался дѣлами дома; въ 3 ч. ѣхалъ въ городъ и тамъ оставался часовъ до 7; вечера проводилъ въ семействѣ или изрѣдка въ купеческомъ собраніи; спать ложился не позже 11 часовъ. Этого порядка онъ всегда придерживался.

Свободное время М. И. посвящалъ чтенію. Особенно онъ любилъ историческія сочиненія.

Будучи человѣкомъ въ высшей степени набожнымъ, онъ весьма часто посѣщалъ церковь и становился обыкновенно на клиросѣ.

Характера былъ твердаго. Съ дѣтьми обходился строго, а къ подчиненнымъ былъ взыскателенъ.

Даннаго слова держался крѣпко. Ложь ненавидѣлъ. Былъ бережливъ и расчетливъ. Роскоши не выносилъ.

Проведя всю свою жизнь въ области денегъ, М. И. не ослѣпился блескомъ золота. Все свое богатство онъ считалъ полученнымъ отъ Бога въ ссуду для раздачи бѣднымъ. Со-

блюдая по отношенію къ себѣ во всемъ самую строгую расчетливость, употребляя самую обыкновенную пищу, одѣваясь черезчуръ просто, — словомъ, проживая на себя чрезвычайно мало, Крашенинниковъ не былъ скупъ для неимущаго ближняго: онъ сыпалъ сотнями тысячъ на дѣла благотворенія! И дѣлалъ это тайно отъ всѣхъ, даже отъ своихъ домашнихъ! Только смерть открыла всѣ сокровища его души! Только тутъ стало всѣмъ понятно, кого онъ такъ часто называлъ при жизни своими «кредиторами», не бывъ никогда никому долженъ, и какое назначеніе давалъ своему богатству! Кредиторы, это — всѣ вообще бѣдняки, у которыхъ М. И. всегда считалъ себя въ долгу и которымъ отдавалъ не задумываясь весь свой достатокъ.

Около пяти милліоновъ руб. асс. М. И. внесъ въ разное время въ сохранную казну, и бѣдные ежегодно получаютъ по 200.000 р. себѣ въ пособіе.

Трудно перечислить всѣ оказанныя имъ неимущему ближнему благодѣянія, — такъ ихъ много и такъ они разнородны!

Крашенинниковъ, дѣйствительно, сумѣлъ дать своимъ милліонамъ хорошее назначеніе.

Какъ тяжело бываетъ содержать многочисленное семейство! Какъ трудно выдать дочь замужъ! Какимъ опасностямъ подвергается бѣдная дѣвушка - мѣщанка, сирота! Пристроить ее къ мѣсту, обезпечить сколько-нибудь судьбу ея — вотъ самое большое счастіе, о которомъ мечтаютъ родители. И это все исполняется завѣщаніемъ знаменитаго благотворителя — въ Серпуховѣ и Коломнѣ ежегодно для 12 дѣвицъ, а въ остальныхъ городахъ Московской губерніи для четырехъ. Пятисотъ рублей вполнѣ достаточно, чтобы завести хозяйство — и вотъ сколько новыхъ семействъ является въ обществѣ со всѣми средствами къ существованію, по крайней мѣрѣ, для начала, а продолженіе зависитъ уже отъ нихъ самихъ.

Распоряженіе о пособіи бѣднымъ людямъ, за двѣ недѣли предъ Рождествомъ и святой Пасхой, носитъ не менѣе признаковъ опытной мудрости.

Это главные наши праздники, два великихъ дня въ году простолюдина, къ которымъ онъ приготовляется заранѣе. Здѣсь соединяются всѣ его нужды и всѣ его удовольствія: разговѣться, купить обновку, угостить знакомыхъ, подарить ребенку игрушку — все къ празднику.

Другой бѣднякъ проживетъ и весь годъ съ пятьюдесятью рублями отъ Рождества до Святой и съ другими пятьюдесятью отъ Святой до Рождества!

М. И. Крашенинниковъ скончался 3 января 1849 г., на 73 году отъ рожденія.

Утромъ онъ былъ у обѣдни; день провелъ, какъ всегда, но, ложась вечеромъ спать, почувствовалъ себя дурно. Пріѣхавшій докторъ не могъ оказать никакой помощи. Больной пожелалъ причаститься, въ полной памяти принялъ св. Дары, призвалъ всѣхъ своихъ домашнихъ, просилъ прощенія у нихъ, поцѣловалъ жену и дочь и, обнявъ икону Спасителя, со словами: «Буди, Господи, милостивъ мнѣ, грѣшному!» отошелъ въ вѣчность.

«Буди милостивъ ему, Господи!» Скажутъ и будутъ всегда повторять изъ глубины сердца всѣ облагодѣтельствованные имъ бѣдные!

Вотъ какими словами извѣстный писатель Погодинъ, современникъ Крашенинникова, приглашаетъ всѣхъ почтить его память:

«Русскіе люди! Проходя за Москвой-рѣкой, по широкой улицѣ, ведущей къ Калужскимъ воротамъ, вы увидите на правой рукѣ высокую ограду церкви во имя св. Іоанна Воина. Насупротивъ нея возвышается средней величины каменный домъ. Въ этомъ-то домѣ жилъ и скончался знаменитый благотворитель, московскій купецъ Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ. Остановитесь съ почтеніемъ предъ жилищемъ достойнаго гражданина и вспомните съ признательностію объ его благодѣяніяхъ, посредствомъ которыхъ онъ отеръ много слезъ на землѣ».

Иванъ Петровичъ
Кулибинъ.

МЕХАНИКЪ-САМОУЧКА.

Иванъ Петровичъ родился 10 апрѣля 1735 года въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отецъ его былъ мучной торговецъ. Отданный въ ученіе къ дьячку, Ваня скоро научился читать, писать и считать. Еще въ дѣтствѣ у него проявилась наклонность къ механикѣ. Разсказываютъ, что онъ любилъ проводить время, самъ устраивая кораблики, мельницы и проч. Однажды онъ даже устроилъ небольшую мукомольную мельницу, для которой жернова вытесалъ изъ камня.

Заинтересовавшись часами, находившимися на соборной колокольнѣ, и желая узнать, отчего движутся стрѣлки, онъ часто лазилъ на колокольню и долго всматривался въ нихъ.

Находясь однажды въ Москвѣ, И. П. купилъ старые карманные часы и инструменты для изготовленія часовъ, и тутъ-

то онъ могъ уже подробно изучить ихъ устройство, а изучивъ, началъ заниматься починкой часовъ и, наконецъ, настолько усовершенствовался, что могъ изготовлять деревянные часы съ кукушкой, для продажи.

Не останавливаясь на этомъ, онъ рѣшилъ устроить часы величиной съ гусиное яйцо съ разными диковинами: каждый часъ раскрывались дверцы, чрезъ которыя былъ виденъ гробъ Господень съ двумя воинами, предъ входомъ въ пещеру; чрезъ полминуты являлся ангелъ, камень отваливался, воины падали, а къ ангелу подходили жены мироносицы; часы трижды играли «Христосъ воскресе». Объ этой затѣѣ онъ сообщилъ купцу Костромину, который предложилъ ему необходимую сумму для покупки инструментовъ.

Въ 1767 году часы эти были готовы, и они вдвоемъ съ Костроминымъ доставили ихъ въ Петербургъ, императрицѣ Екатеринѣ II, которая ласково приняла ихъ, подарила Кулибину серебряную кружку съ своимъ портретомъ, повелѣвъ выдать 1,000 руб. и причислить къ Академіи Наукъ въ званіи механика, съ жалованьемъ 300 руб. въ годъ. Часы эти хранятся въ Эрмитажѣ (въ Петровской галлереѣ).

И. П. Кулибинъ.

Тамъ же хранятся дорогіе часы съ павлиномъ, подаренные кн. Потемкинымъ императрицѣ. Эти часы, когда ихъ привезли изъ Англіи, оказались испорченными; починить ихъ брался только одинъ иностранецъ за 50.000 руб. Обратились къ Кулибину, и тотъ исправилъ ихъ за 1.200 руб.

Находясь въ Петербургѣ, И. П. устроилъ образецъ моста, который состоялъ изъ одного свода безъ свай, упираясь концами въ берега рѣки. Такой мостъ предполагалось построить чрезъ Неву, но война остановила постройку. Онъ же изобрѣлъ фонарь, состоящій изъ кусочковъ зеркала, который увеличиваетъ свѣтъ обыкновенной свѣчи въ 500 разъ.

Но въ особенности замѣчательно было его изобрѣтеніе самоходнаго судна, въ то время, когда объ употребленіи пара еще ничего не было извѣстно. Съ нѣсколькими членами комиссіи морского вѣдомства Кулибинъ взошелъ на судно съ грузомъ въ 4 тысячи пудовъ, пустилъ въ ходъ машину и самъ сталъ управлять ею; несмотря на сильный вѣтеръ, судно

поднялось противъ теченія вверхъ по Невѣ и шло такъ быстро, что ялики едва поспѣвали за нимъ.

Несмотря на такой успѣхъ этого изобрѣтенія, надъ усовершенствованіемъ котораго Кулибинъ трудился даже еще и въ царствованіе Александра I, когда при вторичномъ испытаніи его оно было признано чрезвычайно полезнымъ, оно все-таки не было введено въ употребленіе.

Иванъ Петровичъ скончался на 84 году, 30 іюня 1818 года, и похороненъ на Всесвятскомъ кладбищѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Семейство его осталось въ бѣдности: хотя онъ часто получалъ пособія отъ государей, но всѣ деньги расходовалъ на свои опыты.

Михаилъ Васильевичъ

Ломоносовъ.

Ломоносовъ родился въ 1711 г. въ деревнѣ Денисовкѣ, Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда. Лѣтомъ маленькій Михайло уѣзжалъ съ отцомъ на рыбный промыселъ, а зимой учился грамотѣ у сельскаго дьячка. Несмотря на то, что въ то время не умѣли искусно учить, Ломоносовъ чрезъ два года хорошо уже читалъ на клиросѣ.

Имѣя охоту къ ученію, Ломоносовъ въ 1730 г. зимой, въ морозную ночь, тайкомъ оставилъ родительскій домъ и направился вслѣдъ за рыбнымъ обозомъ, шедшимъ въ Москву. Черезъ три недѣли онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ первую ночь провелъ подъ открытымъ небомъ въ саняхъ. На другой день пришелъ въ обозъ за рыбой холмогорскій уроженецъ, служившій у какого-то московскаго помѣщика дворецкимъ. Узнавъ о намѣреніи Ломоносова, дворецкій взялъ юношу къ себѣ, думая помѣстить его въ Заиконоспасское училище; но въ училищѣ принимали только дворянъ и дѣтей священниковъ. Ломоносовъ выдалъ себя за дворянина и былъ принятъ въ первый классъ школы. Вначалѣ онъ выносилъ много непріятностей отъ товарищей, бывшихъ почти вдвое моложе его (Ломоносову было 20 лѣтъ), и терпѣлъ нужду, такъ какъ изъ школы ему выдавалось столько денегъ, сколько доставало только на хлѣбъ и квасъ. Но всѣ неблагопріятныя обстоятельства Ломоносовъ преодолѣлъ терпѣніемъ и любовью къ ученію.

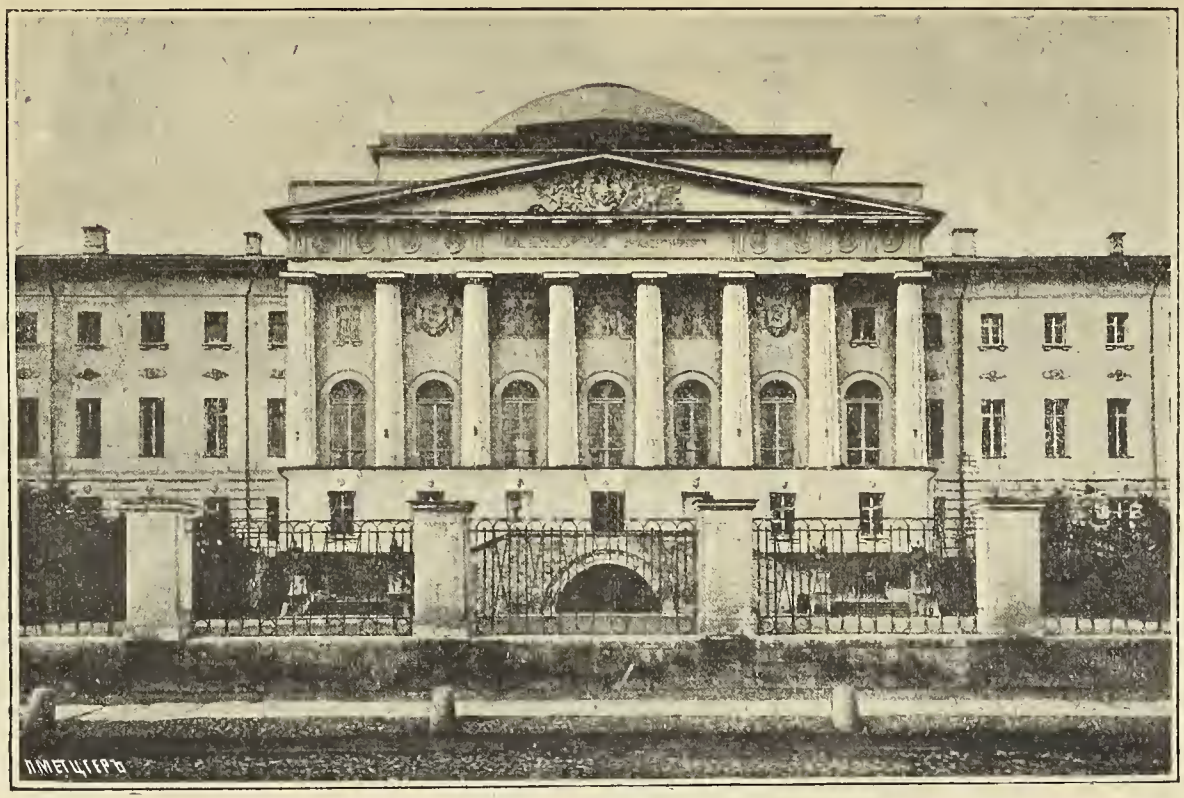
Однажды Заиконоспасское училище посѣтилъ епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, первенствующій членъ Св. Синода. Въ присутствіи посѣтителя Ломоносовъ отвѣчалъ лучше всѣхъ; въ знакъ вниманія къ лучшему ученику, Прокоповичъ

приказалъ Ломоносову прійти къ нему на домъ. Ломоносовъ не понялъ этого приглашенія: ему представилось, что происхожденіе его узнано, и что двери школы закрываются за нимъ навсегда. Со страхомъ вошелъ онъ къ епископу и бросился ему въ ноги, прося помилованія за невольную ложь. Прокоповичъ, ободряя школьника, сказалъ: «Не бойся ничего, — хотя бы со звономъ въ большой соборный колоколъ стали тебя называть самозванцемъ, я — твой защитникъ».

Позднѣе Ломоносовъ былъ вызванъ въ Петербургъ, въ училище, находившееся при Академіи Наукъ (Академія, то-есть собраніе ученыхъ, была учреждена въ царствованіе императрицы Екатерины I). Изъ Петербурга Ломоносовъ былъ отправленъ съ ученой цѣлью за границу, въ Германію. Тамъ онъ оставался 4 года и усердно занимался науками.

Ломоносовъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Ломоносовъ сдѣлался членомъ Академіи. Онъ былъ дѣятеленъ и трудолюбивъ, постоянно заботился о пользѣ Россіи, брался за все и во всякомъ дѣлѣ обнаруживалъ умъ и знаніе. Ломоносовъ составилъ первую русскую грамматику, краткій учебникъ русской исторіи, сочинялъ стихи (см. «Утреннее размышленіе»), пьесы для театра (открытаго въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны), завелъ мастерскую для мозаики и въ теченіе двухъ лѣтъ создалъ картину, изображающую Петра Великаго въ Полтавской битвѣ (находится въ Эрмитажѣ, въ Петровской галлереѣ). Первый русскій университетъ, Московскій, былъ основанъ по его плану (1755 г.). Ломоносовъ былъ избранъ въ почетные члены заграничныхъ Стокгольмской и Болонской академій. Но между русскими академиками у него было больше враговъ, чѣмъ друзей. Особенно много огорченій вынесъ Ломоносовъ отъ управляющаго дѣлами Академіи, Шумахера, который однажды даже угрожалъ Михаилу Васильевичу отставкой, но онъ на



Зданіе университета въ Москвѣ.

это отвѣтилъ, что «Академію отъ него можно отставить, а не его отъ Академіи».

Издерживая почти все свое жалованье на книги, инструменты и опыты, Ломоносовъ долженъ былъ вести скудную жизнь. Положеніе его не улучшилось и послѣ того, какъ императрица Елизавета подарила ему имѣніе, такъ какъ доходы съ него Михаилъ Васильевичъ издерживалъ на мозаическую лабораторію. Ломоносовъ скончался въ началѣ царствованія Екатерины II (1765 г.). На могилѣ его, находящейся въ Александро-Невской лаврѣ, былъ поставленъ памятникъ его почитателемъ, графомъ Воронцовымъ. Въ 1829 г. сооруженъ Ломоносову памятникъ въ г. Архангельскѣ, а въ недавнее время городомъ Петербургомъ въ Чернышевомъ скверѣ.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель Самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть, —
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О, коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись,
Исполнены Твоихъ чудесъ.

Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ,
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Александръ Даниловичъ

князь Меншиковъ.

Свѣтлѣйшій князь Римской и Россійской имперій, горцогъ Ижорскій и Козельскій, наслѣдный господинъ Ораніенбурга, Ямбурга и Копорья, генералиссимусъ всѣхъ сухопутныхъ россійскихъ войскъ, отъ флота адмиралъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, первый членъ верховнаго тайнаго совѣта, Россійскаго государства правитель, генералъ - губернаторъ петербургскій, подполковникъ Преображенскаго, полковникъ трехъ другихъ полковъ, капитанъ компаніи бомбардирской и орденовъ россійскаго — св. ап. Андрея, датскаго — Слона, польскаго — Бѣлаго Орла, прусскаго — Чернаго Орла кавалеръ, родился 6 ноября 1672 года.

Жизнь Меншикова представляетъ великій, поучительный урокъ превратностей жребія человѣческаго. Какой переходъ отъ площадей и улицъ московскихъ, гдѣ бродилъ онъ ничтожнымъ мальчикомъ, до совѣта царей, гдѣ засѣдалъ онъ мудрымъ совѣтникомъ, до царскихъ дворцовъ, гдѣ являлся сильнымъ временщикомъ, до полей брани, гдѣ видѣли его въ огнѣ битвъ, и потомъ до хижины среди тундръ Березова, гдѣ умиралъ бѣднымъ изгнанникомъ горделивый правитель Россіи!

Не менѣе противоположностей видимъ въ дѣлахъ и характерѣ Меншикова: соединеніе ума, дѣятельности, самопожертвованія благу отечества и славѣ царя и высокомѣрія, заставлявшаго всѣхъ ненавидѣть его, корыстолюбія, разрушившаго любовь и довѣренность къ нему великаго монарха, гордости и злобы въ величіи и добродѣтели въ бѣдствіи.

Меншиковъ, не получившій никакого образованія, не зналъ ни одного иностраннаго языка, даже худо зналъ русскую грамоту, едва подписывалъ свое имя, и всѣмъ одолженъ былъ только природному уму своему и обширнымъ дарованіямъ, замѣнявшимъ ему науку и образованность. Прежде всего безпредѣльное усердіе къ царю-благодѣтелю, потомъ неутомимый трудъ—были безспорными заслугами Меншикова.

Меншиковъ въ юности былъ красивъ, высокъ, строенъ; труды и страсти рано состарили его, но иностранцы удивлялись его величію, когда онъ являлся въ блескѣ, окружая себя притомъ умными, образованными людьми. Любя роскошь и великолѣпіе, Меншиковъ ничего не щадилъ на украшеніе великолѣпныхъ дворцовъ своихъ, богатство одежды и экипажей, многочисленную прислугу, но онъ любилъ науку и просвѣщеніе, понималъ пользу ихъ и стоялъ впереди всѣхъ тѣхъ, кто споспѣшествовалъ преобразованіямъ Петра Великаго. По кончинѣ его, усердно поддерживалъ Меншиковъ всѣ начинанія его, учредилъ Академію Наукъ въ Петербургѣ и отправилъ Беринга въ его морское путешествіе. Сына своего заставлялъ онъ учиться, и говорилъ что послѣ отца всего болѣе долженъ онъ чтить своихъ наставниковъ, ибо имъ обязанъ онъ наукой, паче злата и сребра драгоцѣнною .

Князь Меншиковъ.

Лучше Меншикова никто не умѣлъ постигать каждой мысли Петра Великаго и неуклонно исполнять воли его. На полѣ брани Меншиковъ былъ неустрашимъ, не щадилъ себя и, исполняя велѣнія царя, забывалъ о трудахъ и опасностяхъ. Онъ не былъ полководцемъ великимъ, однакожъ, походъ въ Польшу и Калишская битва въ 1706 году, взятіе въ плѣнъ шведской арміи подъ Переволочной въ 1709 году и дѣла въ Голштиніи и Помераніи въ 1713 и 1714 годахъ свидѣтельствуютъ объ его замѣчательныхъ воинскихъ дарованіяхъ.

Изъ числа своихъ сподвижниковъ болѣе всѣхъ другихъ любилъ, болѣе всѣхъ другихъ осыпалъ наградами Петръ Великій Меншикова, прощая ему всѣ его недостатки и пороки. Потомство должно подтвердить мнѣніе о Меншиковѣ великаго преобразователя Россіи, и почесть его *первымъ* изъ всѣхъ помощниковъ Петра Великаго, — достаточная причина помнить Меншикова, какъ человѣка, министра и полководца, болѣе всѣхъ достопамятнаго въ царствованіе Петра, эпоху начала величія и славы Россіи.

Сынъ придворнаго конюха, въ дѣтствѣ отданный въ ученье къ пирожнику, разнося по Москвѣ пирожки и торгуя

ими, какъ бойкій, расторопный и остроумный мальчикъ, онъ своими остроумными шутками и прибаутками обратилъ на себя вниманіе Лефорта, любимца императора Петра. Находясь впослѣдствіи въ услуженіи у Лефорта, Меншиковъ имѣлъ случай понравиться царю; царь взялъ «Алексашу» къ себѣ на должность денщика. Денщики были самые близкіе люди молодого царя, часто исполняя личныя его порученія. Въ азовскомъ походѣ Петръ и Меншиковъ жили вмѣстѣ въ одной палаткѣ. Въ 1697 году, когда царь обучался въ Голландіи корабельному мастерству, вмѣстѣ съ нимъ и Меншиковъ получилъ аттестатъ на званіе плотника. Въ 1702 году, при взятіи Петромъ Шлиссельбурга, Меншиковъ при штурмѣ крѣпости выказалъ особенную храбрость, за что былъ назначенъ ея комендантомъ. За одержанную 10 мая 1703 года морскую побѣду пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго и назначенъ губернаторомъ вновь зовоеваннаго края и строющагося г. Петербурга. За отличіе въ битвѣ при Полтавѣ 27 іюня 1709 года Меншиковъ получилъ званіе фельдмаршала и во владѣніе имѣнія гетмана Мазепы, волости Почепскую и Ямпольскую (Черниговской губ.).

Съ тѣхъ поръ онъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ государя; въ его рукахъ сосредоточивалось множество канцелярій и учрежденій всякаго рода. Сдѣлавшись первымъ богачомъ Россіи, онъ, съ цѣлью наживы, заводитъ фабрики, занимается заграничной торговлей, становится главой всевозможныхъ компаній, притѣсняетъ купцовъ и, наконецъ, беретъ, гдѣ только можетъ, взятки, и даже присвоиваетъ себѣ казенныя деньги. Эти злоупотребленія вызвали назначеніе слѣдственной комиссіи, и, несмотря на явныя улики, Меншиковъ былъ только оштрафованъ, но не лишенъ почетныхъ должностей и до самой смерти Петра, помнившаго его прежнія заслуги, сохранилъ свое высокое положеніе; благодаря заступничеству Екатерины, Петръ простилъ Меншикова, но сказалъ при этомъ женѣ: «Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила мать его, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и если не исправится, то быть ему безъ головы».

Послѣ кончины Петра, Меншиковъ снова входитъ въ силу, ему пожалованъ г. Батуринъ съ 1.300 дворовъ и при Гадяцкомъ замкѣ 2.000 дворовъ. Императрица Екатерина, умирая, оставила завѣщаніе, по которому наслѣдникомъ престола назначался 12-лѣтній великій князь Петръ Алексѣевичъ, съ тѣмъ, чтобы онъ женился на дочери Меншикова — Маріи Александровнѣ; на время его малолѣтства было учреждено регентство, во главѣ котораго сталъ Меншиковъ, какъ будущій тесть императора.

Въ юномъ императорѣ Меншиковъ видѣлъ только 12-лѣтняго мальчика, отъ котораго можно требовать повиновенія, а

Меншиковъ въ ссылкѣ.

потому позволялъ себѣ отмѣнять его распоряженія. Однажды цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ императору въ подарокъ 9 тысячъ червонцевъ, а тотъ, желая порадовать любимую сестру, отправилъ къ ней деньги съ однимъ изъ придворныхъ. Но посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, замѣтилъ: «Государь еще очень молодъ и не знаетъ, на что слѣдуетъ употреблять деньги; отнесите ихъ ко мнѣ, я увижусь съ государемъ и поговорю съ нимъ». Узнавъ объ этомъ, Петръ пришелъ въ страшный гнѣвъ. Онъ немедленно послалъ за княземъ и съ запальчивостью закричалъ на него: «Я научу тебя, что я императоръ, что мнѣ надо повиноваться!» Враги Меншикова воспользовались недовольствомъ Петра, и вскорѣ послѣдовала ссылка его со всѣмъ семействомъ въ Сибирь. При этомъ у него было отобрано 90 тыс. душъ крестьянъ, города: Ораніенбаумъ, Ямбургъ, Копорье, Раненбургъ, Почепъ и Батуринъ, 4 милл. рублей наличныхъ денегъ, капиталовъ въ разныхъ заграничныхъ банкахъ на 9 милл., брильянтовъ и драгоцѣнныхъ вещей на 1 милл., 72 дюж. серебр. тарелокъ и столовыхъ приборовъ и 105 пуд. золотой посуды. Кромѣ имѣній въ Россіи, у князя были еще земли въ Ингріи, Ливоніи и Польшѣ, король прусскій пожаловалъ ему помѣстье Рѣчекъ, а императоръ германскій — герцогство Козельское, не говоря о домахъ, отличавшихся самой роскошной меблировкой, драгоцѣнной домашней утвари, одеждѣ, усыпанной драгоцѣнными каменьями, и проч.

Гордый, жестокій, алчный во времена своего величія, Меншиковъ сдѣлался теперь смиреннымъ, истинно благочестивымъ и переносилъ свое несчастіе съ замѣчательной твердостью. «Богъ смирилъ меня!» — повторялъ онъ.

Поселенный въ г. Березовѣ, въ 1.066 верст. отъ Тобольска, Меншиковъ изъ отпускавшихся на содержаніе его и семьи денегъ (10 р. ассигнац. въ сутки) скопилъ небольшую сумму, на которую построилъ деревянную церковь. Онъ самъ работалъ съ плотниками, рубилъ бревна, копалъ землю и устраивалъ внутреннія украшенія. Когда постройка церкви была окончена, онъ принялъ на себя должность дьячка, пѣлъ на клиросѣ, звонилъ въ колокола, говорилъ прихожанамъ назидательныя поученія.

Онъ скончался 12 ноября 1729 г., 56 лѣтъ отъ роду, и похороненъ близъ алтаря построенной имъ церкви.

Козьма Захарьевичъ
Мининъ-Сухорукъ

мужъ вѣчно памятный русской землѣ.

Въ концѣ царствованія царя Бориса Годунова и послѣ его смерти начались въ Московскомъ государствѣ безпорядки и смуты, настало страшное время, названное въ русской исторіи междуцарствіемъ. Поляки, воспользовавшись этими смутами, овладѣли Москвой и многими русскими городами и задумали присоединить Московское государство къ Польшѣ и возвести на престолъ королевича своего Владислава, сына короля Сигизмунда. Поляки притѣсняли народъ; казалось, что Московское государство дошло до послѣдняго конца, но Богъ, всегда хранящій русскую землю, спасъ ее отъ враговъ, избравъ орудіемъ этого спасенія нижегородскаго мѣщанина Козьму Захарьевича Минина-Сухорука.

Вотъ какъ совершилось это великое дѣло изгнанія поляковъ изъ земли русской.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ октябрѣ 1611 года была получена грамота изъ Троицкаго Сергіева монастыря; посадскій староста, всѣми уважаемый мясной торговецъ Козьма Мининъ сказалъ собравшимся людямъ такое слово:

«Вотъ прислана грамота изъ Троицкаго Сергіева монастыря, прикажите прочитать ее въ церкви народу. А тамъ, что Богъ дастъ. Мнѣ было видѣніе — явился св. Сергій и сказалъ мнѣ: «Разбуди спящихъ».

На другой день зазвонили въ большой колоколъ у св. Спаса. Собрался народъ. Отслужили обѣдню, потомъ прочитали грамоту. Въ грамотѣ было написано:

«Сами видите близкую конечную погибель всѣхъ христіанъ. Гдѣ только завладѣли литовскіе люди, въ какихъ городахъ, какое разореніе учинилось Московскому государству! Гдѣ святая церковь? Гдѣ Божіи образа? Гдѣ иноки, цвѣтущіе многолѣтними сѣдинами, гдѣ и хорошо украшенные добродѣтелями? Не все ли до конца разорено и обречено злымъ поруганіямъ? Гдѣ народъ общій христіанскій? Не всѣ ли скончались лютою и горькою смертію? Гдѣ безчисленное множество христіанскихъ чадъ въ городахъ и селахъ? Не всѣ ли безъ милости пострадали и разведены въ плѣнъ? Не пощадили престарѣлыхъ возрастомъ, не устрашились сѣдинъ многолѣтнихъ старцевъ, не сжалились надъ ссущими млеко незлобивыми младенцами. Не всѣ ли испили чашу ярости и гнѣва Божія? Помяните и смилуйтесь надъ видимой нашей смертной погибелью, чтобъ и васъ не постигла такая лютая смерть. Бога ради положите подвигъ своего страданія, чтобъ вамъ и всему общему народу, всѣмъ православнымъ христіанамъ,

быть въ соединеніи, и служилые люди, однолично, безъ всякаго мѣшканья, поспѣшили бы подъ Москву на сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ, ко всему смиренству народа всего православнаго христіанства.

«Сами знаете: ко всякому дѣлу едино время надлежитъ, безвременное же начинаніе всякому дѣлу бываетъ суетно и бездѣльно. А если есть въ вашихъ предѣлахъ какое-нибудь недоволье, Бога ради, отложите это на время, чтобъ вамъ всѣмъ съ нами заодно получить подвигъ свой и страдать за избавленіе православной христіанской вѣры, покамѣстъ они

Мининъ и Пожарскій.

(т.-е. враги) въ долгомъ времени, гладнымъ утѣсненіемъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ ратнымъ людямъ какой-нибудь порухи не учинили. И если мы совокупленнымъ единогласнымъ моленіемъ прибѣгнемъ ко всещедрому Богу и ко Пречистой Богородицѣ, заступницѣ вѣчной рода христіанскаго, и ко всѣмъ святымъ, отъ вѣка Богу угодившимъ, и обще обѣщаемъ сотворить подвигъ и пострадать до смерти за православную истинную христіанскую вѣру, неотложно милостивый Владыко Человѣколюбецъ отвратитъ праведный гнѣвъ Свой и избавитъ нашедшей лютой смерти и вѣчнаго порабощенія безбожнаго латинскаго. Смилуйтесь и умилитесь незакосненно, сотворите дѣло сіе, избавленія ради христіанскаго народа, ратными людьми помогите, чтобъ нынѣ подъ Москвой скудости ради, утѣсненіемъ не учинилось какой-нибудь порухи боярамъ, и воеводамъ, и всякимъ воинскимъ людямъ. О томъ

много и слезно всѣмъ народомъ христіанскимъ вамъ челомъ бьемъ».

Въ народѣ послышались жалостные стоны. Говорили люди со слезами: «Горе намъ! Бѣда намъ! Погибла Москва, царствующій градъ. Погибнетъ все наше Московское государство!»

Когда народъ вышелъ изъ собора и столпился подлѣ церкви, староста Козьма Захарьевичъ Мининъ сталъ говорить къ міру и сказалъ громко: «Православные люди! Коли намъ похотѣть подать помочь Московскому государству — не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да не токма животовъ, дворы свои продадимъ, женъ, дѣтей въ кабалу отдадимъ; будемъ бить челомъ, чтобъ шли заступиться за истинную вѣру и былъ бы у насъ начальный человѣкъ. Дѣло великое мы совершимъ, если насъ Богъ благословитъ; слава будетъ намъ отъ всей земли русской, что отъ такого малаго города произойдетъ такое великое дѣло. Я знаю: только мы на это дѣло подвигнемся — многіе города къ намъ пристанутъ, и мы вмѣстѣ съ ними дружно отобьемся отъ иноземцевъ».

И полюбился всѣмъ совѣтъ Минина, всѣ въ одинъ голосъ дали свое согласіе и говорили Минину: «Ты, Козьма Захарьевичъ, будешь старшой человѣкъ. Отдаемся тебѣ на всю твою волю».

Стали думать, кого бы изъ бояръ выбрать начальнымъ человѣкомъ ратной силы, кто былъ бы въ такомъ дѣлѣ искусенъ и никакой измѣной себя не запятналъ. Вспомнили о князѣ Димитріи Михайловичѣ Пожарскомъ. Онъ былъ первый, который съ передовымъ отрядомъ вошелъ въ Москву въ то самое время, какъ поляки зажги ее. Онъ бился съ ними на Лубянкѣ подъ Введеніемъ; его увезли раненаго, и съ тѣхъ поръ онъ сидѣлъ въ своей деревнѣ, за сто двадцать верстъ отъ Нижняго-Новгорода, и тогда чуть оправился отъ ранъ. Къ нему-то и поѣхали печерскій архимандритъ Ѳеодосій и дворянинъ Жданъ Болтинъ и нѣсколько посадскихъ,—они просили его отъ всего Нижняго-Новгорода постоять за землю русскую и принять начальство надъ ополченіемъ. Князь Пожарскій отвѣчалъ: «Я радъ за православную вѣру пострадать до смерти, а вы изберите изъ посадскихъ людей такого человѣка, чтобъ ему въ мочь и за обычай было со мною быть у нашего великаго дѣла — вѣдалъ бы онъ казну на жалованье ратнымъ людямъ . Посланцы воротились въ Нижній и разсказали на сходкѣ, что имъ отвѣчалъ князь. Тогда весь міръ приступилъ къ Минину, прося его быть у великаго дѣла, собирать казну и завѣдывать ею.

Мининъ долго не рѣшался, напослѣдокъ согласился, сейчасъ же велѣлъ написать мірской приговоръ на свой выборъ, посадскимъ людямъ приложить къ нему руки и тотчасъ послѣ

того отправилъ его къ князю Пожарскому. А затѣмъ устроилъ оцѣнщиковъ цѣнить у всѣхъ дворы, скотъ, имущество и отъ всего бралъ пятую часть, а у кого не было денегъ, у того продавали имущество. Положили, чтобъ никто не остался, не давши своей доли для общаго дѣла. Были примѣры, что иные давали добровольно и болѣе чѣмъ слѣдовало. Одна богатая вдовица копила много лѣтъ деньги и скопила 12.000 р. и отдала изъ нихъ 10.000.

Пріѣхалъ князь Пожарскій. Тогда написали грамоту отъ него и отъ всѣхъ нижегородцевъ. Эту грамоту въ спискахъ послали въ Кострому, Вологду, Казань, Ярославль, Угличъ, Бѣлоозеро, Владимиръ, Рязань и въ другіе города. Какъ только эта грамота приходила въ какой-нибудь городъ, воеводы посылали разсыльщиковъ собирать въ городъ людей. Грамоту прочитывали въ церкви, потомъ народъ собирался на сходку. Тамъ постановляли взять со всѣхъ, по разверсткѣ, составить ополченіе, назначали, когда ему выходить и куда итти, готовили порохъ, оружіе и продовольствіе. Скоро стали приходить въ Нижній ратные люди изъ сосѣднихъ городовъ. Когда въ Нижній собралось довольно войска, Пожарскій съ Мининымъ вышелъ изъ него и прибылъ въ Ярославль. Когда въ Москву дошла вѣсть о томъ, что въ Нижнемъ составляется ополченіе, поляки приступили къ патріарху Гермогену и требовали, чтобы онъ написалъ въ Нижній и велѣлъ распустить ополченіе и остаться вѣрными присягѣ, данной московскими боярами при избраніи въ цари королевичу Владиславу. Гермогенъ отвѣчалъ: «Да будетъ надъ ними милость Божія, а отъ нашего смиренія благословеніе, а на измѣнниковъ пзліется отъ Бога гнѣвъ, и будутъ они отъ нашего смиренія прокляты въ семъ вѣкѣ и будущемъ». За это патріарха стали содержать въ большой тѣснотѣ и томить голодомъ. Онъ скончался въ Чудовомъ монастырѣ 17 февраля 1612 года.

Пожарскій простоялъ въ Ярославлѣ съ марта до половины августа. Надобно было подождать, пока подойдутъ изъ городовъ ополченія и пришлютъ казны и надобно было узнавать и развѣдывать, что дѣлается въ Польшѣ и какія силы можетъ выдвинуть противъ насъ польскій король. Подъ Москвой тѣмъ временемъ стояло казацкое войско подъ начальствомъ Трубецкого, который хотѣлъ быть заодно съ княземъ Пожарскимъ. Ополченіе двинулось изъ Ярославля черезъ Ростовъ и Переяславль, тамошніе люди пристали къ нему; вскорѣ оно прибыло въ монастырь Живоначальныя Троицы и преподобнаго Сергія. Князь Пожарскій поклонился мощамъ чудотворцевъ Сергія и Никона. Здѣсь архимандритъ Діонисій со всей братіей служилъ молебствіе, освящалъ воду, все войско окропилъ св. водой. Молили Бога, чтобы даровалъ побѣду православному воинству надъ иновѣрцами.

23 августа 1612 г. ополченіе подошло къ Москвѣ. Казаки, подъ начальствомъ князя Трубецкого, стояли на рѣкѣ Яузѣ, а земскіе, съ княземъ Пожарскимъ, вправо отъ нихъ, у Арбатскихъ воротъ. Осажденные въ Кремлѣ поляки крѣпко держались; осаждавшіе ихъ русскіе никакъ не могли взять Кремля. Но вотъ подошло къ Москвѣ польское войско, за нимъ шли ряды возовъ съ запасами, которые надобно было провезти въ Кремль или Китай-городъ. Ополченіе Пожарскаго не пропускало поляковъ къ Кремлю. Одно время поляки стали одолѣвать. Видя, что съ однимъ ополченіемъ нельзя поправить дѣла, Пожарскій и Мининъ послали за іеромонахомъ Авраамiемъ Палицынымъ, который въ это время у церкви Ильи пророка служилъ молебенъ. Пожарскій просилъ Авраамія отправиться въ станъ къ казакамъ, уговорить ихъ, чтобъ шли противъ поляковъ и постарались не пропустить запасовъ непріятельскихъ въ Кремль. Авраамій успѣлъ уговорить казаковъ. И вотъ вся толпа бросилась черезъ рѣку по слѣдамъ товарищей съ криками: «Сергіевъ, Сергіевъ!» Видя общее движеніе казаковъ, ополченіе Пожарскаго двинулось впередъ. Укрѣпленное мѣсто было снова взято у поляковъ, русская пѣхота залегла по всѣмъ дорогамъ, по всѣмъ ямамъ, чтобъ не пропускать поляковъ къ городу. Уже начинало темнѣть, а рѣшительнаго ничего не было; по всѣмъ полкамъ пѣли молебны со слезами, чтобы Богъ избавилъ отъ погибели Московское государство. Тогда Мининъ сказалъ Пожарскому: «Князь, дай мнѣ войска; я пойду».

«Бери сколько хочешь!» — сказалъ ему князь. Взявъ людей сколько было нужно, Козьма переправился за Москву-рѣку и напалъ на польскія роты — конную и пѣшую; тѣ испугались, бросились бѣжать. Русская пѣхота тоже подоспѣла на помощь, поляки не могли выдержать и отступили отъ Москвы. Однакоже, еще болѣе мѣсяца продержались поляки въ Кремлѣ. Наконецъ, ихъ сталъ мучить голодъ. Русскіе, узнавши, что непріятель умираетъ съ голоду, стали его тѣснить, и 22 октября пошли на приступъ; голодные поляки не могли обороняться, покинули Китай-городъ и заперлись въ Кремлѣ. Пожарскій и Трубецкой вошли въ Китай-городъ съ иконою Казанской Богородицы, которая находилась въ русскомъ станѣ, и тогда же дали обѣщаніе построить въ память сего дня церковь во имя иконы Пресвятыя Богородицы Казанскія, которая была построена возлѣ Кремля и стоитъ до сихъ поръ.

На другой день, 23 октября, русскіе вступили въ Кремль съ торжествомъ. Земское войско собралось возлѣ церкви Іоанна Милостиваго на Арбатѣ, а войско Трубецкого—за Покровскими воротами. Съ двухъ концовъ этихъ пошли архимандриты, игумены, священники съ крестами, иконами и хоругвями; за ними двигались войска. Оба крестные хода сошлись въ

Китай-городѣ, на Лобномъ мѣстѣ. Во главѣ духовенства былъ архимандритъ Діонисій, пріѣхавшій изъ своей обители нарочно для такого великаго торжества вѣры и земли русской. Духовенство вошло въ Кремль, за нимъ ратная сила, и въ Успенскомъ соборѣ служили благодарственный молебенъ объ избавленіи царствующаго града.

Потомъ изъ Москвы разосланы были грамоты городамъ съ приглашеніемъ послать въ Москву выборныхъ для великаго дѣла: избранія новаго государя. Не было тогда никого милѣе народу русскому, какъ родъ Романовыхъ. Была добрая память о первой супругѣ Іоанна Грознаго Анастасіи Романовнѣ, и объ ея братѣ, Никитѣ Романовичѣ. Уважали митрополита Филарета, бывшаго боярина Ѳедора Никитича, который находился въ плѣну въ Польшѣ и былъ истиннымъ мученикомъ за правое дѣло. У него-то и былъ шестнадцатилѣтній сынъ Михаилъ, который единогласно и былъ 21 февраля, въ недѣлю Православія, великимъ соборомъ и всѣмъ народомъ избранъ въ цари.

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

При царскомъ вѣнчаніи присутствовалъ и Мининъ, котораго царь пожаловалъ думнымъ дворяниномъ. Потомъ онъ возвратился на родину, гдѣ и почилъ мирно въ 1616 году. Славнаго человѣка похоронили въ Преображенскомъ нижегородскомъ соборѣ.

Гробница Минина въ подземной церкви Преображенскаго собора въ Нижнемъ была благолѣпно украшена по мысли государя императора Александра III. Тамъ у гроба защитника отечества собраны знамена позднѣйшихъ ополченій. На стѣнѣ, надъ гробницей Минина, въ мраморномъ кіотѣ образъ свв. Космы и Даміана — даръ государя императора Александра Александровича; передъ нимъ всегда теплится лампада, устроенная въ видѣ креста.

22 октября, въ день приступа, совершается празднованіе иконѣ Казанской Божіей Матери во всемъ русскомъ государствѣ, а въ Москвѣ бываетъ крестный ходъ изъ Кремля въ этотъ соборъ. Икона Казанской Божіей Матери была неотлучно при ополченіи князя Пожарскаго. Крестный ходъ проходитъ мимо памятника освободителямъ Кремля: Минину и Пожарскому.

Памятникъ этотъ воздвигнутъ императоромъ Александромъ Павловичемъ Благословеннымъ въ 1818 году. На немъ надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная

Россія». Передъ сидящимъ княземъ Пожарскимъ, готовымъ встать съ одра болѣзни и забыть свои раны, стоитъ высокій ростомъ Мининъ и указываетъ мощной рукой на Кремль.

Мининъ и нижегородское ополченіе, подъ предводительствомъ князя Пожарскаго, громко твердятъ намъ о силѣ вѣры православной и о любви къ отечеству. *Мининъ — наша слава, наше лучшее воспоминаніе.* Пошли люди въ походъ сами по себѣ: безъ приказу, безъ наряду, и понесли въ жертву все свое достояніе и самую жизнь. Не ради корысти, не ради суетной славы они совершили это, а только для того, чтобы защитить вѣру отцовъ и спасти государство отъ гибели.

Антонъ Родіоновичъ

Михайловъ.

Михайловъ — воронежскій купецъ, вышедшій изъ крѣпостныхъ людей, мыльный и свѣчной заводчикъ, многоземельный сельскій хозяинъ. Отецъ его былъ крѣпостной извѣстной графини А. А. Орловой-Чесменской и служилъ ей въ какой-то должности по управленію. Службой его и отличнымъ знаніемъ дѣла очень дорожилъ управляющій имѣніемъ графини, Ш—нъ, который и выразилъ свое расположеніе Михайлову тѣмъ, что взялъ къ себѣ на воспитаніе, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, старшаго сына его Антона, мальчика очень даровитаго. Ш—нъ, располагая громадными средствами, ничего не жалѣлъ для образованія своихъ дѣтей и прямо ихъ готовилъ къ университету; тотъ же путь предстоялъ и юному Михайлову. Послѣдній, обучаясь въ домѣ управляющаго, обнаружилъ замѣчательныя математическія способности, а потому, ставъ юношей, началъ готовиться къ поступленію на математическій факультетъ. Даровитость и трудолюбіе крѣпостного юноши были прекраснымъ примѣромъ для сыновей управляющаго, но они же помѣшали Михайлову закончить свое образованіе. Когда настало время собираться въ Москву, г-жа Ш - на закапризничала и не пожелала, чтобы ея дѣти сидѣли въ университетѣ на одной скамейкѣ съ крѣпостнымъ ихъ сверстникомъ; Михайловымъ, какъ прирожденнымъ крѣпостнымъ людямъ, нечего было и думать о какомъ-либо спорѣ противъ подобнаго каприза, а потому волей - неволей пришлось отказаться отъ университета. Свободу отъ крѣпостной зависимости Михайловъ получилъ гораздо позже, когда объ университетѣ уже нечего было и думать. Переселившись въ Воронежъ почти ни съ чѣмъ, Михайловъ взялся за торговлю и заводскія дѣла и, поведя ихъ не только умно и толково, но и на началахъ *научныхъ*, не только

не разорился, но съ каждымъ годомъ увеличивалъ свои обороты, которые простирались потомъ не на одну сотню тысячъ. Научныя свѣдѣнія, примѣняемыя къ его дѣятельности (сельское хозяйство и заводы свѣчной и мыловаренный), онъ усвоилъ въ совершенствѣ; ботаникой *) онъ занимался со страстью, и примѣнялъ ее къ своей прелестной дачѣ и къ устроенному при ней, на диво и зависть болѣе теплымъ мѣстамъ, превосходному винограднику; онъ свободно читалъ по-французски, хорошо рисовалъ, особенно растенія и цвѣты. Михайловъ былъ горячимъ поборникомъ образованія вообще, и съ сожалѣніемъ относился къ людямъ, ничего не умѣющимъ дѣлать. Самымъ пламеннымъ его желаніемъ было распространеніе въ народѣ всякаго рода полезныхъ свѣдѣній.

Человѣкъ глубоко вѣрующій, Михайловъ отлично изучилъ священное писаніе и творенія отцовъ Церкви: въ этомъ только немногіе изъ духовенства могли съ нимъ состязаться. Михайловъ не былъ недоучившимся самоучкой,—напротивъ, это былъ человѣкъ большого и разносторонняго образованія. Извѣстный поэтъ Никитинъ сблизился съ Михайловымъ. Онъ лучше другихъ зналъ Михайлова, зналъ его семейную жизнь, его отношеніе къ дѣтямъ, его благотворительность, никому не извѣстную; а потому и уваженіе его къ Михайлову для людей, мало знавшихъ послѣдняго, могло казаться даже слишкомъ большимъ. Что касается Михайлова, то всѣ дѣла Никитина, писательскія и книгопродавческія, постоянно были близки его сердцу. Такія отношенія крѣпче и выше иной дружбы.

А. Р. Михайловъ былъ, наконецъ, первымъ издателемъ полнаго собранія сочиненій Никитина, чистую выручку отъ котораго (2.600 р.) онъ внесъ, по назначенію душеприказчика, въ воронежскую Маріинскую женскую гимназію. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1874 году.

Иванъ Саввичъ

Никитинъ.

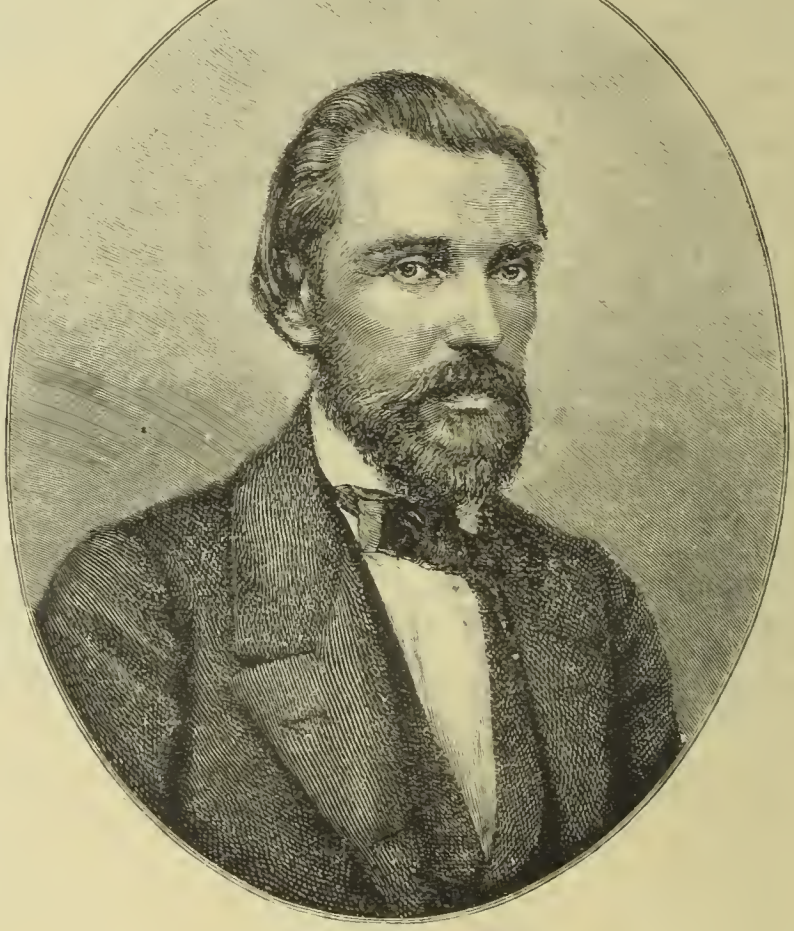
НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ.

Никитинъ, сынъ торговца мѣщанина Саввы Евтихіевича, родился въ губернскомъ городѣ Воронежѣ 21 сентября 1824 года. Отецъ его былъ человѣкъ начитанный, имѣлъ характеръ крутой и властный, а мать — тихая и кроткая. У нихъ былъ свѣчной заводъ и лавка, которые приносили очень хорошій доходъ. На 8 году родители отдали сына въ духовное училище, гдѣ онъ учился хорошо; отсюда онъ перешелъ въ духовную

*) Наука о растеніяхъ.

семинарію. Будучи въ семинаріи, 17-лѣтній юноша въ первый разъ написалъ стихи, которые очень понравились учителю, и тотъ, похваливъ ихъ, убѣждалъ его не бросать этого занятія.

Къ тому времени у отца торговля ухудшилась, и онъ разорился. Самолюбивый купецъ не перенесъ горя—запилъ, а вслѣдъ за нимъ стала предаваться пьянству и мать Ивана Саввича. Все тащилось въ кабакъ и пропивалось тамъ. Не мало при-



И. С. Никитинъ.

шлось вынести непріятностей отъ пьянаго и буйнаго отца; попрековъ и брани между родителями молодой человѣкъ не могъ прекратить, такъ какъ и его не щадили. Несмотря на все это, онъ до конца жизни терпѣливо сносилъ отъ отца всѣ обиды, жалѣлъ его и не оставлялъ до самой смерти. Ивану Саввичу приходилось искать утѣшенія въ уединеніи и самоуглубленіи; уходя часто изъ родительскаго дома въ поле, въ лѣсъ, онъ подолгу бродилъ тамъ, о многомъ передумывая и

складывая пѣсни. Это доставляло ему и радость, когда все горе выливалось въ пѣсни.

Послѣ смерти матери пробовалъ Иванъ Саввичъ искать мѣста приказчика, но никто не бралъ его въ услуженіе, зная его отца. По счастью, нашелся выходъ въ трудѣ. Уцѣлѣлъ старый флигель на постояломъ дворѣ, туда и перебрались они съ отцомъ. Здѣсь онъ самъ принималъ извозчиковъ, отпускалъ имъ овесъ, сѣно и харчи, какъ простой дворникъ.

Первое стихотвореніе, посланное имъ для напечатанія въ «Воронежскія Губернскія Вѣдомости», было

РУСЬ.

Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!
У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?
У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?
У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

Эти стихи понравились всѣмъ, и съ тѣхъ поръ узнали многіе о воронежскомъ поэтѣ.

Въ 1856 году всѣ стихи Никитина, благодаря воронежскому губернатору графу Д. И. Толстому, изданы отдѣльной книжкой. Ивана Саввича это ободрило, и у него завелись друзья, искренно полюбившіе его за талантъ и честную, хорошую душу.

Вскорѣ онъ написалъ большой разсказъ въ стихахъ «Кулакъ», который былъ изданъ при помощи Кокорева. Поэма эта разошлась быстро и доставила прибыли до 2.000 руб. На эти деньги онъ открылъ книжный магазинъ. Продажа книгъ у него пошла хорошо. Тому, кто не могъ покупать книгъ, Иванъ Саввичъ давалъ ихъ читать на домъ. Но недолго онъ жилъ,—заболѣвъ чахоткой и надрывая здоровье непосильными трудами, онъ скончался на 37 году, 16 октября 1861 года.

Послѣдніе его стихи точно напоминали объ его скорой кончинѣ:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая.—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.
Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится...
Только однимъ человѣкомъ убавится;
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!
Вотъ она слышится пѣснь беззаботная,
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается.
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише! о жизни покончень вопросъ.
Больше не нужно ни пѣсенъ ни слезъ!

Бурлакъ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня, молодца.
Я женился—и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла,—
Дай Богъ царство небесное бѣдной!—
Ужъ такая-то, братецъ, хозяйка была—
Дорожила полушкою мѣдной!
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ,
Пѣтухи пропоютъ, ну, тогда отдохнетъ,
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ -
Ужъ она на ногахъ: поглядишь—побѣжитъ
И овцамъ и коровамъ дастъ корму,
Печь истопитъ, и снова за прялкой сидитъ
Или что прибираетъ по дому.
Лѣтомъ рожь станетъ жать иль снопы подавать
Съ земи на возъ—и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: «Не пора ль отдыхать?—
Ничего,—говоритъ,—не устала».
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: «Напрасно!

Мы безъ этого будемъ другъ-друга любить,
Что ты тратишься, соколъ мой ясный?»
Какъ въ раю съ нею жилъ! Да не намъ, вѣрно, знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю навѣки спать,
Вспомнишь—жизнь немила тебѣ станетъ!
Вся надежда была—словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ-сынишка.
По складамъ ужъ Псалтырь было началъ читать...
Думалъ: «Выйдетъ, молъ, въ люди мальчишка!»

Бурлаки на Волгѣ.

Да не то ему Богъ на роду написалъ:
Заболѣлъ отъ чего-то весною.
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ
И поилъ наговорной водою,
Обѣщался рублевую свѣчку купить,
Предъ иконою въ церкви поставить,—
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совсѣмъ мои руки!
Стали хлѣбъ убирать,—въ полѣ пѣсни, огни

А я сохну отъ горя и скуки!
Снѣга перваго ждалъ: я продамъ, молъ, вотъ рожь,
Справлю сани, извозничать буду,—
Вдругъ—бѣда за бѣдой—на скотину падежъ...
Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду?
Кой-какъ зиму провелъ; вижу—честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣется:
«Дескать, всякая вотъ что ни есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!»
То бранятъ за глаза: «Не съ его-де умомъ
Жить въ нуждѣ, видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по-нашему такъ: коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ;
Видно, Богъ Свою помочь мнѣ подалъ!
Запросилась душа на широкій просторъ...
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ...
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!..
Коли отдыхъ придетъ—на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ—и въ мигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы сдержишь,—и самъ тутъ зальешься!
Непогода ль случится, иль вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе,—
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется—и вспыхнешь огнемъ!
Осень, холодъ—не надобна шуба!
Сядешь въ лодку—гуляй! Размахнешься весломъ,
Силой съ бурей помѣряться любо!
И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешь: «Ну, теперь Божія воля!
Коли жить—будемъ жить, умерть—такъ умремъ!»
И въ душѣ словно не было горя!

Никонъ.

ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ И ПАТРІАРХЪ ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ, БѢЛЫЯ И МАЛЫЯ РУСИ.

Никонъ — одинъ изъ знаменитѣйшихъ патріарховъ россійскихъ, 6-й патріархъ московскій и всея Руси. Въ мірѣ его звали Никитой, родился онъ въ маѣ 1605 года, былъ сынъ Мины, крестьянина села Вельдеманова, Нижегородской губ., Княгининскаго уѣзда, и жены его Маріаны. Изъ той же мѣстно-

сти происходятъ два ожесточенные врага Никона: протопопъ Аввакумъ и коломенскій епископъ Павелъ.

Рано лишившись матери, Никонъ много терпѣлъ отъ злой мачехи. Когда онъ достигъ отроческаго возраста, отецъ отдалъ его учиться грамотѣ. Окончивъ нехитрый тогдашній курсъ, мальчикъ возвратился домой, гдѣ и началъ забывать кое-что изъ того, чему выучился. Замѣтивъ это, онъ ушелъ,

Никонъ, патріархъ московскій и всея Россіи.

безъ вѣдома отца, въ Макарьевъ Желтоводскій монастырь, гдѣ и предался ревностно изученію церковной службы и священнаго писанія. Въ монастырѣ, около котораго тогда собирались купцы на знаменитую Макарьевскую ярмарку, узнали Никиту московскіе купцы. Здѣсь плѣненный его умомъ инокъ Антоній предсказалъ ему патріаршество.

Юноша не хотѣлъ уже оставлять монастыря, гдѣ открывалось предъ нимъ блестящее поприще; но отецъ хитростью, сказавъ, что онъ умираетъ, вызвалъ его изъ монастыря. Дѣйствительно, старикъ прожилъ не долго. Похоронивъ его, Ни-

кита снова собрался въ монастырь, но родственники уговорили его жениться. Женившись, Никита поступилъ въ духовное званіе сначала причетникомъ, а потомъ былъ назначенъ священникомъ въ сосѣдній приходъ, с. Колычево. Тогда ему было только 20 лѣтъ. Знакомые купцы скоро перетащили его въ Москву.

Послѣ 10 лѣтъ брачной жизни, видя, что дѣти у него не живутъ, Никонъ убѣдилъ жену поселиться въ московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, гдѣ постригся въ монахи съ именемъ Никона. Отсюда ѣздилъ онъ въ Москву собирать на постройку церквей, и здѣсь, вѣроятно, обратилъ на себя вниманіе патріарха Филарета (церковь была воздвигнута въ 1634 г. на пожертвованія родителей царя Михаила Ѳеодоровича). Поссорясь изъ-за правды съ настоятелемъ и братіей и убѣгая отъ ихъ преслѣдованія, въ 1635 г. Никонъ удалился въ Кожеозерскій монастырь (въ Олонецкой губ., Каргопольскаго уѣзда). Въ 1643 г. онъ посвященъ въ игумена этого монастыря, а въ 1646 г. ѣздилъ въ Москву за сборомъ пожертвованій, гдѣ остановилъ на себѣ вниманіе царя Алексѣя Михайловича, который и прежде много слыхалъ объ умѣ и строгомъ благочестіи кожеозерскаго игумена. Въ Москвѣ онъ посвященъ былъ въ архимандрита Новоспасскаго монастыря, родовой усыпальницы Романовыхъ. Приближенный положеніемъ своимъ къ царю, Никонъ пріобрѣлъ его полную благосклонность: царь приказалъ ему пріѣзжать каждую пятницу въ дворцовую церковь и поручилъ принимать прошенія о пособіяхъ и удовлетворять имъ. Близость къ царю и такое порученіе сдѣлали Никона извѣстнымъ всей Москвѣ, и скоро онъ пріобрѣлъ всеобщую народную любовь. Въ 1648 году архимандритъ новоспасскій посвященъ въ митрополита новгородскаго. На новомъ мѣстѣ Никонъ оказалъ чрезвычайную дѣятельность и ревность: говорилъ часто проповѣди, что̀ тогда было не въ обычаѣ, во время голода заводилъ богадѣльни, открылъ печатню, преобразовалъ нестройное тогда церковное пѣніе, чѣмъ вызвалъ неудовольствіе къ себѣ патріарха Іосифа. Въ Новгородѣ въ 1650 г. поднялся бунтъ,—Никонъ выказалъ въ то смутное время чрезвычайную энергію: онъ проклялъ поименно выбранныхъ мятежниками правителей, укрылъ у себя воеводу князя Хилкова, за что мятежники избили вышедшаго къ нимъ увѣщевать ихъ митрополита. Когда мятежъ кончился, Никонъ въ 1651 году пріѣзжалъ въ Москву; пріѣздъ этотъ укрѣпилъ его вліяніе на царя. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, Никонъ внушилъ царю мысль о перенесеніи изъ Соловецкаго монастыря мощей св. Филиппа. Мысль, руководившая Никономъ, ясна изъ грамоты, которая отправлена была съ нимъ въ Соловки отъ имени царя. «Пре-

клоняя санъ свой царскій,—говорилось въ этой грамотѣ къ лицу самого Филиппа,—за прадѣда моего, противъ Тебя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что Ты помирился съ нимъ».

Во время поѣздки въ Соловки между царемъ и Никономъ установилась дѣятельная переписка. Въ откровенныхъ письмахъ, между прочимъ, извѣщалъ царь Никона о жалобахъ на него князя Одоевскаго и Василія Отяева, посланныхъ съ нимъ за мощами св. Филиппа. Строгость Никона къ своимъ спутникамъ была такъ велика, что Отяевъ писалъ: «Лутчи бы де намъ на новой землѣ за Сибирью съ княземъ Ив. Ив. Лобановымъ пропасть, нежели де съ новгородскимъ митрополитомъ, какъ де такъ, что сильно заставляетъ говѣть».

9 іюля 1652 г. мощи св. Филиппа привезены въ Москву. Соборомъ 22 іюля Никонъ былъ назначенъ патріархомъ. Долго онъ отказывался, но когда царь и бояре, склонясь до земли, упрашивали его принять этотъ санъ, Никонъ согласился, взявъ предварительно обѣщаніе, что его «будутъ почитать какъ архипастыря и отца и дадутъ ему устроить церковныя дѣла». Такъ началось управленіе Никона Церковью, и въ такомъ духѣ оно продолжалось. Расположеніе царя къ Никону, «собинному его другу», было чрезвычайно велико: онъ уговорилъ его принять титулъ великаго государя, который нѣкогда носилъ Филаретъ; но Филаретъ носилъ его какъ отецъ царя, Никонъ же, принявъ его, дѣлалъ его какъ бы неотъемлемою принадлежностію патріаршескаго сана. Указъ патріарха, въ особенности во время отсутствія царя, имѣлъ значеніе, равное съ царскими указами. Пользуясь своимъ вліяніемъ на царя, который, между прочимъ, поручилъ ему на время своего похода въ 1654 г. противъ поляковъ, вслѣдствіе соединенія съ Малороссіей, заботу о царскомъ семействѣ, переѣхавшемъ по случаю язвы изъ Москвы въ Вязьму, Никонъ испросилъ себѣ подтвержденіе несудимой грамоты, данной нѣкогда патріарху Филарету, не говоря уже о льготахъ, полученныхъ основанными имъ монастырями: Новымъ Іерусалимомъ (Воскресенскимъ, близъ Москвы, основан. въ 1655 году), Иверскимъ (близъ Валдая, основан. въ 1652 году), Крестнымъ (близъ Онеги, основан. въ 1656 году). Съ увеличеніемъ власти и значенія у Никона явились враги, въ особенности возбудилъ онъ негодованіе нѣкоторыхъ бояръ, склонныхъ къ западнымъ обычаямъ, преслѣдованіемъ образовъ, писанныхъ фряжскимъ письмомъ (т.-е. живописнымъ, а не иконописнымъ), музыки и польскихъ костюмовъ, которые у иныхъ онъ прямо отбиралъ. А равно недовольство другихъ, преданныхъ старинѣ, возбудилъ онъ преслѣдованіемъ тѣхъ,

Исправленіе богослужебныхъ книгъ.

кто противился его исправленію богослужебныхъ книгъ, въ кои безграмотные переписчики того времени внесли множество ошибокъ; такъ, напримѣръ: въ то время писали Ісусъ вмѣсто Іисусъ; занесено было въ книги мнѣніе, что грѣхъ брить бороду; что нужно употреблять двуперстное крестное знаменіе, совершать литургію на 7 просфорахъ вмѣсто 5 и т. д. Всѣ эти мнѣнія были тогда распространены во всемъ народѣ.

Исправивъ богослужебныя книги, Никонъ приказалъ разослать новыя по церквамъ, а старыя книги сжечь. Но такое исправленіе Никономъ богослужебныхъ книгъ не понравилось многимъ священникамъ, которые въ тѣ времена отличались малограмотностью. Они явно возстали противъ (мнимыхъ) нововведеній Никона и отказались принять новыя книги на томъ основаніи, что свв. Петръ, Алексѣй и Филиппъ молились хотя и по старымъ книгамъ, но спаслись. Они стали называть новыя книги еретическими, а Никона антихристомъ. Многіе простодушные люди изъ народа имъ вѣрили.

Всѣхъ этихъ людей стали называть тогда старообрядцами или раскольниками. Между тѣмъ, Никонъ началъ строго наказывать непокорныхъ ему священниковъ; тогда многіе изъ нихъ убѣжали изъ Москвы въ глухіе лѣса и отдаленныя области, проповѣдывали свое ученіе малообразованному народу, разсказывали о гоненіяхъ, ими принятыхъ за вѣрность православію, и находили себѣ такимъ образомъ, многочисленныхъ послѣдователей. Такъ начался и распространился церковный расколъ на Руси. А по смерти Никона число раскольниковъ въ Россіи еще болѣе увеличилось.

Въ концѣ XVII вѣка они раздѣлились уже на двѣ части— поповщину и безпоповщину. Послѣдніе получили такое названіе потому, что не признавали священниковъ, которые ставятся епископами, — по выраженію раскольниковъ, *никоніанцами*; они раздѣлились впослѣдствіи на многія секты или согласія (толки). Многочисленнымъ врагамъ Никона удалось, наконецъ, поссорить его съ царемъ. Царь началъ удаляться отъ Никона. Первымъ явнымъ поводомъ къ разрыву былъ обѣдъ во дворцѣ, по случаю пріѣзда грузинскаго царевича Таймураза (1658 г.). Никонъ не былъ приглашенъ на обѣдъ, и окольничій Хитровъ ударилъ во дворцѣ палкой патріаршаго боярина, посланнаго разузнать, отчего это произошло.

Никонъ написалъ къ царю, царь не отвѣтилъ и избѣгалъ свиданія, а между тѣмъ, послалъ князя Юрія Ромодановскаго передать Никону, чтобы онъ не назывался великимъ государемъ. Раздосадованный Никонъ рѣшился сложить съ себя патріаршество. 10 іюля 1658 г., прочитавъ въ Успенскомъ соборѣ поученіе Златоуста объ обязанностяхъ пастыря,

онъ объявилъ, что онъ пастырь неискусный, а потому отказывается отъ своего сана.

Никонъ скончался 17 августа 1681 г. и погребенъ въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Петровъ, Дмитрій.

самоучка-механикъ.

25 марта 1812 года моршанскій городничій донесъ тамбовскому губернатору, Петру Андреевичу Нилову, о подвигѣ крестьянина Рязанскаго уѣзда, деревни Кольцовой, Дмитрія *Петрова*.

Дмитрій Петровъ былъ крѣпостнымъ г-жи Засѣцкой и съ артелью плотниковъ занимался работами въ г. Моршанскѣ. Въ донесеніи городничаго говорится о необыкновенномъ механическомъ искусствѣ Петрова, удивившемъ весь Моршанскъ.

Дѣло было такъ: прихожане церкви св. Николая Чудотворца пожелали выстроить каменную церковь, вмѣсто прежней деревянной. Но такъ какъ эта деревянная церковь была еще крѣпка, къ тому же отличалась хорошимъ устройствомъ, то прихожанамъ жаль было ломать ее, и они порѣшили сдвинуть ее съ мѣста, чтобы очистить площадку для новой церкви. Патентованный механикъ, какой-то иностранецъ, за это запросилъ такую большую цѣну, какой никакъ нельзя было дать ему. Въ это время неожиданно является съ своими услугами крѣпостной механикъ, Дмитрій Петровъ. За 250 рублей онъ взялся сдвинуть деревянную церковь съ мѣста. Начались приготовленія. Подъ церковь подвели толстыя бревна и посредствомъ земляной насыпи слегка ее приподняли. Послѣ этого сдѣлали подъ церковью новый бревенчатый фундаментъ, въ родѣ полатей, а подъ бревнами устроили катки. Вся церковь была опутана канатами и по угламъ скрѣплена желѣзными болтами. Когда все было готово, Дмитрій Петровъ попросилъ священника, чтобы звонили въ большой колоколъ. На благовѣстъ собрался народъ. Нѣкоторые вошли въ церковь и стали служить молебенъ, другіе же начали помогать Дмитрію Петрову. И вотъ гражданамъ Моршанска представилась слѣдующая картина: церковь наполненная молящимися, оглашаемая пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, повинуясь сотнямъ рукъ рабочихъ, была сдвинута съ прежняго своего мѣста на 42 аршина, и во время этого движенія только крестъ на верху церкви слегка колебался.

Свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ нашего самородка-механика не имѣется.

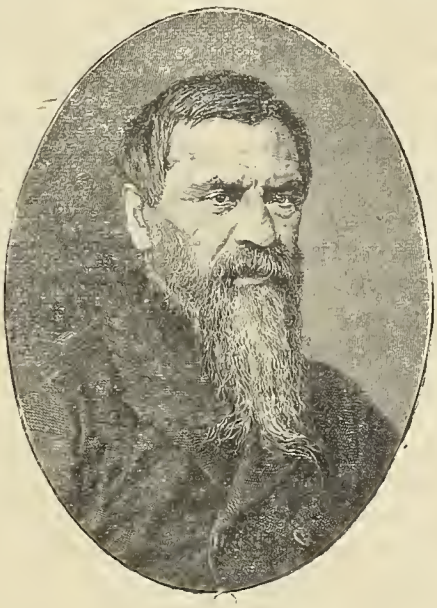
Михаилъ Петровичъ

Погодинъ.

ИСТОРИКЪ, ЗНАТОКЪ ДРЕВНОСТЕЙ И ЖУРНАЛИСТЪ.

Отецъ Погодина Петръ Моисеевичъ, былъ сынъ крестьянина с. Никольскаго-Галкина, Медынскаго уѣзда, Калужской губ. Село это досталось фельдмаршалу графу Ивану Петровичу Салтыкову въ приданое за женой, урожденной графиней Чернышевой.

Бабушка Погодина славилась во всемъ околоткѣ своею добродѣтельною жизнію. Она дожила до глубокой старости. Впослѣдствіи, когда сыну ея улыбнулось счастіе и онъ вышелъ изъ крестьянскаго званія, она ни за что на свѣтѣ не хотѣла оставить своей избы и только воспользовалась возможностію щедрою рукою помогать бѣднымъ. И отецъ Михаила Петровича до своей кончины питалъ къ ней неограниченное сыновнее почтеніе и вѣровалъ, что живетъ ея молитвами. И эта вѣра оправдалась и въ сынѣ ея и во внукѣ ея.



М. П. Погодинъ.

Петръ Моисеевичъ началъ службу съ 1773 г., занимаясь «письменными дѣлами въ домовой конторѣ и въ другихъ мѣстахъ». Въ 1796 году гр. Салтыковъ перевелъ его въ Москву, сдѣлавши П. М. своимъ «домоправителемъ», и въ его вѣдѣніе поступили московскіе дома, контора, со всѣми въ вѣдомствѣ оной находящимися людьми, вотчинами, фабриками и заводами. Послѣ кончины графа, въ 1804 г., на рукахъ его домоправителя, было «денежной суммы 2.419.000 руб., кладовыя съ сервизнымъ и проч. серебромъ, погреба съ виноградными винами, магазины съ хлѣбными и прочими припасами». Все это, при оставленіи должности П. М. сдалъ «въ цѣлости, и никакихъ начетовъ на немъ не оказалось».

Сынъ фельдмаршала гр. Петръ Ивановичъ, въ знакъ признательности къ П. М. за таковую его «честную, трезвую, усердную и долговременную службу» отпустилъ его съ женой и дѣтьми «вѣчно на волю». Въ то время, когда П. М. былъ

домоправителемъ Салтыковыхъ въ Москвѣ, у него, 11 ноября 1800 г., родился сынъ Михаилъ, прославившій впослѣдствіи имя свое въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія. Воспріемникомъ отъ св. купели былъ Петръ Васильевичъ Мятлевъ, женатый на дочери гр. Салтыкова. Первымъ наставникомъ Погодина былъ домашній писарь, который выучилъ его грамотѣ очень рано и очень скоро. По 8 году Мишу посадили за грамматику, ариѳметику и за нѣмецкіе разговоры.

Родители Погодина получали газету «Московскія Вѣдомости». Извѣстія о сраженіяхъ и побѣдахъ сильно волновали малолѣтняго Погодина, но еще больше восхищалъ его журналъ «Русскій Вѣстникъ» патріотическими описаніями разныхъ подвиговъ. Геройская кончина генерала Мозовскаго, описанная въ 1 № этого журнала, была выучена имъ наизусть. Не могъ довольно налюбоваться онъ и портретами, помѣщаемыми въ этомъ журналѣ: царя Алексѣя Михайловича, Симеона Полоцкаго, Димитрія Донского. Все это поселило въ Погодинѣ непреодолимое желаніе пріобрѣсти сполна «Русскій Вѣстникъ». Отецъ, видимо, поощряя книжныя стремленія сына, доставилъ и средства къ пріобрѣтенію книгъ. Пріобрѣтя «Русскій Вѣстникъ», Михаилъ Петровичъ замѣчаетъ: «это былъ первый признакъ, на 10 году отъ роду, моей охоты къ собраніямъ, которая впослѣдствіи усилилась до такой степени».

Рядомъ съ чтеніемъ, мальчикъ увлекался и театромъ. Всякій спектакль былъ для него праздникомъ, оставлявшимъ впечатлѣніе на цѣлый мѣсяцъ. Нельзя также не упомянуть объ одной невинной страсти мальчика П., это — къ игрѣ въ бабки. Нагулявшись по бѣлу свѣту съ своими романтическими героями, онъ выходилъ на дворъ къ себѣ или къ сосѣдямъ играть съ первымъ встрѣчнымъ мальчикомъ. Охота эта была такъ велика, что впослѣдствіи самъ Погодинъ сознавался, что даже и теперь, несмотря на академическое достоинство, я не могу пройти мимо копа бабокъ безъ того, чтобы не посмотрѣть, какъ кто бьетъ и сколько сшибаетъ».

На 11 году началось его воспитаніе. Наставниками его были: студентъ духовной академіи Посниковъ, впослѣдствіи московскій протоіерей, и г. Порта. Посниковъ преподавалъ латинскій и нѣмецкій языки. На 2 или 3 мѣсяцѣ мальчикъ вздумалъ самъ переводить съ нѣмецкаго книгу; окончивъ одну, онъ перевелъ другую, а потомъ третью.

Такія стремленія въ Погодинѣ не оскудѣвали, а разговоры о бѣгствѣ французовъ, о нашихъ побѣдахъ, о подвигахъ русскихъ генераловъ все болѣе и болѣе воспламеняли его любовь къ родинѣ. «Русскій Вѣстникъ» поддерживалъ горѣвшій въ мальчикѣ священный огонекъ; въ 1813 году онъ сочинилъ надписи къ портретамъ четырехъ главныхъ героевъ 12 года: Кутузова, Багратіона, Милорадовича и Платова.

Въ 1814 году Погодина отдали въ московскую губернскую (нынѣ 1-я) гимназію, а въ 1818 г. онъ уже вступилъ въ Московскій университетъ. М. П. аккуратно посѣщалъ его и составлялъ записки, которыя сообщалъ своимъ товарищамъ. Денежныя средства его были очень ограничены, и онъ вынужденъ былъ пользоваться нѣкоторымъ вознагражденіемъ за списываніе съ его тетрадей.

Самъ П. свидѣтельствуетъ: «Я не пропустилъ, кажется, ни одной лекціи*) ни у какого профессора. Помню я, что однажды товарищъ Кубаревъ, съ которымъ я особенно сблизился, звалъ меня обѣдать къ себѣ, чтобы послѣ прогуляться въ Марьину рощу. Мнѣ самому хотѣлось исполнить его желаніе, но въ два часа должно было итти на лекцію къ Черепанову, и я отказался». На второмъ курсѣ Погодинъ началъ слушать лекціи Каченовскаго о древностяхъ. Надо замѣтить, что когда П. былъ еще на первомъ курсѣ, сочиненіе на полученіе медали задавалъ Каченовскій о древностяхъ. Погодинъ, не слушая лекцій этого профессора, вопреки обычаю, вздумалъ писать сочиненіе на заданный имъ предметъ. Сочиненіе получило одобреніе.

Въ 1821 году М. П. выдержалъ экзаменъ и за сочиненіе по статистикѣ удостоенъ золотой медали и назначенъ преподавателемъ географіи въ университетскій благородный пансіонъ.

Въ 1824 году перевелъ съ нѣмецкаго сочиненія Добровскаго о свв. Кириллѣ и Меѳодіи.

Къ этому времени надо отнести два случая, въ коихъ выказалась его любовь къ отечеству.

Въ семействѣ князя Трубецкого, гдѣ онъ былъ учителемъ, Погодинъ не только смѣлъ тамъ *свое сужденіе имѣть*, но даже выражалъ подчасъ оное очень рѣзко и очень громко. Онъ нерѣдко нападалъ на старшаго сына князя, Юрія Ивановича, за его пренебреженіе къ русскимъ и къ русской исторіи. «Стыдитесь,—говорилъ онъ ему,—пасынки Россіи! Чей хлѣбъ вы ѣдите!»

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1822 года напечатано было слѣдующее странное объявленіе: «Егерь изъ Германіи желаетъ опредѣлиться егеремъ или въ гувернеры».

Въ справедливомъ негодованіи Погодинъ напечаталъ письмо въ «Вѣстникѣ Европы», въ которомъ обращаетъ вниманіе на эту иноземную челядь, торжественно требующую себѣ *дѣтей и собакъ* на воспитаніе. «Укажите достопочтеннымъ родителямъ, кои ввѣряютъ дѣтей своихъ заморскимъ гувернерамъ, могутъ ли иностранцы вдохнуть въ своихъ питомцевъ любовь къ отечеству».

*) Чтеніе, урокъ.

Въ 1825 году М. П. торжественно защитилъ сочиненіе на ученое званіе магистра «О происхожденіи Руси», чѣмъ сразу обратилъ на себя вниманіе свѣтилъ науки. Съ этого времени онъ занялъ мѣсто въ ряду ученыхъ знаменитостей.

Погодинъ нѣсколько разъ бывалъ за границей; эти путешествія имѣли большое значеніе, такъ какъ онъ тамъ (въ Прагѣ) завелъ близкія сношенія съ видными представителями науки среди славянскихъ народностей, что̀, несомнѣнно, способствовало сближенію русскаго народа съ славянами.

Издавалъ журналы съ 1827 по 30 г. «Московскій Вѣстникъ», съ 1841 по 56 г. Москвитянинъ» и др.

Въ 40-хъ годахъ М. П. началъ собираніе своего «Древлехранилища», заключавшаго въ себѣ много памятниковъ, какъ письменныхъ, такъ и вещественныхъ, русской старины. Рукописная часть этого собранія, купленнаго императоромъ Николаемъ I (за 150.000 руб.), хранится въ настоящее время въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ и представляетъ много интереса для историковъ.

М. П. Погодинъ сослужилъ великую службу отечеству своей многосторонней и плодотворной дѣятельностью: и какъ ученый, и какъ историкъ-писатель и журналистъ, и какъ общественный дѣятель, и какъ славянинъ.

Скончался 8 декабря 1875 г.

Иванъ Тихоновичъ

Посошковъ.

БЫТОПИСАТЕЛЬ И ЭКОНОМИСТЪ.

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, крестьянинъ села Покровскаго, близъ Москвы, былъ дѣльный русскій самоучка. Грамотѣ онъ научился у дьячка и очень любилъ читать книги. Любилъ также ѣздить по городамъ и смотрѣть, какими гдѣ промыслами занимаются, какая торговля идетъ въ разныхъ мѣстахъ и какіе порядки установлены. Ѣздя по городамъ, онъ самъ занимался торговлей и, кромѣ того, обучался ружейному и водочному дѣлу и другимъ мастерствамъ. Дѣла свои онъ велъ хорошо и жилъ съ расчетомъ. Скоро онъ, по своей расторопности и ловкости во всякомъ дѣлѣ, сталъ извѣстенъ довѣреннымъ государевымъ боярамъ: князю Голицыну, князю Хилкову, боярину Нарышкину, Головину и пр. и даже царю Петру Алексѣевичу. А проявлялъ себя Посошковъ вотъ какимъ образомъ: поѣздивши по разнымъ городамъ и насмотрѣвшись всего какія гдѣ дѣла происходятъ, какія гдѣ есть нужды,—онъ все это соображалъ и записывалъ, а потомъ и подавалъ записки. Такъ онъ написалъ нѣсколько сочиненій:

«О скудости и богатствѣ», «Зерцало», «Отеческое завѣщаніе къ сыну». По нимъ-то и видно, что Посошковъ былъ человѣкъ необыкновенный, что Богъ надѣлилъ его великимъ разумомъ и что онъ этотъ разумъ не заглушилъ въ себѣ, а, напротивъ, просвѣтилъ его чтеніемъ и любознательностью и употребилъ на общую пользу. Онъ ничего не оставилъ безъ вниманія, что привелось ему видѣть на своемъ вѣку, обо всемъ поразмыслилъ, обо всемъ сказалъ свое мнѣніе и далъ добрый совѣтъ по своимъ понятіямъ. Онъ былъ настоящій русскій гражданинъ и благочестивый человѣкъ, горячо любилъ русскій народъ и батюшку-государя, думалъ обо всякой народной нуждѣ и если гдѣ видѣлъ что неладное или надобность какую, то сейчасъ готовъ былъ дать совѣтъ и наставленіе и дѣломъ помочь. Такъ, напримѣръ, была тогда война съ непріятелемъ, а пороху было мало, и провѣдалъ Посошковъ, что государь не знаетъ, гдѣ найти поскорѣе сѣры для пороха; сѣра привозилась изъ далекихъ мѣстъ, и на ту пору весь запасъ вышелъ. Посошковъ сейчасъ сталъ разыскивать, и, дѣйствительно, нашелъ поблизости (въ Новгородской губ.) и донесъ о томъ князю Голицыну. Видѣлъ Посошковъ, что крестьяне жили въ бѣдности отъ своей лѣности, — обо всемъ этомъ онъ соболѣзновалъ и писалъ свои увѣщанія и наставленія. Его и самого много обижали. Напримѣръ, за то, что онъ нашелъ сѣру, ему дали награжденія 50 р., а сначала князь Голицынъ обѣщалъ дать такую награду, что ея бы не прожить ни дѣтямъ его ни внучатамъ; одинъ разъ его и въ тюрьму посадили по навѣту злыхъ людей. Но онъ не унывалъ и не переставалъ служить отечеству своими трудами. Въ сочиненіяхъ его много высказано такихъ разумныхъ мнѣній и совѣтовъ, что просто не вѣрится, чтобы малоученый крестьянинъ стараго времени (двѣсти слишкомъ лѣтъ назадъ) могъ все это самъ сочинить и написать. Своими торговыми и промышленными оборотами Посошковъ нажилъ себѣ хорошее состояніе. Онъ купилъ нѣсколько земель въ разныхъ мѣстахъ и въ Новгородскомъ уѣздѣ построилъ винокуренный заводъ; имѣлъ нѣсколько домовъ въ Новгородѣ и Петербургѣ. На обученіе своего сына онъ не жалѣлъ денегъ и послалъ его въ чужія земли обучаться разнымъ наукамъ.

Главное свое сочиненіе, «О скудости и богатствѣ», онъ представилъ царю съ просьбой, чтобы имя его осталось неизвѣстнымъ «ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, особенно же ябедникамъ и обидчикамъ и любителямъ неправды; аще увѣдаютъ о моей мизерности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни мало времени жити, но прекратятъ животъ мой». Должно-быть, черезъ этихъ «любителей неправды» онъ и погибъ: онъ умеръ въ 1726 году въ Петропавловской крѣпости. Въ сочиненіи Посошкова «О скудости и богатствѣ» говорится

о государственномъ управленіи и о различныхъ сословіяхъ. Сочиненіе раздѣляется на 9 главъ: о духовенствѣ, о военныхъ дѣлахъ, о правосудіи, о крестьянахъ, о царскомъ интересѣ и т. д. Главная мысль книги — возвышенная, нравственная мысль, что внѣшнее богатство и благосостояніе народа зависитъ отъ внутренняго его богатства—отъ нравственности народной.

«Безъ насажденія правды и безъ истребленія обидчиковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ разныхъ явныхъ и тайныхъ грабителей никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно». Посошковъ указываетъ на необходимость образованія для крестьянъ, говоритъ, что теперь крестьянъ по ихъ невѣжеству обманываютъ плуты.

Посошковъ сочувствовалъ дѣламъ Петра Великаго и его стремленіямъ водворить образованіе въ русской землѣ; но онъ боялся сближенія русскихъ людей съ иновѣрцами-лютеранами. Онъ горячо высказываетъ это опасеніе въ своемъ «Завѣщаніи отеческомъ»:

«Нынѣ бо мнози изъ русскаго народа, научившіеся отъ иноземцевъ, отъ нравыя своея древнія вѣры въ лютеранское зловѣріе начинаютъ склонятися и отъ Мартина Лютера установленные слабые и роскошные и весьма развращенные законы начинаютъ приниматп». Онъ говоритъ, что православіе прославлено чудесами святыхъ людей; «а въ лютеранствѣ только такихъ чудотворцевъ видимъ, которые могутъ цѣлую ночь танцовать, пить да въ карты играть». Посошковъ возмущается, что лютеране сидятъ во время богослуженія, а «на вечеринкахъ въ богомерзкихъ танцахъ тако себя удручаютъ, что едва съ душею собираются, и тако удручившися, спятъ даже до обѣда».

«Завѣщаніе» Посошкова есть сочиненіе въ родѣ «Домостроя» 16-го вѣка; онъ даетъ здѣсь правила жизни; говоритъ объ обязанностяхъ человѣка къ Богу, къ людямъ, объ отношеніяхъ семейныхъ. Общее правило поведенія Посошковъ высказываетъ словами Евангелія: «вся елико хощете да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде» (Луки VI, 37). Онъ совѣтуетъ соблюдать «смиренномудріе» и избѣгать «высокоумія». Дѣтей надо воспитывать въ духѣ вѣры и благочестія, не баловать ихъ и учить славянской грамотѣ, счету, ариѳметикѣ, языкамъ латинскому, греческому и какому-нибудь художеству; особенно онъ указываетъ на рисованіе, — оно можетъ быть полезно во всякомъ ремеслѣ и во всякомъ практическомъ дѣлѣ. На жену Посошковъ смотритъ въ своемъ «Завѣщаніи» какъ на подругу и совѣтницу мужа «А безъ совѣта, наипаче безъ женняго, ничего не твори, понеже она (жена) отъ самого Бога дана тебѣ не ради порабощенія или токмо послуженія, но ради самыя помощи».

Проповѣдуя бережливость, Посошковъ въ завѣщаніи сыну на случай, если тотъ когда-нибудь сдѣлается «старымъ подъячимъ», говоритъ: «Указывай имъ (молодымъ подъячимъ), чтобы они писали мелкимъ и уписистымъ писмомъ, и словами не разметистыми, чтобы истраты лишніе бумаги не было, понеже отъ разметистаго писма изъ Руси тысячъ по десятку и по другому на кійждо годъ пропадаетъ богатства напрасно. А по моему мнѣнію, не велми бы часто было, еже бы на страницѣ дестевой писать по сороку строкъ, а въ записныхъ книгахъ менши бы 50 стр. отнюдь не надлежало писать, а по прямому разсужденію, не худо бы и въ 60 въ записныя книги писать. И аще тако обыкнутъ молодые подъячіе писать мелко и уписисто, то бумаги и половины у насъ въ Руси исходити уже не будетъ, — гдѣ было издержать по прежнему обыкновенію 10 стопъ, а по сицевому манеру довлѣетъ и 4 стопъ. И егда мало на нее расходу будетъ, то и цѣны съ нея сбудетъ. Коя стопа покупаеца нынѣ по $1^1/_2$ р., а тогда и за рубль съ радостію будутъ отдавать. И облюдая лишную истрату бумаге, за молодыми подъячими смотри, чтобы они ни на какую бездѣлицу бѣлые бумаги не тратили. А буде у коего подъячаго увидиши какіе бездѣлки помѣтные пишущи... то ты учини ему великое страхованіе, чтобы онъ въ предь бумаги и малаго лоскутка даромъ не тратилъ... и буде узриши кто колико бумаги на бездѣльные дѣла издержалъ... доправь на немъ десятерицею: и аще онъ не на государевой бумаги, но на свои деньги купя тратилъ ее, то и тутъ безъ штрафованья не отпусти ему вины. А и самъ такой бездѣлицы не чини, чтобы тебѣ бумаги безъ надобные потребы тратить» и проч.

Далѣе онъ говоритъ: «И ты, сыне мой, всячески тщися дѣтямъ своимъ одежды чинить не отъ высокихъ цѣнъ: елико себя ради, паче же ради царственнаго пополненія, дабы наше Россійское царство отъ излишняго наряда не отончевало и тоя же ради царственныя прибыли дѣтямъ своимъ обшивныхъ пуговицъ ни шелковыхъ, ни шерстяныхъ, ни самыхъ золотыхъ не покупай, понеже обшивные пуговицы переводъ деньгамъ, потому что они въ скорыхъ числахъ пропадаютъ, и взвороту отъ нихъ и пула не будетъ, а нѣмцы велми похваляютъ тыя часовыя пуговицы. А ты, сыне мой, на ихъ нѣмецкія басни не смотри, дѣлай дѣтямъ пуговицы либо серебряные, либо мѣдные. То хорошо, чтобы пуговицы портищевъ 5—6 износили: а обшивныхъ пуговицъ на одно портище *пятья* будеши перемѣнять, и придутъ тебѣ дороже серебряныхъ, а износя всѣ бросишь. А серебряные кои плотно здѣланы — колко кафтановъ не переносишь, а деньги въ головахъ».

«А наипаче не пускай дѣтей твоихъ заморскихъ питей пити: понеже тыи питья паче здравію человѣческому вредительны, а царственному богатству истощительны, и не токмо истощительны, но и разорительны... На нѣмецъ намъ смотрить нечего: они насъ обманываютъ, да деньги у насъ выманиваютъ, а самыя правды намъ не скажутъ, толко предлагаютъ намъ всякіе фигуры, на чемъ бы имъ излишніе у насъ деньги выманити, и привозятъ къ намъ дудки, да робячіе игрушки, да всякіе напитки... и на питье и на иные бездѣлицы, кои купя да бросить, тысячъ по сту руб. и болши на кійждо годъ выманиваютъ. Намъ надлежало бы то у нихъ покупати, безъ чего намъ пробыть не можно» («Завѣщаніе отеческое», изд. Свят. Синода 1893 г.).

Алексѣй Григорьевичъ
графъ Разумовскій.

Царскій любимецъ, уроженецъ с. Лемеши, Козельскаго у. Черниговской губ., графъ Разумовскій былъ сынъ реестроваго казака (родился въ 1709 г.). Пріятнымъ голосомъ, которымъ отличался въ церквахъ, и красивой наружностью онъ обратилъ на себя вниманіе полковника Вишневскаго, при посредствѣ котораго вступилъ въ придворные пѣвчіе. Великая княжна Елизавета Петровна поручила Разумовскому главный надзоръ за однимъ помѣстьемъ и отличала его отъ прочихъ приближенныхъ. Разумовскій содѣйствовалъ великой княжнѣ во вступленіи на престолъ при паденіи Бирона, и государыня въ самый день воцаренія, 25 ноября 1741 года, произвела его въ дѣйствительные камергеры, потомъ, въ день коронованія, 25 апрѣля 1742 г., пожаловала кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. 16 мая 1744 г. онъ получилъ графское достоинство Римской имперіи, а 15 іюля того же года императрица возвела его въ графское достоинство Россійской имперіи. 5 сентября 1756 г. онъ получилъ званіе генералъ-фельдмаршала. А. Г., ставъ первымъ вельможей, чуждался гордости, ненавидѣлъ коварство и, одаренный отъ природы умомъ основательнымъ, былъ ласковъ, снисходителенъ, привѣтливъ въ обхожденіи съ младшими, любилъ ходатайствовать за несчастныхъ.

Возвышеніе его имѣло большое вліяніе на судьбу казаковъ. Онъ исходатайствовалъ у императрицы уравненіе малороссійскихъ старшинъ съ великороссійскими членами генеральной канцеляріи, гор. Кіеву подтвержденіе древнихъ преимуществъ и возстановленіе гетманства. Скончался Разумовскій въ 1771 году.

Кириллъ Григорьевичъ
графъ Разумовскій.

Графъ Кириллъ Разумовскій въ царствованіе Елизаветы Петровны былъ посланъ для образованія за границу; отправкѣ его за границу содѣйствовалъ братъ его, Алексѣй Григорьевичъ; съ нимъ вмѣстѣ, въ качествѣ наставника, былъ посланъ адъюнктъ академіи Григорій Николаевичъ Тепловъ, сначала въ Виртембергское княжество, въ г. Тюбингенъ, а потомъ въ Парижъ, дабы, пробывъ тамъ 4 или 5 лѣтъ, могъ быть профессоромъ Академіи Наукъ, и опредѣлили ему жалованье въ 600 р. въ годъ. Въ 1745 г. Разумовскій возвратился изъ-за границы, былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а 21 мая 1746 г. назначенъ президентомъ академіи съ жалованьемъ 3.000 р. въ годъ. Въ 1750 году К. Г. назначенъ гетманомъ Малороссіи, улучшилъ въ краѣ земледѣліе, торговлю, судебную часть, намѣревался основать университетъ въ Батуринѣ, но при восшествіи на престолъ Екатерины Великой онъ вышелъ въ отставку съ ежегодной пенсіей въ 60.000 рублей. К. Г. былъ послѣдними гетманомъ Малороссіи и скончался въ 1783 году.

О Разумовскомъ сохранилось много анекдотовъ, характеризующихъ личность графа.

Завѣдывавшая въ послѣдніе годы хозяйствомъ графа племянница его, графиня Апраксина, неоднократно требовала уменьшенія числа служителей. Наконецъ, она рѣшилась подать графу два списка о необходимыхъ и о лишнихъ служителяхъ. Графъ подписалъ первый, а послѣдній отложилъ въ сторону.

— Я согласенъ съ тобой, — сказалъ онъ племянницѣ,—что люди эти не нужны мнѣ, но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности, и если они откажутся отъ меня, то я тогда смѣло откажусь отъ нихъ.

Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, у Разумовскаго бывалъ ежедневно открытый столъ для званыхъ и незваныхъ. Кромѣ того, онъ любилъ давать и праздники какъ въ городѣ, такъ и на дачѣ. Подъ старость на свои парадные обѣды и балы онъ являлся въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ съ нашитою на немъ андреевскою звѣздой. Въ послѣдній проѣздъ Потемкина черезъ Москву, онъ заѣхалъ навѣстить Разумовскаго. На другой день послѣдній отдалъ ему визитъ. Потемкинъ принялъ его, по обыкновенію, неодѣтый и неумытый, въ халатѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, князь просилъ у гостя

дать въ честь его балъ. Разумовскій согласился, и на другой день созвалъ всю Москву и принялъ Потемкина, къ крайней досадѣ послѣдняго, въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, разыскивая въ Малороссіи какого-то родича, спросилъ встрѣтившагося хохла:

— А сколько верстъ до Сагоривки?

— Було двѣнадцать, а теперь шесть.

— Какъ такъ? спросилъ изумленный графъ.

— Та далеко було ходыть на барщину, такъ мы просили пана — винъ велѣвъ шесть верстовъ зрубать (т.-е. срубить шесть верстовыхъ столбовъ).

Однажды, императоръ Петръ III, благоговѣвшій предъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II и восторгавшійся имъ, хвасталъ фельдмаршалу К. Г. Разумовскому, что король произвелъ его въ генералъ-майоры прусской службы.

— Ваше величество можете съ лихвой отомстить ему, — отвѣчалъ Разумовскій: — произведите его въ русскіе генералъ-фельдмаршалы.

Московскій генералъ-губернаторъ, князь Прозоровскій, производившій слѣдствіе по дѣлу извѣстнаго Новикова, арестовалъ послѣдняго съ особенной торжественностью. Придавая этому событію важное значеніе, Прозоровскій съ гордостью и самодовольствомъ разсказывалъ Разумовскому о тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты имъ для ареста Новикова.

— Вотъ расхвастался, — отвѣчалъ Разумовскій, — словно городъ взялъ: старичонка, скорченнаго болѣзнями, схватилъ подъ караулъ! Да одного бы десятскаго или будочника послалъ за нимъ, тотъ бы и притащилъ его.

М. В. Гудовичъ, почти постоянно проживавшій у Разумовскаго и старавшійся всячески вкрасться въ его довѣренность, гулялъ съ нимъ какъ-то по его имѣнію. Проходя мимо только что отстроеннаго дома графскаго управляющаго, Гудовичъ замѣтилъ, что пора бы смѣнить его, потому что онъ воръ и отстроилъ домъ на графскія деньги.

— Нѣтъ, братъ, — возразилъ Разумовскій, — этому осталось только крышу крыть, а другого возьмешь, тотъ станетъ весь домъ сызнова строить.

Разъ главный управляющій съ разстроеннымъ видомъ пришелъ къ Разумовскому объявить, что нѣсколько сотъ его крестьянъ бѣжали въ Новороссійскій край.

— Можно ли быть до такой степени неблагодарными,— добавилъ управляющій. — Ваше сіятельство истинный отецъ своихъ подданныхъ!

— Батька хорошъ, — отвѣчалъ Разумовскій, — да матка-свобода въ тысячу разъ лучше! Умные хлопцы: на ихъ мѣстѣ я тоже ушелъ бы.

Встрѣтивъ какъ-то своего бѣжавшаго слугу, Разумовскій остановилъ его и сказалъ:

— Ступай-ка, братъ, домой.

Слуга повиновался. Когда графъ возвратился, ему доложили о слугѣ и спросили, какъ онъ прикажетъ его наказать.

— А за что? — отвѣчалъ Разумовскій. — Вѣдь я вамъ его поймалъ...

Одинъ приказчикъ графа, изъ крѣпостныхъ, затѣялъ несправедливую тяжбу съ сосѣдомъ, бѣднымъ помѣщикомъ. Благодаря имени Разумовскаго и деньгамъ, помѣщикъ проигралъ дѣло, и у него отняли небольшое его имѣніе. Узнавъ объ этомъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ велѣлъ возвратить помѣщику отнятое имѣніе и подарилъ ему еще ту деревню, къ которой былъ приписанъ приказчикъ. Однако, черезъ нѣсколько дней, считая приказчика достаточно наказаннымъ, графъ выправилъ ему у новаго его господина отпускную (Краткое начертаніе свойствъ гр. Разумовскихъ. «Русскій Вѣстникъ» 1811 г., № 4).

Григорій Саввичъ
Сковорода.

УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ-ПРОПОВѢДНИКЪ.

Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.
Любитель простоты и истинной свободы,
Безъ лести другъ прямой, довольный всѣмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

Григорій Саввичъ родился въ селѣ Чернухахъ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губ., въ 1722 году. Родители его были простолюдины—отецъ казакъ, мать казачка. Жили они бѣдно, но ихъ честность, гостепріимство и миролюбіе хорошо были извѣстны въ селѣ.

Гриша уже на 7 году имѣлъ наклонность къ музыкѣ и чтенію. Сперва игралъ онъ на дудочкѣ, а потомъ на флейтѣ; одинъ ходилъ по рощамъ и лѣсамъ или, пріютившись дома, сидѣлъ въ уголкѣ и на память повторялъ читанное имъ или слышанное. Въ церковь онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и отличался пѣніемъ. Любимою пѣснію его былъ стихъ

Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, Тріе твои отроцы небрегоша безбожнаго велѣнія».

По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ Кіевскую академію. Здѣсь онъ пріятнымъ голосомъ и любовью къ музыкѣ обратилъ на себя вниманіе регента пѣвчихъ и немедленно поступилъ въ хоръ.

При восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Пе-

Г. С. Сковорода.

тровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной пѣвческой капеллы. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ. Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни: «Иже херувимы», который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украйнѣ.

Кромѣ того, онъ же сложилъ радостный торжественный напѣвъ: «Христосъ воскресе» и канонъ Пасхи: «Воскресенія день», нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго ирмолойнаго напѣва,

Въ августѣ 1744 г. императрица предприняла путешествіе въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ другими пѣвчими прибылъ туда и Сковорода. Но при отбытіи двора въ Петербургъ Сковорода получилъ увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика *) и остался въ Кіевѣ продолжать ученіе.

Въ академіи молодой Сковорода занялся еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, естественной исторіи и богословіи. Благодаря острому уму и рѣдкимъ способностямъ, онъ скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ. Соученикъ его Михаилъ Миславскій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, во всемъ оставался ниже его, но Сковорода совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго, впрочемъ, преимущественно отецъ назначалъ его; это нерасположеніе къ духовному званію было поводомъ къ его исключенію изъ бурсы. Этого-то и хотѣлъ Сковорода, такъ какъ онъ пожелалъ видѣть чужіе края.

Скоро къ тому представился удобный случай.

Генералъ-майоръ Вишневскій, посланный въ Венецію, взялъ съ собой Сковороду. Вишневскій для находившейся тамъ православной церкви хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію.

Сковорода, извѣстный уже знаніемъ музыки, голосомъ и желаніемъ своимъ быть въ чужихъ краяхъ, также знаніемъ нѣкоторыхъ языковъ, былъ представленъ Вишневскому и взятъ имъ подъ покровительство. Путешествуя съ генераломъ, онъ, съ его позволенія и съ его помощью, осмотрѣлъ Венгрію, Вѣну, Платъ, Пресбургъ и другія мѣстности Австріи, и вездѣ старался знакомиться съ людьми учеными.

Онъ говорилъ чисто и хорошо по-латыни и по-нѣмецки и порядочно понималъ греческій языкъ, почему легко могъ пріобрѣтать знакомство и расположеніе ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя познанія, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть на родинѣ.

А потомъ, когда средства его поизсякли, онъ взялъ посохъ въ руку и отправился дальше истинно-философски, т.-е. пѣшимъ и съ тощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи. Тутъ онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаяніемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ.

---

*) Этотъ чинъ давался обыкновенно всѣмъ лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ при оставленіи имп капеллы и означалъ запѣвалу въ хорѣ, смѣлаго и одареннаго острымъ слухомъ. Уставщикъ же при дворѣ носилъ особое платье и былъ съ булавой.

Обогатившись нужными познаніями, Григорій Саввичъ, надѣясь всегда на проворство ногъ, пустился назадъ. Сильно забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Идя мимо кладбища, гдѣ увидѣлъ много новыхъ крестовъ, онъ думалъ: «Можетъ-быть, многихъ теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы!» Онъ перескочилъ черезъ ограду, переходилъ съ могилы на могилу, пока по одному изъ камней не узналъ, что уже нѣтъ у него отца. Вербы, посаженныя въ отеческомъ дворѣ тогда, какъ онъ былъ еще дитятей, распространили свои вѣтви по крышѣ хижины. Здѣсь онъ узналъ, что всѣ его родные скончались, кромѣ одного брата, котораго пребываніе было неизвѣстно. Побывавши дома, онъ взялъ опять свой странническій посохъ и пошелъ въ Харьковъ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, полный учености, но съ весьма скуднымъ состояніемъ и въ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ пріятелей и знакомыхъ. Бѣдность крайне его стѣсняла, но Сковорода не просилъ помощи.

Помѣщику Тамара нуженъ былъ учитель для сына. Къ нему-то поступилъ Сковорода и принялся за воспитаніе молодого человѣка. Воспитанникъ привязался къ нему. Цѣлый годъ шло ученіе, но чванный отецъ не удостоивалъ учителя взглядомъ, хотя онъ всякій день сидѣлъ у него за столомъ съ своимъ воспитанникомъ; но тутъ случилась одна непріятность: какъ-то разговаривалъ онъ съ своимъ ученикомъ и запросто спросилъ его, какъ онъ думаетъ о томъ, что говорили. Ученикъ отвѣтилъ неприлично. Григорій Саввичъ возразилъ, что, значитъ, онъ думаетъ «какъ свиная голова!» Слуги подхватили слово, передали его барынѣ, та мужу. Старикъ, цѣня все-таки учителя, но уступая женѣ, которая требовала мести за сына, названнаго свиной головой, отказалъ Сковородѣ отъ дому и отъ должности. При прощаньи, онъ съ нимъ впервые заговорилъ и прибавилъ: «Прости, государь мой! мнѣ жаль тебя!» И вотъ, за «свиную голову» онъ остался безъ мѣста, но не безъ надежды.

Въ такой крайней нуждѣ зашелъ онъ къ одному пріятелю. Тутъ ему представился случай ѣхать въ Москву и оттуда въ Троице-Сергіевскую лавру. Намѣстникъ лавры Кириллъ, большихъ познаній человѣкъ, сталъ уговаривать Сковороду остаться въ лаврѣ, но любовь къ родинѣ влекла его въ Малороссію, и онъ снова возвратился въ Переяславль.

Не успѣлъ онъ устроиться въ Переяславлѣ, какъ помѣщикъ Тамара просилъ его вновь къ сыну. Сковорода не согласился. Тогда одинъ знакомый перевезъ его въ домъ Тамары сонного, ночью. Тамъ его удалось уговорить остаться.

Въ 1759 году, по приглашенію епископа бѣлгородскаго Іосифа, Григорій Саввичъ занялъ мѣсто учителя стихотворства въ

Харьковскомъ коллегіумѣ (университетѣ). И здѣсь онъ продолжалъ вести скромную жизнь. Одѣвался просто, питался овощами, на сонъ тратилъ не болѣе 4 часовъ; вставалъ до зари и любилъ совершать прогулки; несмотря на свой зрѣлый возрастъ, былъ очень подвиженъ, легокъ и бодръ; считалъ своимъ долгомъ посѣщать больныхъ, утѣшать печальныхъ, дѣлиться въ неимущими.

Черезъ годъ онъ навѣстилъ въ Бѣлгородѣ епископа Іосифа.

Послѣдній, съ цѣлью удержать его на болѣе продолжительное время при училищѣ, поручилъ игумену Гервасію склонить Григорія Саввича къ принятію монашества, обѣщая въ скоромъ будущемъ довести его до высокаго духовнаго сана. Такое предложеніе не только не имѣло успѣха, но, наоборотъ, заставило Сковороду разстаться съ епископомъ. Отсюда онъ отправился къ новому своему другу, въ деревню Старицу, близъ Бѣлгорода, гдѣ принялся изучать себя и на эту тему написалъ нѣсколько сочиненій.

Сосѣди искали знакомства со Сковородой. Самъ онъ посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Спустя нѣкоторое время, онъ побывалъ въ Харьковѣ и здѣсь познакомился съ Коваленскимъ, котораго очень полюбилъ и ради котораго даже остался въ Харьковѣ преподавать въ коллегіумѣ.

Григорій Саввичъ говорилъ, *что счастіе есть ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исправленіе долга*, и жизнь его соотвѣтствовала этимъ словамъ. Въ бесѣдахъ съ Коваленскимъ, раздѣляя человѣка на внутренняго и внѣшняго, Сковорода внутренняго человѣка называлъ Минервой (творческая сила, изобрѣтательность). Часто, видя робкаго военачальника, судью, грабителя или хвастуна, онъ замѣчалъ съ досадой: «Вотъ люди безъ Минервы!» Часто онъ ходилъ съ Коваленскимъ на кладбище и здѣсь говорилъ о безумной людской боязливости при видѣ мертвыхъ. Иногда онъ пѣлъ что-нибудь духовное или же, удаляясь въ близлежащую рощу, игралъ на флейтѣ-траверсѣ, оставя своего ученика между могилъ одного, чтобы издали ему было пріятнѣе слушать музыку.

Любимымъ занятіемъ Сковороды была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихиры для литургіи. Всѣ они гармоничны, просты и проникаютъ въ душу. Кромѣ того, онъ игралъ на скрипкѣ, флейтѣ, бандурѣ и гусляхъ, и вообще любилъ музыку и занимался ею съ дѣтства.

Въ Харьковѣ однажды (въ 1764 г.) произошелъ слѣдующій случай: губернаторъ Щербининъ ѣхалъ по улицѣ въ пышномъ рыдванѣ въ сопровожденіи гайдуковъ. Увидѣвъ Сковороду сидящимъ у гостинаго двора на тротуарѣ, онъ послалъ за нимъ адъютанта.

«Васъ требуетъ къ себѣ его пр—ство».—«Какое пр—ство?»—«Г. губернаторъ!»—«Скажите ему, что мы не знакомы!»

Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды губернатору. Тотъ послалъ вторично.

«Васъ проситъ къ себѣ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ!» - «А!—отвѣтилъ Сковорода.—Объ этомъ слыхалъ! говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ!» И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они сошлись. Въ первые дни знакомства Щербининъ спросилъ его: «Честный человѣкъ, для чего не возьмешь ты себѣ извѣстнаго состоянія?»—«Милостивый государь,—отвѣчалъ философъ,—свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалой, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить никакого лица удачно, кромѣ простого, безпечнаго и уединительнаго; я сію роль выбралъ, и доволенъ. Если бы я почувствовалъ сегодня же, что могу рубить турокъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому!»

Въ 1766 году Сковорода былъ приглашенъ преподавателемъ правилъ благонравія въ Харьковскомъ коллегіумѣ и охотно принялъ это мѣсто, даже безъ опредѣленнаго жалованья, ссылаясь на то, что это доставитъ ему одно удовольствіе. Въ руководство ученикамъ онъ написалъ тогда извѣстное свое сочиненіе: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи» (см. въ концѣ сего жизнеописанія).

Но у Сковороды нашлись завистники. Особенно напугали нѣкоторыхъ сказанныя имъ при вступленіи въ новую должность слова: «Весь міръ спитъ! Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется. Спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: сии, не бойся, мѣсто хорошее. . . чего опасаться!»

Григорія Саввича отрѣшили отъ должности, и онъ принужденъ былъ удалиться изъ Харькова въ помѣстье любимыхъ имъ помѣщиковъ Земборгскихъ «Гужвинское» и тамъ поселился на пасѣкѣ. Отсюда пригласилъ его къ себѣ помѣщикъ Изюмскаго уѣзда Сошальскій. Сковорода перебрался въ дер. Гусинку, полюбилъ мѣсто и хозяевъ и пристроился опять-таки, по обычаю своему, на пасѣкѣ, въ обществѣ стараго пчельника и своей любимой собаки.

Въ 1775 г. Григорію Саввичу было уже 53 года, а онъ оставался все тѣмъ же безпечнымъ старымъ ребенкомъ. Съ этого времени его жизнь уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованій пѣшкомъ за сотни верстъ и крат-

кихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями. Слава о немъ распространилась по всей Украйнѣ. Его посѣщеніе считалось благодатью. Многіе хулили его, многіе хвалили и всѣ хотѣли его видѣть. Постояннаго жилища онъ нигдѣ не имѣлъ. Въ крайней бѣдности переходилъ онъ изъ избы въ избу, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ.

Одежду его составляла сѣрая свита, пищу — самое грубое кушанье. Проживши нѣсколько дней въ одномъ домѣ, гдѣ лѣтомъ ночевалъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ сараѣ, бралъ онъ свою Библію въ карманъ, флейту и пускался далѣе, всегда пѣшкомъ. Что бы ему ни предлагали, онъ всегда отказывался, говоря: «Дайте неимущему!» Иногда жилъ онъ у кого-либо только для того, чтобы своими бесѣдами нечувствительно привлечь человѣка *въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла.*

Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, чрезъ Потемкина, послала ему приглашеніе переселиться изъ Украйны въ столицу. Гонецъ Потемкина засталъ Сковороду съ флейтой, сидящаго при дорогѣ; близъ него ходила овца хозяина, пріютившаго на время философа. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: «Скажите матушкѣ царицѣ, что я не покину родины...

Мнѣ моя свирѣль и овца
Дороже царскаго вѣнца!»

Объ остроуміи Сковороды разсказываютъ слѣдующее: Г., умный и ученый человѣкъ, но безбожникъ, хотѣлъ однажды осмѣять его.—«Жаль,—сказалъ онъ,—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь какъ сумасшедшій, безъ цѣли и пользы для отечества!»—«Ваша правда, я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ пользы; но, надобно сказать, и никакого вреда! Но вы, сударь, безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ».

Императрица Екатерина, проѣздомъ чрезъ Украйну, увидала Сковороду и спросила: «Отчего ты такой черный?»—«Э! вельможная мати, развѣ же ты гдѣ видѣла, чтобы сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ и она все въ огнѣ?» — отвѣчалъ философъ.

Сковорода училъ простой народъ всюду, на базарахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, называлъ себя другомъ поселянъ и гордился именемъ народоучителя, презирая насмѣшки своихъ враговъ.

Онъ говорилъ: «Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей, а воду даетъ ему земля безъ платы, лишнее не нужно».

«Не тотъ глупъ, кто не знаетъ (еще все перезнавшій не родился), но только, кто знать не хочетъ! Лучше мнѣ сухарь съ водою, чѣмъ сахаръ съ бѣдою! Вотъ причины нашей бѣдности: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себѣ: очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы себя за рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щеголя, заботящагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Есть въ насъ и душа, но такова, какъ у хромого ноги, или матроскій козырекъ. Она у насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадна, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тоща, блѣдна, точно такая, какъ больной изъ лазарета, каковыхъ часто живыхъ погребаютъ по указу. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей?»

А вотъ его наиболѣе извѣстная пѣсня, которую украинскіе бродячіе пѣвцы, называемые «бандуристами» и «кобзарями», распѣвали на большихъ дорогахъ и въ селахъ, вмѣстѣ съ другими его же стихами:

Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ, и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ.

Сирахъ.

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ,
Всякому сердцу своя есть любовь.
А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.
Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедоръ-купецъ при аршинѣ все лжетъ,
Тотъ строитъ домъ свой на новой манеръ,
Тотъ все въ процентахъ, пожалуй, повѣрь.
А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.
Тотъ непрестанно стягаетъ грунта,
Сей иностранный заводитъ скота,
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ съ ума.
Тотъ строитъ на свой ладъ юриста права,
Съ диспутъ студенту трещитъ голова,
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ Амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,

Какъ бы умереть не безъ ума.
Смерть, съ страшной замашкой колоссъ,
Ты не щадишь и царскихъ волосъ,
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, и гдѣ царь,
Все жрешь такъ, какъ солому пожаръ.
Кто жъ на ея плюетъ острую сталь?
Тотъ, чья совѣсть, какъ чистый хрусталь...»

Его канты (псалмы) слушались не высшимъ обществомъ, а простымъ народомъ — поселянами, казачествомъ, чумаками, бурлаками и мѣщанами. Но сильнѣе всякихъ своихъ сочиненій дѣйствовалъ онъ самъ, своей собственной личностью, своимъ примѣромъ.

Заслуги Сковороды предъ обществомъ и государствомъ неоцѣненны. Ему многимъ обязанъ Харьковскій университетъ, такъ какъ первые помѣщики, подписавшіе въ 1803 г. безпримѣрную сумму въ 618.000 руб. для основанія его, были большей частью все или ученики или короткіе знакомые и друзья Сковороды. Извѣстно, что въ мѣстностяхъ, куда приходилъ Сковорода, паны мѣняли свое обращеніе съ рабами. Такъ сильно было его нравственное вліяніе! Своимъ незлобіемъ и покорностью онъ являлся примѣромъ утѣшенія и успокоенія для тѣхъ, кто томился подъ игомъ рабства.

Григорій Саввичъ Сковорода скончался 29 октября 1794 года, исполнивъ все положенное по уставу Церкви и пріобщившись св. Таинъ. Похороненъ онъ въ селѣ Ивановкѣ, въ 40 верстахъ отъ Харькова. На памятникѣ его вырѣзана составленная имъ самимъ надпись: «Міръ мене ловилъ, но не поймалъ!» Больше ста лѣтъ прошло со дня смерти философа-проповѣдника, но слава его жива между нами и доселѣ! (Соч. Г. П. Данилевскаго, т. VI; соч. Г. С. Сковороды, юбилейное изд. Харьковскаго Ист.-Филог. Общества 1894 г.).

Начальная дверь къ христіанскому добронравію.

Благодареніе блаженному Богу о томъ, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ.

Нѣтъ слаще для человѣка, и нѣтъ нужнѣе, какъ счастіе: нѣтъ же ничего и легче сего. Благодареніе блаженному Богу!

Царствіе Божіе внутрь насъ. Счастіе въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго.

Сіе есть непрестающее ведро и незаходящее солнце, тьму сердечныя бездны просвѣщающее. Благодареніе блаженному Богу!

Что было бы тогда, есть ли бы счастіе, пренужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, есть ли бы

счастіе заключилъ Богъ въ Америкѣ, или въ Канарскихъ островахъ, или въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?.. Тогда бы и счастіе наше и мы съ нимъ были бѣдны. Кто бъ могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ коемъ-то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ?

Какое же то и счастье, утвержденное на пескѣ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ человѣкѣ? Не сіе ли есть трудное? Ей, трудное и невозможное. Благодареніе блаженному Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ!

Нынѣ же желаешь ли быть счастливымъ? Не ищи счастья за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не влачись по дворцамъ, не ползай по шару земному... Златомъ можешь купить деревню, вещь трудную, яко обходимую; а счастье, яко необходимая надобность, туне вездѣ и всегда даруется. Воздухъ и солнце всегда съ тобою, вездѣ и туне: все же то, что бѣжитъ отъ тебя прочь, знай, что оно чуждое и не почитай за твое; все то чужое и лишнее. Что же тебѣ нужды? потому-то оно и трудно. Никогда бы оно отъ тебя не разлучилось, есть ли бы было необходимо.

Благодареніе блаженному Богу! счастье ни отъ небесъ ни отъ земли не зависитъ.

Скажи съ Давидомъ: что ми есть на небеси? и отъ тебе что восхотѣхъ на земли?

Что же есть для тебя нужное? То, что самое легкое. А что же есть легкое? О! другъ мой! все трудное и тяжелое есть горькое и злое, и лживое. Однако, что есть легкое? То, другъ мой, что нужное. Что же есть нужное? Нужное есть только одно:

Едино есть на потребу.

Одно только для тебя есть нужно, одно же только и благое и легкое, а прочее все трудъ и болѣзнь. Что же есть оное единое? Богъ. Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сѣчь, ломъ, кружь, стѣнь и плоть: и то, что любезно и потребно, есть едино, вездѣ и всегда. Но сіе едино все горстію своею и прахъ плоти твоея содержитъ. Благодареніе жъ блаженному Богу, за то, что все насъ оставляетъ и все для насъ трудно, кромѣ того, что потребно, любезно и едино.

Многія тѣлесныя необходимости ожидаютъ тебя, и не тамъ счастье: а для сердца твоего едино есть на потребу, и тамо Богъ и счастье. Не далече оно, близъ есть, въ сердцѣ и душѣ твоей.

О страстяхъ или грѣхахъ.

Страсть есть моровой въ душѣ воздухъ. Она есть безпутное желаніе видимостей, а называется мучительный духъ. Главнѣйшая всѣхъ есть зависть, мать прочихъ страстей и беззаконій. Она есть главный центръ оныя пропасти, гдѣ душа мучится. Ничто ее не краситъ и не пользуетъ. Не милъ ей свѣтъ, не люба благочинность, а вредъ толь сладокъ, что сама себя десять разъ съѣдаетъ. Жаломъ адскаго сего дракона есть весь родъ грѣховъ, а вотъ фамилія его: ненависть, памятозлобіе, гордость, лесть, несытость, скука, раскаяніе, тоска, кручина, и прочій не усыпаемый въ душѣ червь.

О любви, или чистосердечіи.

Противится сей безднѣ чистосердечіе. Оно есть спокойное въ душѣ дыханіе и вѣяніе Святого Духа. Оно подобно прекрасному саду, тихихъ вѣтровъ, сладко-дышущихъ цвѣтовъ и утѣхи исполненному, въ которомъ процвѣтаетъ древо нетлѣнныя жизни. А вотъ плоды его: доброжелательство, незлобіе, склонность, кротость, нелицемѣріе, благонадежность, безопасность, удовольствіе, крѣпость силъ (куражъ), и прочія неотъемлемыя утѣшенія. Кто такову душу имѣетъ, миръ на немъ, и милость и веселіе вѣчное надъ главой сего истиннаго Христіанина.

Ѳедоръ Григорьевичъ
Солнцевъ.

ХУДОЖНИКЪ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ.

Родился Ѳ. Г. 14 апрѣля 1801 г. въ селѣ Верхненикульскомъ, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Отецъ его былъ крестьяниномъ графа Мусина-Пушкина, служилъ кассиромъ при императорскихъ театрахъ въ Петербургѣ. Матушка также была грамотна и на 6-мъ году начала обучать его чтенію, а затѣмъ отдала въ ученье старику, управлявшему имѣніемъ графа. Особенно доставалось ученику за тетради, которыя постоянно оказывались запачканными, чему способствовало и то, что мальчикъ любилъ не за букваремъ сидѣть, а рисовать что-нибудь; найдя, бывало, цвѣтные мягкіе камушки на р. Ильтѣ или Сити, онъ какъ умѣлъ, рисовалъ ими. Если попадались въ руки какія-нибудь лубочныя картинки, онъ принимался срисовывать ихъ. Въ селѣ у матушки онъ прожилъ до 1815 г., когда отецъ, по обыкновенію, посѣтилъ ихъ. Отцу нажаловались, что мальчикъ ничего не дѣлаетъ, кромѣ того, что немилосердно пачкаетъ тетради рисунками

деревенскихъ, преимущественно же церковныхъ предметовъ. «Батюшка», внимательно разсмотрѣвъ тетради, обрадовался, что у сына есть страстишка къ рисованію, и взялъ его съ собою въ Петербургъ. Въ томъ же 1815 году его опредѣлили въ Академію Художествъ. Въ рисовальномъ классѣ онъ пробылъ менѣе полугода и переведенъ въ гипсовый, въ которомъ пробылъ тоже не долго и перешелъ въ натурный, избравъ себѣ для изученія историческую и портретную живопись.

Ѳ. Г. Солнцевъ.

Въ 1822 г. Солнцевъ обратилъ на себя вниманіе президента Академіи А. Н. Оленина, по слѣдующему случаю: императрица Марія Ѳеодоровна пожелала имѣть рисунки для живыхъ картинъ*) въ нѣсколькихъ снимкахъ, предназначаемыхъ для раздачи участвовавшимъ въ живыхъ картинахъ. Оленинъ приказалъ выбрать нѣсколько учениковъ для рисованія: назначили Солнцева и трехъ другихъ. Императрица сама выби-

*) Представленіе, гдѣ живые люди изображаютъ изъ себя картины.

рала картины, большей частью Рембрандта и Вандика, и они ходили въ Эрмитажъ срисовывать ихъ.

Черезъ годъ кому-то потребовалось нарисовать Пютерлакскую плитную ломку. Совѣтъ назначилъ Солнцева. По окончаніи картины онъ лично передалъ ее президенту, который остался ею очень доволенъ. Но особенное вниманіе Оленинъ обратилъ на него въ то время, когда происходило испытаніе на вторую золотую медаль. Назначено было изобразить: 1) «крестьянское семейство» и 2) «шашечную игру». Рисовали въ общей залѣ, при чемъ не позволялось выходить изъ залы. Нарисованные Солнцевымъ наброски понравились совѣту и Оленину, такъ что ему предложено было написать красками любой изъ нихъ. Солнцевъ избралъ «крестьянское семейство», состоящее изъ 4 фигуръ. Натурщиками служили у него: сторожа, которые носили въ Академіи дрова, старуха нянька изъ лазарета и мальчикъ — сынъ сторожа.

Передъ окончаніемъ испытанія совѣтъ, въ полномъ составѣ, обходилъ комнаты, гдѣ работали ученики. Замѣтивъ въ картинѣ Солнцева, что у него написано плохо молоко, тутъ же призвали эконома и приказали ему отпускать Солнцеву ежедневно на завтракъ кринку неснятого молока. За эту картину (2 арш. ширины, $1^1/_2$ выс.) Солнцеву дали 2-ю золотую медаль.

Для полученія 1-й золотой медали задано было изобразить Спасителя съ фарисеями, по евангельской притчѣ о монетѣ. Въ 1827 году картина была окончена, удостоена 1-й золотой медали, и Солнцеву объявили, что ему нужно ѣхать за границу, въ Китай, но онъ отказался.

Вниманіе президента Академіи Оленина принесло Ѳ. Г. большую пользу; такъ, однажды онъ зашелъ къ Оленину на домъ, и тотъ поручилъ ему нарисовать «Лепицкое сраженіе», бывшее близъ г. Юрьева Польскаго въ 1216 г. За эту работу онъ получилъ 200 руб.; послѣ того Оленинъ предложилъ ему нарисовать «рязанскія древности», найденныя въ 1822 г. время крестьянами близъ с. Старая Рязань, Спасскаго уѣзда: 3 золотыхъ *бляхъ*, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ (бляхи нѣсколько схожи съ нынѣшними панагіями, носимыми архіереями), *бармы* (украшеніе царской или великокняжеской одежды), разныя кольца, перстни и мн. др. Рисовалъ Ѳ. Г. въ кабинетѣ Оленина; между прочимъ, у него нарисована была бляха, рисунокъ этотъ лежалъ на столѣ. Однажды пріѣхалъ къ Оленину профессоръ перспективы Воробьевъ; замѣтивъ на столѣ бляху и принявъ ее за настоящую, онъ хотѣлъ рукой сдвинуть ее; но, увидѣвъ свою ошибку, сказалъ:

— Неужели это нарисовано!

На что Оленинъ замѣтилъ:

— Да, ужъ лучшей похвалы искусству нельзя сдѣлать.

Вскорѣ Ѳ. Г. сдѣлался своимъ человѣкомъ въ домѣ Оленина. Здѣсь онъ встрѣчался съ Крыловымъ, Брюловымъ, Пушкинымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ и др.

Послѣ окончанія рисунковъ «рязанскія древности» Оленинъ поручилъ Солнцеву рисовать керченскія и фанагорійскія древности. Нѣкоторыя вещи имъ рисованы на камнѣ. Алексѣй Николаевичъ остался чрезвычайно доволенъ его рисунками и представилъ ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, императору Николаю Павловичу. Государь обратилъ на него свое милостивое вниманіе, которое и продолжалось до самой кончины императора.

9 мая 1830 г. Солнцевъ былъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Москву и въ другіе города*) и монастыри «для срисовыванія старинныхъ нашихъ обычаевъ, одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи» и т. п.

Рисунки его съ новгородскихъ древностей хранятся въ московской Оружейной палатѣ.

Въ 1836 г. Солнцевъ удостоенъ званія академика. Тогда же онъ занимался возстановленіемъ древнихъ теремовъ (XVII в.) въ Кремлѣ, за что удостоенъ лично государемъ ордена св. Владимира.

Въ 1843 г. Солнцевымъ открыты въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ древнія (XI в.) фрески и мозаики и имъ же возобновлены.

Въ 1846—48 гг. по случаю свадьбы его императорскаго высочества Константина Николаевича поручено было Ѳедору Григорьевичу сдѣлать рисунки для разной утвари: фарфора, хрусталя, бронзы, золотыхъ и серебряныхъ вещей въ *русскомъ стилѣ*, что было тогда нововведеніемъ.

Англійскій магазинъ отказался сдѣлать вещи по приготовленнымъ рисункамъ, находя, что они будутъ недостаточно красивы, и выписалъ образцы изъ Англіи. Рисунки Ѳедора Григорьевича были выполнены Сазиковымъ; вещи оказались лучше тѣхъ, какія были выставлены англійскимъ магазиномъ и удостоились Высочайшаго одобренія.

Впослѣдствіи, когда вошли въ моду вещи въ русскомъ вкусѣ, не только русскіе фабриканты, но и англійскій магазинъ не разъ обращался къ Ѳедору Григорьевичу съ просьбою о рисункахъ.

20 мая 1876 г. Импер. Рус. Археолог. об-вомъ, въ воздаяніе свыше полувѣковой дѣятельности профес. Ѳ. Г. Солнцева,

*) Вотъ далеко неполный перечень городовъ, посѣщенныхъ Ѳ. Г. Солнцевымъ: Александровъ (бывшая Александровская слобода), Бѣлозерскъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Витебскъ, Изборскъ, Кіевъ, Коломна, Ладога, Москва, Могилевъ, Новгородъ, Орелъ, Осташковъ, Псковъ, Ревель, Рязань — Старая и Новая, Суздаль, Тула, Тверь, Тихвинъ, Торжокъ, Черниговъ, Юрьевъ Польскій и т. д.

поднесена ему золотая медаль съ портретомъ Ѳ. Г. Солнцева на одной сторонѣ и съ слѣдующей надписью на другой сторонѣ медали:

«Въ память 50-лѣтней археологической его дѣятельности отъ Им. Р. Ар. о-ва, 1824—74 гг.».

Сынъ народа, воспитанникъ отеч. Академіи Художествъ Ѳ. Г. Солнцевъ, въ теченіе болѣе полувѣковой неутомимой дѣятельности, неоднократно посѣтилъ для своихъ изысканій древнѣйшіе города и монастыри нашего отечества и повсемѣстно находилъ, изслѣдовалъ и сохранилъ въ своихъ превосходныхъ рисункахъ самые разнообразные памятники религіознаго, государственнаго и домашняго быта нашихъ предковъ, восходя до XII и XI вѣка. Семь громадныхъ книгъ изданія: «Древности Россійскаго государства», вышедшаго въ 1846—1853 гг. и, къ сожалѣнію, не продолжаемаго, украшены рисунками, числомъ свыше 500, исполненными единственно Солнцевымъ. Эти рисунки составляютъ лишь 10-ю долю всего количества произведеній, исполненныхъ имъ со свойственными его кисти точностью, изяществомъ и живостью красокъ. Какое богатство выбора предметовъ, какое поразительное разнообразіе! Кисть Солнцева вызвала изъ мрака забвенія останки старины, воскресила въ живыхъ образахъ быта всѣ стороны допетровской Руси. Въ рисункахъ Солнцева, любитель древности найдетъ наиболѣе чтимыя народомъ русскимъ иконы; тутъ же кресты запрестольные и наперсные, утварь церковная, облаченія сана духовнаго; предметы древняго обихода царскаго: вѣнцы, скипетры, державы, бармы и т. п.; доспѣхи воинскіе, сбруи конскія, всякаго рода оружія; древнѣйшія великокняжескія, царскія, боярскія и мѣстныя народныя одѣянія, и не только въ изображеніяхъ одеждъ, но въ портретахъ; таковы, напримѣръ: князья Репнины, Скопинъ-Шуйскій, думный дьякъ Власьевъ, цари: Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ, Ѳеодоръ, Іоаннъ, Петръ Алексѣевичи; патріархи: Филаретъ, Никонъ; наши царицы и царевны XVII вѣка и мног. друг. Далѣе, въ рисункахъ Солнцева воспроизведена древняя столовая и домашняя утварь: кресла, скамьи, столы, поставцы и проч., наконецъ, памятники древняго русскаго зодчества, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; здѣсь фасады храмовъ и частныхъ зданій, разрѣзы, планы, отдѣльныя части: окна, двери, рѣшетки, своды, куполы, съ приложеніемъ масштабовъ.

Изъ каждаго древняго города Солнцевъ — неутомимый собиратель художественныхъ произведеній земли русской — выбралъ типичныхъ представителей и слилъ ихъ, въ изданіи «Древностей», въ одно стройное цѣлое.

Почти каждый великокняжескій или княжій «стольный» городъ послужилъ Солнцеву источникомъ для выбора образцовыхъ произведеній какого-либо мастерства нашихъ пред-

ковъ. Вся обстановка быта, весь, такъ сказать, домашній обиходъ древней Руси воспроизведенъ въ рисункахъ Солнцева.

Важность изданія «Древностей» въ отношеніи научномъ давно и по достоинству оцѣнена знатоками и любителями отечественной старины. «Но, — по замѣчанію М. И. Семевскаго, — нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыя оказали и продолжаютъ оказывать произведенія Солнцева на изящныя художества и на развитіе у насъ въ Россіи нѣкоторыхъ ремеслъ. Безъ справокъ съ изданіемъ «Древностей» не можетъ обойтись ни художникъ - иконописецъ ни живописецъ историческій; не минуетъ рисунковъ Солнцева своимъ вниманіемъ зодчій, желающій строить въ чисто-русскомъ стилѣ *), который возстановленъ у насъ, по волѣ императора Николая I, восхищеннаго видами зданій нашихъ древнихъ храмовъ въ рисункахъ Солнцева.

«Для писателя историческаго романа «Древности» Солнцева — живописная сокровищница предметовъ внѣшней, бытовой обстановки удѣльно-вѣчевой и московско - царской допетровской Руси во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Для отечественнаго театра донынѣ изданное собраніе рисунковъ Солнцева — надежнѣйшее руководство при постановкѣ пьесъ, заимствованныхъ изъ отечественной исторіи... Отъ изящныхъ художествъ переходя къ мастерствамъ: столярному, токарному, гончарному, финифтяному, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, видимъ, что и они, благодаря трудамъ того же Солнцева, возросли до высоты народныхъ художествъ, именно потому что наши русскіе мастера, отрѣшась отъ слѣпого подражанія иноземнымъ образцамъ, обратились къ своимъ, отечественнымъ, и поняли, наконецъ, что своеобразный *русскій* стиль, завѣщанный намъ стариной, можетъ зачастую спорить съ стилями, заимствованными у иноземцевъ. Сазиковъ и съ недавняго времени снискавшіе извѣстность серебряными издѣліями Овчинниковъ, Хлѣбниковъ, Грачевъ и нѣкоторые другіе тому же русскому стилю обязаны своей извѣстностью. Короче сказать, рисунки Солнцева, въ научномъ и въ художественномъ отношеніяхъ — *живописная лѣтопись* древней Руси, источникъ возрожденія отечественнаго стиля, который съ каждымъ годомъ ярче и ярче проявляется у насъ въ произведеніяхъ зодчества, ваянія и ремеслахъ. И если Карамзинъ въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ нашего отечества обрѣлъ живыя краски для слога своей исторіи; если Пушкинъ въ народныхъ нашихъ сказкахъ нашелъ живую свѣжую струю, которою обновилъ языкъ отечественной поэзіи, — то, скромный дѣятель на своемъ поприщѣ, художникъ Солнцевъ, путемъ своихъ изысканій, напалъ на неистощимый

*) Вкусъ, духъ.

родникъ русскаго искусства, а произведеніями своими пробудилъ въ русскихъ художникахъ чувство народнаго самосознанія и уваженія къ образцамъ, завѣщаннымъ намъ предками».

Рисуя съ натуры отечественныя древности, Солнцевъ никогда не былъ только старательнымъ копировальщикомъ, или, такъ сказать, живымъ фотографическимъ аппаратомъ, нѣтъ! Будучи одновременно талантливымъ художникомъ и добросовѣстнымъ ученымъ, онъ подвергалъ копируемые предметы критической оцѣнкѣ, провѣрялъ время сооруженія храмовъ, выдѣлки утвари, ковки и чеканки оружія, доспѣховъ и издѣлія облаченій, перечитывая лѣтописи, множество монастырскихъ хартій, грамотъ, актовъ, описей и т. п. Эти чисто ученые труды вознаграждались многими важными открытіями.

Не менѣе замѣчательны открытія Солнцева, подтвердившія подлинность нѣкоторыхъ памятниковъ старины, древность которыхъ не была до него доказана; Солнцевымъ съ точностью опредѣлена принадлежность найденнаго шишака в. к. Александру Невскому, шлема – Ярославу Всеволодовичу, дверей—временамъ Грознаго, разныхъ знаменъ, доспѣховъ, предметовъ царскаго обихода и т. д. Тѣмъ же трудолюбивымъ художникомъ возстановлены въ ненарушимой цѣлости царскіе терема XVII вѣка; его стараніями и искусствомъ спасены и возстановлены нѣкоторыя святыни древняго Кіева. Знатокъ отечественныхъ древностей, нерѣдко до мелочей взыскательный, А. Н. Оленинъ при отъѣздахъ Солнцева на его изысканія не затруднялъ его наставленіями, говоря: «Ученаго учить – только портить». И какими наставленіями было снабжать добросовѣстнаго изыскателя, объѣздившаго неоднократно почти всѣ старинные города и монастыри сѣверной, средней и частью южной Россіи, въ которыхъ отъ его зоркаго, пытливаго взгляда не укрывалось ни пуговки, ни черепка, ни иного малѣйшаго обломка древности! Изъ множества предметовъ художникъ выбиралъ одинъ, совмѣщавшій въ себѣ главныя черты въ мастерствѣ того времени, и изображалъ его во всѣхъ подробностяхъ. По масштабамъ, приложеннымъ Солнцевымъ къ рисункамъ, и чертежамъ церквей и теремовъ можно отстроить эти зданія; по выкройкамъ древнихъ одѣяній — ихъ можно сшить съ безукоризненной вѣрностью тому времени; по рисункамъ предметовъ столовой утвари можно заказать золотыхъ или серебряныхъ дѣлъ мастеру воспроизвести братину, кубокъ-сулею и т. п. въ чистомъ старинно-русскомъ вкусѣ.

Труды Ѳ. Г. Солнцева тѣмъ болѣе достойны уваженія, что въ нихъ онъ не имѣлъ предшественниковъ, какъ—увы! - почти не имѣетъ и преемниковъ. Онъ шелъ не по проторенной дорогѣ, но прокладывалъ ее самъ и, не ослабѣвая въ борьбѣ со

множествомъ препятствій, неуклонно шелъ къ своей цѣли. Для подобнаго подвига, помимо таланта и силы воли, надобно быть истинно *русскимъ*, надобно страстно любить и родину и науку. Древности, обрѣтенныя и срисованныя Солнцевымъ, зачастую были имъ находимы по чердакамъ монастырей, дворцовъ и частныхъ зданій; онѣ тлѣли въ церковныхъ подвалахъ подъ грудами щебня и известки, въ мучныхъ закромахъ, въ сараяхъ, въ погребахъ. Срисовывать эти памятники весьма часто приходилось художнику при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: въ осеннее ненастье, въ сырости, въ холоду. Помимо этихъ неудобствъ, не мало терпѣлъ нашъ почтенный труженикъ отъ явнаго равнодушія и отъ тайнаго недоброжелательства, недовѣрія и подозрительности ближайшихъ хранителей этихъ сокровищъ, которымъ они и сами не знали цѣны. При посѣщеніи Солнцевымъ какой-либо древней обители, тамошніе келари и ризничіе нерѣдко уничтожали описи древнихъ вещей, утаивали описи ризницъ изъ боязни, что пріѣзжій художникъ не иное что, какъ ревизоръ, могущій уличить ихъ въ небрежности и нерадѣніи

Государь Николай Павловичъ самъ направлялъ ученыя поѣздки Солнцева, всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ относился къ его открытіямъ и художественнымъ произведеніямъ. Изданіе «Древностей Россійскаго государства» исполнено по волѣ и на сумму, пожалованную императоромъ Николаемъ I, *100.000 р.*, и въ отношеніи художественномъ, т.-е. во всемъ, что исполнено въ немъ Солнцевымъ, можетъ назваться совершенствомъ, отъ котораго очень далеко описаніе рисунковъ, обработка котораго была довѣрена Вельтману и Снегиреву.

Редакторы изданія «Древности» на первыхъ оттискахъ рисунковъ Солнцева не допустили подписи его имени. На это обстоятельство обратилъ вниманіе императоръ Николай Павловичъ: приказавъ сдѣлать выговоръ комиссіи изданія за это небреженіе къ трудамъ художника, государь повелѣлъ, чтобы имя Солнцева выставлено было на каждомъ листѣ рисунковъ.

«Три тысячи совершенно готовыхъ рисунковъ Ѳ. Г. Солнцева хранятся въ московской Оружейной палатѣ, въ ожиданіи появленія своего въ свѣтъ; кромѣ того, у самого художника сберегается множество набросковъ, прописей, снимковъ, чертежей, полуоконченныхъ и совершенно отдѣланныхъ рисунковъ.

«Вышедшія семь книгъ «Древностей» теперь рѣдкость (навряд ли, ихъ можно купить за тысячу рублей), и грустно было бы за отечественную археологію—подумать, что рисункамъ, еще неизданнымъ, суждено, въ свою очередь, превратиться въ древность художественную!

«Рисунки Солнцева спасли отъ утраты многіе памятники старины, въ дѣйствительности нынѣ уже исчезнувшіе. Таковы:

парчевый кафтанъ Бориса Годунова, который невѣдомо какъ *затерялся;* древняя кольчуга русской работы, на каждомъ звенѣ которой читаемъ кличъ христіанскаго воинства: «съ нами Богъ, никто же на ны»!—растрачена посѣтителями Оружейной палаты, отрывавшими по колечку; совершенно цѣльная въ 1831 г., эта кольчуга нынѣ превратилась въ ничтожный лоскутокъ... Если подобная же растрата угрожаетъ и рисункамъ Солнцева, доселѣ еще не изданнымъ, тогда внуки наши и иноземцы въ правѣ будутъ упрекнуть насъ въ полномъ равнодушіи къ родной старинѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ къ отечественной исторіи. Мы справедливо дорожимъ списками нашихъ лѣтописей Нестора и его многочисленныхъ послѣдователей; не того ли же самаго вниманія достойны труды нашего почтеннаго Нестора, — основателя археологической живописи у насъ, въ Россіи,—Ѳедора Григорьевича Солнцева! Труды его — достояніе науки, драгоцѣнное наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ людей русскихъ, сокровище исторіи и художества».

Невѣроятное множество трудовъ почтеннаго художника-археолога показываетъ, что можетъ произвести одинъ человѣкъ своими единичными силами, если всецѣло посвящаетъ ихъ избранному имъ дѣлу, не отвлекаясь другими интересами.

Ѳ. Г. скончался на 92 году жизни, 3 марта 1892 г. («Русская Старина», 1876 г. № 1, 2, 3, 1887 г. іюль).

Иванъ Осиповичъ

Сусанинъ.

Иванъ Осиповичъ Сусанинъ, уроженецъ села Домнина, Костромской губерніи, сдѣлалъ имя свое безсмертнымъ въ отечественной исторіи, пожертвовавъ жизнію для спасенія царя. Когда Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ единодушно избранъ на престолъ, въ 1613 году, поляки, продолжавшіе буйствовать въ русскихъ областяхъ, рѣшились погубить его. Убійцы приближались къ помѣстью царскому, но, не зная дороги, остановили встрѣтившагося имъ крестьянина Ивана Сусанина и разспрашивали его о мѣстопребываніи Михаила. Смѣтливый Сусанинъ, проникнувъ ихъ коварство, не прельстился золотомъ и сказалъ: «Ступайте за мною; я проведу васъ, куда желаете», и повелъ ихъ совсѣмъ въ противную сторону, къ лѣсамъ, по снѣгамъ глубокимъ. Утомленные злодѣи подкрѣпились виномъ; Сусанинъ одушевилъ себя вѣрой и вѣрностію. Въ полночь очутились они въ непроходи-

момъ лѣсу. И здѣсь произошла та страшная, незабвенная развязка, которая описана въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

«Сусанинъ, Сусанинъ, куда ты завелъ насъ?»—ляхъ
старый вскричалъ!
— Туда, куда надо! — Сусанинъ сказалъ. —
Убейте! замучьте! — моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь, — я спасъ Михаила!
Предателя мнили во мнѣ вы найти!
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли:
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ,
И душу измѣной свою не погубитъ.
«Злодѣй! закричали враги, закипѣвъ.—
Умрешь подъ мечами!» — Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни ни смерти и я не боюсь!
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!
«Умри же!» — сарматы герою вскричали.
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали!
«Погибни, предатель! Конецъ твой насталъ!»
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ!
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила.
Она для Россіи спасла Михаила!»

Этотъ безсмертный подвигъ Сусанина навсегда увѣковѣченъ *) въ народной памяти композиторомъ **) Глинкой въ его всѣмъ извѣстной оперѣ ***) «Жизнь за Царя», начало которой слѣдующее:

«Въ бурю, во грозу
Соколъ по̀ небу
Держитъ молодецкій путь.
Въ бурю на Руси
Добрый мо̀лодецъ
Пѣсню русскую ведетъ:
«Страха не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за царя, за Русь!
Миръ въ землѣ сырой!
Честь въ семьѣ родной!
Слава мнѣ въ Руси святой!..»

Послѣ кончины Сусанина, вѣрнаго сына отечества, осталась единственная дочь его Антонида, которая вышла замужъ

---

*) Сусанину воздвигнутъ памятникъ въ г. Костромѣ, на площади, названной въ честь его — Сусанинской.

**) Сочинитель музыки.

***) Музыкальное сочиненіе для пѣнія въ театрѣ.

Смерть Сусанна.

за Богдана Собинина. О дальнѣйшей судьбѣ потомковъ Сусанина, извѣстныхъ подъ именемъ «Коробовскихъ бѣлопашцевъ», мы находимъ интересныя свѣдѣнія въ исторической справкѣ, помѣщенной въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» № 4. 1896 года.

«Въ № 12 1896 г. «Собр. узаконеній и распоряженій Правительства» распубликовано Высочайше утвержденное 11 января 1896 г. положеніе о порядкѣ вызова и о составѣ сословныхъ и другихъ представителей при предстоящемъ Священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ этомъ положеніи, въ числѣ представителей отъ сельскаго населенія, кромѣ волостныхъ старшинъ и почетнѣйшихъ сельскихъ обывателей, отдѣльно поименованъ «Староста Коробовскихъ Бѣлопашцевъ Костромской губерніи».

Что такое бѣлопашцы и за что оказывается имъ такая честь, видно изъ грамоты, жалованной «Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 7141 году (1633) Генваря 10: Костромскаго уѣзду крестьянину Собинину, за службу тестя его, *на пустошь Коробово, состоящую въ селѣ Красномъ.*

«Мы, *Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руссіи*, въ прошломъ въ 121 (1613) году были на Костромѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромскій уѣздъ Польскіе и Литовскіе люди, и тестя его Богдашкова Ивана Сусанина въ тѣ поры Литовскіе люди изымали и его пытали про Насъ, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи, гдѣ мы въ то время были; и онъ, Иванъ, вѣдая про Меня, Великаго Государя, не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти. И Мы... пожаловали того Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина къ Намъ службу и за кровь, въ Костромскомъ уѣздѣ Нашего Дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищь, на чемъ онъ Богдашка жилъ полторы чети выти земли, велѣли ему обѣлить и жить ему въ той деревнѣ безданно» *).

Земля эта была пожалована Собинину царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, по совѣту и просьбѣ матери его, царицы-инокини Марѳы Іоанновны. Вскорѣ послѣ этого Собининъ умеръ, а вдова его Антонида, пріѣхала съ двумя сыновьями своими въ Москву, гдѣ ей повелѣно было жить во дворцѣ царскомъ.

Между тѣмъ, послѣ кончины царицы Марѳы Іоанновны, село Домнино съ деревней Деревнищами было отдано на поминовеніе души ея московскому Новоспасскому монастырю, и новоспасскій архимандритъ «полдеревни Деревнищь *очернилъ*», т.-е., несмотря на дарованныя потомству Сусанина преимущества, сталъ требовать съ земли ихъ всякихъ доходовъ.

---

*) 1-е полн. собр. зак. № 1415.

«И мы, Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руссіи, пожаловали, вмѣсто тое деревни Деревнищь, того Богдашка Собинина, жену его вдову Антонидку съ дѣтьми ея съ Данилкомъ, да съ Костькой, за терпѣнье и за кровь отца ея Ивана Сусанина, въ Костромскомъ уѣздѣ села Краснаго приселка Подольскаго пустошь Коробово въ вотчину и въ родъ ихъ неподвижно велѣли обѣлить, и на ней, на Антонидкѣ и на ея дѣтяхъ и на внучатахъ и на правнучатахъ — Нашихъ никакихъ податей, кормовъ и подводъ и намѣтныхъ всякихъ запасовъ и въ городовыя подѣлки и въ мостовщину и въ иныя ни въ какія подати съ тое пустоши имати не велѣли».

По писцовымъ книгамъ 7140 (1632) года въ пустоши Коробово считалось 18 четвертей пахотной земли и перелоговъ и 70 копенъ сѣнныхъ покосовъ. При этомъ, въ обезпеченіе спокойнаго обладанія землей, жалованною грамотой 10 января 7141 (1633) года, было обѣщано:

«А буде то Наше село Красное въ отдачѣ будетъ, и тое пустоши никому ни въ помѣстье, ни въ отчину не отдавать, и у нихъ не отымати, а владѣть имъ по сей Нашей Царской грамотѣ ей Антонидкѣ и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ и въ родъ ихъ неподвижно».

Новою жалованною грамотою 5 августа 1644 года не велѣно было въѣзжать въ пустошь Коробово ни воеводамъ ни сыщикамъ и никому ни для какихъ дѣлъ, ни посылать отъ себя посланныхъ; а по всѣмъ касающимся до потомковъ Сусанина дѣламъ повелѣно вѣдать ихъ только въ Приказѣ Большого Дворца.

По просьбѣ правнуковъ Сусанина, «Мишки да Лучки Константиновыхъ дѣтей да Гришки Данилова сына», цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, въ сентябрѣ 1691 года, подтвердили жалованную грамоту 10 января 1633 года, повелѣвъ:

«пустошью Коробовою, за службу дѣда ихъ, владѣть имъ Мишкѣ и Гришкѣ и Лучкѣ и ихъ дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ и въ родѣ ихъ во вѣки неподвижно; и о всемъ чинить, какъ въ жалованной грамотѣ написано».

Дарованныя права были вновь подтверждены всемилостивѣйшею грамотою императицы Екатерины II, 18 октября 1767 г., которую, по всеподданнѣйшему прошенію потомковъ Сусанина, было повелѣно: какъ жалованной землей владѣть, такъ и всѣми преимуществами пользоваться не только имъ, но и будущему по нихъ роду свободно и состоять подъ вѣдомствомъ и судомъ дворцовой канцеляріи и ея конторы. При этомъ просители были предупреждены, чтобы они изъ посто-

ронних въ свое званіе отнюдь никого ни подъ какимъ видомъ не принимали, подъ опасеніемъ императорскаго гнѣва.

Отъ двухъ названныхъ уже выше внуковъ Сусанина, Данилы и Константина, произошелъ двумя колѣнами родъ «Коробовскихъ бѣлопашцевъ». Въ 1767 году всѣхъ ихъ было 153 души, въ томъ числѣ 76 м. и 77 ж.; въ 1834 году число ихъ возросло до 226 душъ (105 м. и 121 ж.), при чемъ всѣ они жили очень бѣдно. В. И. Вешняковъ, авторъ изслѣдованія о бѣлопашцахъ*), не сомнѣвается въ томъ, что причиной слабаго развитія какъ населенія, такъ и самаго благосостоянія коробовскихъ поселянъ, были именно дарованныя имъ льготы. «Свобода отъ всѣхъ обязанностей, лежащихъ на прочихъ гражданахъ въ государствѣ, — говоритъ онъ, — полное и почти неограниченное изъятіе отъ вліянія мѣстныхъ властей, обезпеченность въ пользованіи, хотя и небольшимъ пространствомъ земли, достаточнымъ, однако, для поддержанія насущнаго существованія, — все это, вмѣстѣ взятое, заставляло ихъ мало заботиться объ улучшеніи своего положенія и довольствоваться спокойнымъ и свободнымъ пользованіемъ скудныхъ средствъ своихъ».

Бѣдность бѣлопашцевъ обратила на себя въ 1834 году вниманіе императора Николая Павловича. Изъ собранныхъ тогда, по Высочайшему повелѣнію, свѣдѣній, во владѣніи потомковъ Ивана Сусанина оказалось всего 118 дес. земли, въ томъ числѣ 98 дес. жалованной и 20 дес. купленной; кромѣ того, они арендовали небольшую пустошь «Аристово», служившую главнымъ подспорьемъ въ ихъ весьма несовершенномъ сельскомъ хозяйствѣ: вся земля обрабатывалась болѣе чѣмъ неудовлетворительно, что зависѣло какъ отъ бездѣятельности и непредпріимчивости бѣлопашцевъ, такъ и отъ дробленія участковъ, состоявшихъ въ ихъ подворномъ пользованіи, и неправильныхъ раздѣловъ ихъ, возбуждавшихъ безконечные споры и недоразумѣнія.

Полученныя свѣдѣнія были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ изъ министровъ двора, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Въ удостоенномъ 27 февраля 1836 г. Высоч. утвержденія положеніи этого комитета объ устройствѣ быта бѣлопашцевъ, между прочимъ, было выражено слѣдующее заключеніе о существѣ предоставленныхъ имъ льготъ. Исходя изъ того, что эти льготы «были двоякаго рода: во-первыхъ, личныя, освобождавшія отъ общественныхъ работъ, нарядовъ, а впослѣдствіи, на томъ же основаніи, отъ рекрутства и подушныхъ, и, во-вторыхъ, земскія, т.-е. сопряженныя съ правомъ владѣнія жалованною имъ землею», — комитетъ находилъ, что

*) Бѣлопашцы и обѣльные вотчинники и крестьяне («Журналъ Министер. Госуд. Имуществъ», LXXI, 1859 г.).

«никто изъ бѣлопашцевъ, перешедшихъ въ мѣщанство, въ купечество, учредившихъ какія-либо фабрики и всякаго другого рода заведенія, или проживающихъ собственными домами въ городахъ, не можетъ быть освобожденъ отъ платежей гильдейскихъ или городовымъ положеніемъ установленныхъ, и вообще отъ всѣхъ тѣхъ, кои падаютъ не на лицо, а на имущество или капиталъ, состоящіе внѣ предѣловъ ихъ осѣдлости».

Согласно съ выработанными комитетомъ предположеніями, коробовскимъ бѣлопашцамъ дана была Высочайшая грамота 14 марта 1837 года*):

«Сохраняя всегда въ памяти Нашей подвигъ самоотверженія, оказанный нѣкогда крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ, искупившимъ мученическою смертію жизнь Родоначальника Императорскаго Дома Нашего, Царя Михаила Ѳеодоровича Романова... и желая въ лицѣ потомковъ почтить заслугу предка, Мы признали за благо: *во-первыхъ*, вновь подтвердить предоставленныя Коробовскимъ бѣлопашцамъ грамотами льготы, во всемъ пространствѣ оныхъ, коими и пользоваться имъ, доколѣ пребываютъ въ крестьянскомъ состояніи. Проживая и водворяясь въ городахъ, переходя въ мѣщанское или купеческое званіе, они равномѣрно сохраняютъ всѣ личныя свои преимущества, подвергаясь въ сихъ случаяхъ токмо платежу денежныхъ повинностей, гильдейскихъ и городовымъ положеніемъ установленныхъ. *Во вторыхъ*, надѣлить ихъ достаточнымъ количествомъ земли; для чего отвести имъ, но не въ частное каждаго лица, а всего ихъ рода и мірскаго общества владѣніе, слѣдующіе состоящіе въ Костромскомъ уѣздѣ участки... а всего 742 дес. 253 саж. квадратныхъ. И, *въ-третьихъ*, поелику бѣлопашцы издревле находились въ завѣдываніи Приказа Большого Дворца, а впослѣдствіи состояли подъ вѣдомствомъ и судомъ Дворцовой Канцеляріи, то и нынѣ, оставляя ихъ въ Дворцовомъ завѣдываніи, ввѣрить главное попечительство надъ ними Министру Двора Нашего, а ближайшее мѣстное наблюденіе Костромскому Гражданскому Губернатору, съ тѣмъ, однакоже, чтобы онъ не иначе въѣзжалъ въ ихъ селеніе, какъ всякій разъ съ разрѣшенія Министра Двора, кромѣ случаевъ особенной важности, не терпящихъ отлагательства, о коихъ въ то же время доносилъ бы ему, Министру Двора».

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Коробовскихъ бѣлопашцахъ встрѣчаемъ въ Именномъ указѣ 23 октября 1859 г. По словамъ

*) 2-е полн. собр. зак. № 10.028.

этого указа, бѣлопашцы «дошли до такихъ безпорядковъ въ своей жизни, кои не могли быть долѣе терпимы: предавшись расколу такъ называемой секты бѣгуновъ или странниковъ, они завели у себя въ селеніяхъ и окрестныхъ лѣсахъ притоны для бѣглецовъ и бродягъ, прикрывающихся раскольническимъ фанатизмомъ. Предупредительныя мѣры увѣщаній отъ Имени Его Императорскаго Величества, построеніе въ селѣ Коробовѣ православной церкви, никакія другія средства не могли исправить бѣлопашцевъ, коихъ безпорядочная жизнь служила только соблазномъ для сосѣднихъ жителей». По всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ министра Императорскаго Двора, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переселеніи, при содѣйствіи губернскаго начальства, нѣсколькихъ человѣкъ, наиболѣе виновныхъ, въ другія удѣльныя имѣнія, *съ лишеніемъ дарованныхъ преимуществъ, и о подчиненіи* остающихся въ с. Коробовѣ бѣлопашцевъ наблюденію начальника губерніи при непосредственномъ управленіи удѣльной конторы; затѣмъ губернскому начальству повелѣно впредь по всѣмъ проступкамъ и преступленіямъ, подлежащимъ, на общемъ основаніи, слѣдственной и судебной власти, въ преслѣдованіи бѣглыхъ, пристанодержателей, и вообще во всѣхъ случаяхъ, требующихъ формальнаго слѣдствія, *не считать* село Коробово *изъятымъ* отъ дѣйствія общихъ для всѣхъ законовъ, но, не останавливаясь, исполнять законныя въ семъ отношеніи обязанности, увѣдомляя министра Императорскаго Двора къ свѣдѣнію *).

Льготу отъ рекрутской повинности бѣлопашцы утратили со введеніемъ всеобщей воинской повинности.

Лаврентій Аксеновичъ

Сѣряковъ.

ГРАВЕРЪ-АКАДЕМИКЪ.

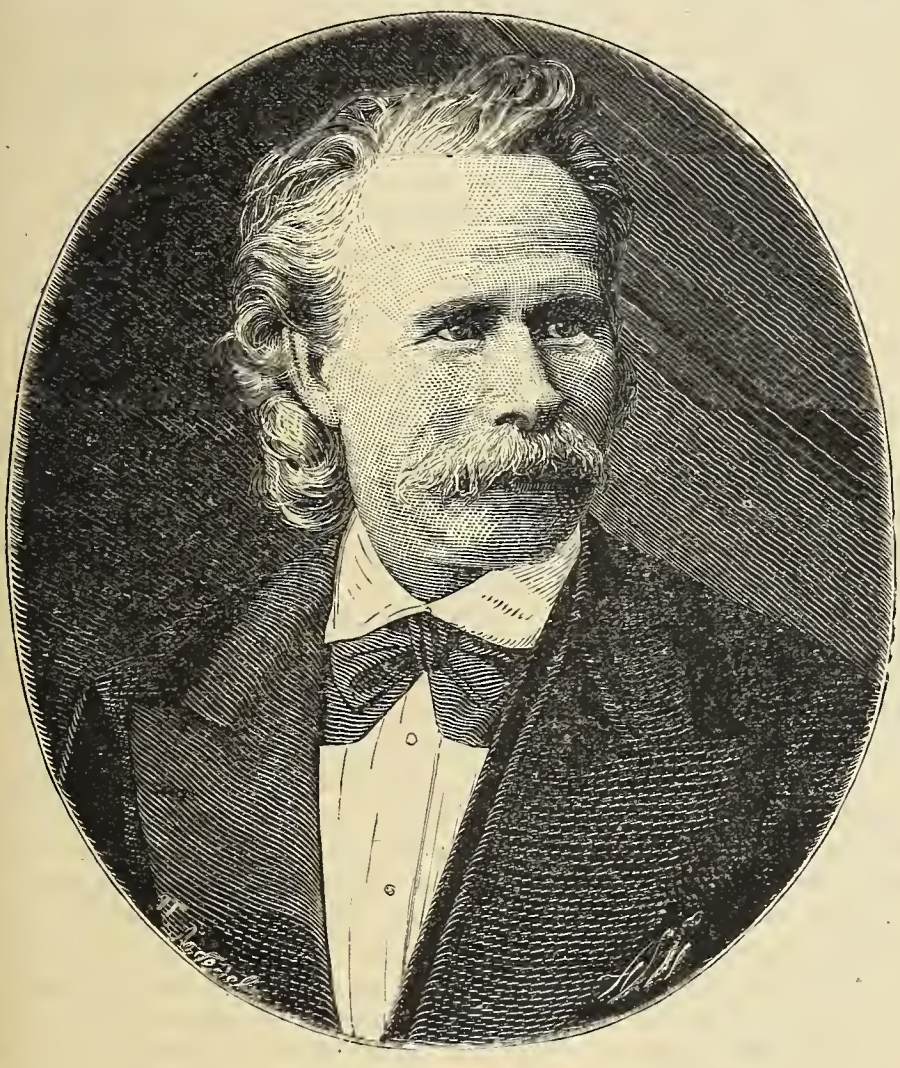
Лаврентій Аксеновичъ—сынъ крестьянина села Холопова помѣщика Макавѣева, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи, родился 28 января 1824 года.

Отецъ его былъ сданъ въ солдаты, а потому и Л. А. сталъ носить форму кантониста и семи лѣтъ началъ учиться грамотѣ. Въ 9 лѣтъ былъ полковымъ пѣвчимъ (дискантъ) и вмѣстѣ съ полкомъ ходилъ на маневры, бывшіе въ Царскомъ Селѣ; тамъ своимъ голосомъ обратилъ вниманіе дивизіоннаго генерала, который назначилъ его въ дивизіонные пѣвчіе. Когда полкъ возвратился въ г. Порховъ, то его отправили по

---

*) 2-е пол. собр. зак. № 35.020.

этапу съ партіей арестантовъ въ Псковъ, и ему пришлось поселиться вмѣстѣ съ другими 23 пѣвчими въ деревнѣ, находившейся въ 8 верстахъ отъ города, откуда въ городъ надо было по грязи, жарѣ и по морозу путешествовать пѣшкомъ ко всѣмъ церковнымъ службамъ и обратно, жить въ холодной



Л. А. Сѣряковъ.

избѣ, спать часто подъ открытымъ небомъ или въ ригѣ, питаясь чѣмъ попало. Кромѣ пѣнія, мальчики должны были учиться въ школѣ чтенію, письму и ариѳметикѣ.

Въ 1836 году дивизіонные пѣвчіе были зачислены въ рядовые, но Сѣряковъ, по недостиженію 16 лѣтъ, оставленъ кантонистомъ и опредѣленъ въ музыканты; онъ игралъ на кларнетѣ и на флейтѣ, но чрезъ два года у него обнаружилось кровохарканье; по просьбѣ матери назначить его во фронтъ,

Сѣрякова зачислили въ 1 роту псковскаго полубаталіона кантонистовъ и опредѣлили въ канцелярію писаремъ.

Здѣсь ему приходилось самому мыть полъ, наравнѣ съ прочими, недосыпать ночей, ходить на ученье и въ классы, испытать всю строгость аракчеевскихъ правилъ, по которымъ допускалось замучить 9 человѣкъ изъ 10, но чтобы этотъ 10-й сдѣлался образцовымъ писаремъ въ какомъ-либо карабинерномъ полку. Зачисленъ же на дѣйствительную службу онъ въ 1840 году, когда, будучи рядовымъ, былъ назначенъ учителемъ рисованія и арпеметики въ баталіонѣ кантонистовъ съ жалованьемъ 12 руб. ассигнаціями въ годъ; въ то время онъ уже считался хорошимъ рисовальщикомъ, такъ что портретъ императора Николая Павловича, рисованный имъ французскимъ карандашомъ, долго висѣлъ въ классѣ, даже послѣ отъѣзда его въ Петербургъ. Оставаясь пѣвчимъ, Сѣряковъ, кромѣ учительскихъ обязанностей, исправлялъ должность фельдфебеля во второй ротѣ. Обремененный непосильными обязанностями, отвѣтственностью за 250 мальчиковъ и за порядокъ въ ихъ бытѣ, которыя пришлось нести въ теченіе 3 лѣтъ, онъ написалъ знакомому писарю въ департаментъ военныхъ поселеній, прося показать начальству образецъ его почерка; на 3-й мѣсяцъ пришло предписаніе директора департамента объ отправленіи Сѣрякова въ Петербургъ, куда онъ и былъ отправленъ, какъ и прежде, по этапу. Въ столицѣ его зачислили въ писаря съ жалованьемъ по 1 р. 80 к. въ мѣсяцъ, но изъ нихъ вычитали въ артель 1 руб. 20 коп. на улучшеніе пищи; спать нужно было на полу, за неимѣніемъ свободной кровати, и самому мыть бѣлье. Въ свободное время предавался онъ чтенію и рисованію. Однажды, въ августѣ 1845 года, во время ночного дежурства его засталъ за исполненіемъ какого-то рисунка начальникъ топографовъ полковникъ Поповъ, который, посмотрѣвъ рисунокъ, замѣтилъ: «Прекрасно сдѣлано, да у меня ни одного нѣтъ такого топографа»! Взявъ у него этотъ рисунокъ, показалъ директору, послѣ чего ему велѣно было въ два мѣсяца приготовиться къ экзамену на топографа; по сдачѣ экзамена его опредѣлили на эту должность. А когда къ нему пріѣхала его мать, и занятія перепиской съ листа по 20 коп. оказались недостаточными для ея содержанія, то онъ поступилъ въ дворники, чтобы имѣть даровое помѣщеніе.

Въ 1846 году ему случайно попался листокъ изъ французскаго иллюстрированнаго изданія (1001 ночь); его заинтересовало то, что рисунокъ былъ отпечатанъ среди типографскаго набора; догадавшись, что въ рисункѣ этомъ каждая линія сдѣлана на доскѣ рельефомъ, какъ типографскія буквы, Сѣряковъ попробовалъ рѣзать перочиннымъ ножомъ на кускѣ березоваго дерева, но дѣло выходило плохо. Тогда онъ отправился въ гостиный дворъ искать дерева для рѣзьбы ри-

сунковъ, купилъ нѣсколько дощечекъ и принялся за работу, вовсе не зная, какъ рѣжутъ гравюры. Затѣмъ, когда ему посчастливилось вырѣзать рисунокъ, онъ отправился съ нимъ къ приказчику книгопродавца - издателя Смирдина за полученіемъ заказа и тамъ встрѣтился съ учителемъ Студитскимъ, который заказалъ ему 12 политипажей для дѣтской книжки «Путешествіе вокругъ свѣта» по 3 р. за рисунокъ (Римъ, сенбернардская собака и пр.). Каждый маленькій рисунокъ Сѣряковъ рѣзалъ перочиннымъ ножомъ по нѣскольку дней, съ чрезвычайными усиліями. Заказчикъ остался доволенъ его работой и заплатилъ даже ему вмѣсто 3 р. по 5 р.

Несмотря на полное незнакомство съ пріемами настоящихъ граверовъ, самоучка Сѣряковъ выполнилъ многіе изъ этихъ политипажей тонко и даже изящно, пожалуй, лучше даже опытныхъ русскихъ ксилографовъ того времени.

Вскорѣ подвернулся случай скопировать планъ имѣнія князю Одоевскому; на планѣ былъ раскрашенный гербъ, которымъ Сѣряковъ очень заинтересовался и весьма тщательно его отдѣлалъ на своемъ планѣ. Когда же онъ представилъ князю свою работу, то тотъ пришелъ въ восторгъ отъ исполненія и замѣтилъ:

— Къ чему было гравировать гербъ.

— Нѣтъ, это я перомъ сдѣлалъ,—отвѣчалъ Сѣряковъ.

— Неужели! Не можетъ быть!

И, подошедши къ окну, сталъ тщательно разсматривать рисунокъ, а затѣмъ позвалъ жену и показалъ ей.

— Смотри! вотъ мы посылаемъ за границу заказы рисунковъ для моихъ сочиненій («Разсказы дѣдушки Иринея»), тогда какъ у насъ тутъ, въ Россіи, есть свой граверъ.

Князь Одоевскій познакомилъ его съ издателемъ «Иллюстраціи» Кукольникомъ, который предложилъ ему работать для «Иллюстраціи» и даже выписалъ для него граверные инструменты. Съ того времени заработки Сѣрякова увеличились (50—70 р.), и онъ отказался отъ мѣста дворника. Тутъ ужъ начинается его знакомство съ литераторами и артистами, и ему предсказываютъ блестящую будущность. Кукольникъ же посовѣтовалъ Л. А. Сѣрякову посѣщать Академію Художествъ для усовершенствованія въ рисункѣ; доложено было директору департамента, но тотъ, призвавъ Л. А. Сѣрякова къ себѣ, раскричался на него за то, какъ онъ, солдатъ, осмѣлился думать объ Академіи. Но Кукольникъ написалъ докладную записку военному министру, при которомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій, и подалъ ему во время доклада, когда тотъ ѣхалъ во дворецъ. Въ тотъ же день на запискѣ рукой императора было написано «согласенъ». Съ марта 1847 года Сѣряковъ началъ посѣщать старшіе классы Академіи Художествъ вольноприходящимъ; черезъ два мѣсяца его пере-

вели изъ перваго въ слѣдующій классъ, а еще чрезъ мѣсяцъ—въ другой.

Цѣлый день, а то и ночи, проводилъ онъ за работой: утромъ отправлялся въ Академію, днемъ занимался дома гравированіемъ для «Иллюстраціи», вечеромъ опять шелъ въ Академію, а оттуда домой.

Государь однажды спросилъ о занятіяхъ Сѣрякова. Сѣряковъ, осчастливленный этимъ вниманіемъ, представилъ чрезъ военнаго министра альбомъ 15 гравюръ, гдѣ находилась группа изъ 3 фигуръ, по 4 верш. величины, срисованная съ натуры: солдатъ кавалергардскаго полка въ полной формѣ, унтеръ-офицеры Преображенскаго полка и Семеновскаго полка въ походной формѣ; за эту работу получилъ денежную награду.

Въ 1853 году Л. А. Сѣряковъ получилъ званіе художника за исполненіе гравюры на деревѣ—«голова старика» Рембрандта въ $^1/_2$ натуры. Императоръ Николай Павловичъ при посѣщеніи выставки въ декабрѣ остался чрезвычайно доволенъ работой Сѣрякова и сказалъ: «Надо его поддержать».

Въ августѣ 1854 г. Высочайше разрѣшено производить ему жалованье по 150 р., изъ остатковъ отъ суммъ военныхъ поселеній, а въ 1857 г. онъ получилъ мѣсто рисовальщика при департаментѣ главнаго штаба, съ жалованьемъ по 148 р.

Въ маѣ 1857 г. Сѣряковъ приступилъ къ выполненію программы на званіе академика гравюры «Невѣріе апостола Ѳомы», 12 вершковъ ширины и 14 вершковъ вышины, тогда же пожаловано Высочайшее пособіе въ 500 р. изъ кабинета его величества, въ виду его малыхъ средствъ (на такую работу употреблялись года, 5—10 л.), къ веснѣ 1858 г. она уже была готова и прекраснымъ исполненіемъ вызвала на выставкѣ всеобщую похвалу, которой, по словамъ многихъ, могли позавидовать и лучшіе англійскіе граверы *на стали*. Но за эту гравюру званія академика Сѣрякову не дали. Академія, находя, что онъ отличается особенными дарованіями и любознательностью по части гравированія на деревѣ и что для большаго развитія его таланта ему недостаетъ здѣсь руководителя, который стоялъ бы выше его въ этомъ искусствѣ, отправила его на годъ за границу, во Францію, для изученія всѣхъ пріемовъ гравированія на деревѣ и печатанія съ деревянныхъ досокъ, такъ какъ тамъ эти искусства болѣе развиты, назначивъ содержаніе 300 червонцевъ, и на путевыя издержки 200 червонцевъ.

Во Франціи онъ скоро превзошелъ всѣхъ лучшихъ граверовъ; пробылъ за границей 5 лѣтъ, объѣздивъ Германію, Швейцарію, Италію и Испанію, и въ октябрѣ 1864 г. былъ признанъ академикомъ. За границей и въ Россіи онъ былъ завалевъ работой. Сѣряковымъ гравированъ портретъ импе-

ратора Александра II въ общегенеральской формѣ — для распространенія въ народѣ по возможно дешевой цѣнѣ; портретъ этотъ былъ имъ представленъ государю императору въ октябрѣ 1866 г., а въ декабрѣ Сѣряковъ получилъ званіе гравера Его Императорскаго Величества «во вниманіе къ отличному таланту и заслугамъ по усовершенствованію въ Россіи гравированія на деревѣ».

Л. А. Сѣряковымъ выполнено множество всевозможныхъ рисунковъ и основана школа гравированія на деревѣ. Ученики его любили и глубоко уважали, изъ нихъ были также талантливые (происходившіе изъ крестьянъ): И. И. Матюшинъ и Геор. Ив. Грачевъ.

Сѣряковъ отличался братскою простотою и добродушіемъ. Лаврентій Аксеновичъ былъ самый преданный, горячо любящій сынъ. Старушка-мать не разставалась съ нимъ. Въ 1878 г., устроившись за границей на маленькой квартирѣ, Сѣряковъ выписалъ ее изъ Петербурга въ Парижъ, гдѣ она и скончалась на рукахъ обожаемаго сына.

Лаврентій Аксеновичъ Сѣряковъ скончался въ Италіи, въ Ниццѣ, 2 января 1881 года. («Сѣряковъ граверъ»—«Русская Старина» 1881 г. и «Нива», № 8, 1881 г.).

Телушкинъ Петръ.

Ярославской губерніи, казенный крестьянинъ, кровельнаго цеха мастеръ, Петръ Телушкинъ, узнавъ, что предпринимается необходимая починка въ крестѣ и въ ангелѣ на колокольномъ шпицѣ Петропавловскаго собора, въ Петербургѣ, и сообразивъ, сколько тысячъ рублей и времени должно будетъ употребить на устроеніе лѣсовъ, для безопаснаго и спокойнаго производства сего дѣла, явился съ письменною просьбой, въ которой объяснялъ лицамъ, завѣдывавшимъ ремонтомъ собора, что онъ всѣ исправленія въ крестѣ и въ ангелѣ берется произвести безъ всякихъ лѣсовъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ ему оплачены были матеріалы, нужные для сихъ починокъ (за матеріалы слѣдовало Телушкину получить 1.471 руб.); за труды же свои онъ ничего не назначалъ, предоставляя высшему начальству наградить его по благоусмотрѣнію. Выгодныя сіи предложенія были приняты, — и Телушкинъ, какъ бѣдный мастеровой, не имѣя залога, *заложилъ*, такъ сказать, *жизнь свою* въ обезпеченіе принятаго имъ на себя дѣла. Вся его надежда была на свое безстрашіе, ловкость и большую тѣлесную силу. (Будучи средняго роста, онъ поднималъ до 13 пудовъ). Шесть лѣтъ сряду передъ симъ предпріятіемъ онъ искалъ лучшихъ способовъ къ исполненію дерзновеннаго

Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ.

своего намѣренія, и привелъ его въ исполненіе слѣдующимъ образомъ.

Въ колокольномъ шпицѣ Петропавловскаго собора, сверхъ отдѣленія надъ колоколами, или сверхъ слуховыхъ оконъ, имѣются два люка, или отверстія въ $^3/_4$ аршина въ квадратѣ. Эти люки отворяются наружу, и чрезъ нихъ можно выходить на мѣдную золоченую одежду шпица.

Верхній люкъ отстоитъ отъ слуховыхъ оконъ на 8 или 10 саженъ. Телушкинъ, войдя во внутренность шпица изъ отдѣленій слуховыхъ оконъ, добрался сквозь деревянныя внутреннія укрѣпленія (пролѣзая въ иныхъ мѣстахъ, по стѣсненію, въ одной рубашкѣ) до второго или верхняго люка, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ окинуть около шпица веревку, дабы изъ нея сдѣлать родъ веревочнаго кольца, которое придерживало бы его плотно къ самому шпицу, въ то время, когда онъ по немъ полѣзетъ къ кресту. Къ несчастію Телушкина, въ этомъ мѣстѣ, т.-е. при верхнемъ люкѣ, шпицъ такъ былъ еще широкъ въ своемъ поперечникѣ, что никакъ нельзя было окинуть около него веревку. Это обстоятельство принудило его привязать одинъ конецъ веревки ко внутреннимъ укрѣпленіямъ шпица, а другимъ накрѣпко себя обхватить около пояса, скрѣпивъ тутъ веревку глухимъ узломъ, и такимъ образомъ онъ спустился на ней по наружности шпица, изъ верхняго люка на 6 саженъ внизъ. Здѣсь Телушкинъ, остановясь, началъ, вмѣстѣ съ веревкой, привязанною къ поясу, обходить винтомъ около шпиля, упираясь сильно ногами (т.-е. носками сапоговъ) въ вертикальные фальцы, или загибы золоченыхъ листовъ, покрывающихъ Петропавловскій шпицъ. Фальцы эти имѣютъ не болѣе двухъ вершковъ ширины; эти-то фальцы Телушкинъ, упираясь въ нихъ ногами, захватывалъ руками, одними только пальцами, ибо иначе придерживаться за нихъ было ему невозможно. Отъ этого усилія часто у него выступала кровь изъ-подъ ногтей. Такимъ средствомъ, обходя около шпица винтомъ, или спиралью, и подымаясь выше и выше подбирая за собою увивающуюся кольцомъ веревку, онъ, наконецъ, достигнулъ снаружи до верхняго люка. Вошедши чрезъ него во внутренность шпица, онъ къ привязанной около пояса веревкѣ придѣлалъ крѣпкую петлю и, отвязавъ другой конецъ этой веревки, привязанной ко внутреннимъ укрѣпленіямъ шпица, продернулъ этотъ конецъ сквозь петлю у пояса, чтобъ веревочное кольцо, обведенное около шпица, по мѣрѣ утопленія онаго (когда по немъ будетъ подниматься), безпрестанно стягивать къ поясу, дабы его самого не относило отъ шпица. Здѣсь нужно замѣтить, что вдоль по шпицу, въ $4^1/_2$ аршинахъ другъ отъ друга, начиная отъ верхняго люка до оконечности шпица, подъ яблокомъ, прикрѣплены крюки желѣзные, выступающіе на два вершка отъ мѣдной

крыши. Телушкинъ придумалъ ими воспользоваться. Для чего, взявъ изъ внутренности шпица приготовленныя тамъ двѣ веревки, онъ на оконечности каждой сдѣлалъ по глухой петлѣ, а нѣсколько пониже по другой, глухой же, петлѣ, въ которую продѣлъ другой конецъ веревки. Приготовленныя такимъ образомъ двѣ веревки накинулъ онъ на крюкъ первыми ихъ петлями, отъ верхняго люка черезъ одинъ крюкъ, т.-е. на 8 аршинъ вышины. Тутъ, придерживаясь одной рукой за веревку отъ той петли, у крюка висящую, а ногой ставъ на ту же веревку, во вторую петлю продѣтую, сей конецъ веревки, другою рукою сквозь вторую петлю притягивалъ къ крюку вверхъ, сгибая этимъ ногу и привязывая этотъ конецъ на время пристяжнымъ ямскимъ узломъ, ко второй петлѣ. Употребляя то же средство и для другой ноги, онъ, согнувши ихъ наравнѣ одну съ другою, и распрямивши ихъ вдругъ, поднимался вверхъ всѣмъ тѣломъ, стягивая въ то же время къ поясу обведенное около шпица веревочное кольцо. Поднявшись такимъ образомъ до самаго крюка, за который задѣты были первыя петли у двухъ подъемныхъ веревокъ, онъ, сперва ставъ обѣими ногами на одну веревку, другую петлю зацѣпилъ за другой крюкъ. Перейдя же на эту послѣднюю, онъ то же дѣлалъ съ другою веревкою; накидывая попеременно двѣ эти петли съ веревками на крюки и подымаясь на нихъ постепенно, Телушкинъ, наконецъ, долѣзъ до самаго яблока, или шара. Эта часть шпица имѣетъ 4 аршина въ поперечникѣ и около двухъ аршинъ свѣса со всѣхъ сторонъ шпица.

Вотъ тутъ-то Телушкину предстояло довершить послѣднее, но и самое трудное дѣйствіе дерзновеннаго его предпріятія: нужно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ окружность шпица имѣетъ не болѣе одного аршина въ поперечникѣ. Телушкинъ, захвативъ шпицъ около этого мѣста другими веревками, сдѣлалъ себѣ изъ нихъ два новыя стремени или петли, въ которыя онъ просунулъ ступни ногъ своихъ до подъема; другою же веревкою, также за оконечность шпица захваченною, онъ обвилъ себя накрѣпко около пояса — и тогда, упираясь ногами въ шпицъ, повисъ всѣмъ тѣломъ на этой веревкѣ. Въ таковомъ, почти горизонтальномъ (лежачемъ) положеніи, Телушкинъ, собравъ въ обѣ руки, свернувши бухтой имѣвшуюся за поясомъ его шестисаженную веревку, которой одинъ конецъ былъ привязанъ къ оконечности шпица, взбросилъ другой на яблоко, чтобъ захватить имъ крестъ. Пользуясь сильнымъ вѣтромъ, который раскачивалъ даже самый шпицъ. Телушкинъ такъ ловко и удачно окинулъ свою веревку около креста, что свободный ея конецъ помощію вѣтра мигомъ попалъ къ нему въ руки. Тогда, сдѣлавъ петлю на самомъ этомъ концѣ, онъ началъ веревку передергивать около креста, такъ, чтобы она вдвойнѣ его захваты-

вала, и чтобы тѣмъ концомъ можно было затянуть ее за крестъ. Такимъ образомъ Телушкинъ, передернувъ веревку около креста, началъ дѣлать петли на свободномъ ея концѣ, чтобы изъ нихъ составить себѣ родъ лѣсенки, которая бы однимъ концомъ была прикрѣплена къ кресту, а другимъ—къ оконечности шпица. Взобравшись по этой лѣсенкѣ на шаръ, спокойно принялся онъ за свою работу.

Нерѣдко его видѣли то поднимающимъ ангела (имѣющаго 5 аршинъ вышины), то сидящимъ на его крылѣ и починивающимъ оное, то на самой перекладинѣ креста (имѣющаго 9 аршинъ вышины), спокойно прикрѣпляющимъ оторванные отъ него листы. На третій день воздушныхъ походовъ Телушкинъ, приготовя веревочную лѣсенку или трапку, въ 26 саженъ длины, встащилъ одинъ ея конецъ на яблоко и привязалъ его за крестъ, а другой—къ деревяннымъ слуховымъ окнамъ. Этимъ средствомъ онъ сталъ свободно уже ходить на работу, отстоящую отъ поверхности земли (по имѣющимся чертежамъ Петропавловскаго собора и его шпица) на 57 саженъ безъ креста, а по измѣренію Телушкина посредствомъ веревки, съ крестомъ на 65 саженъ. По сей-то лѣстницѣ Телушкинъ, взлѣзая на шаръ, въ теченіе шести недѣль, починилъ на крестѣ оторванные вѣтромъ листы, крыло у ангела и поднялъ его по кресту на 8 вершковъ, не могши возвысить на $^3/_4$ аршина, потому что крестъ, отъ движенія ангела по вѣтру, слишкомъ въ этомъ мѣстѣ обтерся.

Объ этомъ подвигѣ Телушкина была издана книжка очевидцемъ президентомъ Академіи Наукъ Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, который до ея изданія поѣхалъ въ ноябрѣ 1830 г. къ государю императору Николаю Павловичу и изложилъ все дѣло, какъ онъ слышалъ отъ Телушкина. Государь пожелалъ видѣть отважнаго кровельщика. Алексѣй Николаевичъ далъ знать объ этомъ Телушкину и назначилъ день, въ который онъ долженъ былъ явиться къ нему, чтобы потомъ представиться государю. Для такого случая у Телушкина не нашлось приличной одежды, почему онъ и нарядился въ чуйку своего товарища. Государь обласкалъ смѣльчака и повелѣлъ выдать ему 5.000 рублей и медаль.

Телушкинъ прославился, и въ этотъ же годъ получилъ отъ разныхъ лицъ работы на сумму около 300.000 руб. (По описанію Ѳ. Г. Солнцева, «Русская Старина», 1876 г., т. XV, стр. 643 и «Описаніе каѳедр. собора Петра и Павла», С. Новоселова, стр. 13).

Хмельницкій, Богданъ-Зиновій.

ГЕТМАНЪ МАЛОРОССІИ.

Хмельницкій, сынъ казацкаго сотника, былъ человѣкъ просвѣщенный по своему времени. Въ юности онъ служилъ конюшимъ у магната Потоцкаго, богатаго польскаго помѣщика въ Украйнѣ. Потоцкій, считавшій все возможнымъ въ отношеніи малороссовъ, разъ чуть не закололъ своего конюшаго лишь ради потѣхи. Оставивъ пана, Хмельницкій записался въ казаки и скоро получилъ важную должность, войскового писаря, но и эта должность не спасла его отъ насилія пановъ. Однажды панъ Чаплинскій завладѣлъ хуторомъ Хмельницкаго и засѣкъ его сына. Хмельницкій обратился съ жалобой къ королю Владиславу, сыну Сигизмунда III. Король призналъ правымъ Хмельницкаго, но, находясь самъ въ зависимости отъ пановъ, не могъ ничего сдѣлать для обиженнаго: «Вы—воины и носите сабли, кто вамъ мѣшаетъ постоять за себя», - сказалъ ему Владиславъ *).

По возвращеніи изъ Варшавы, Хмельницкій рѣшился прибѣгнуть къ самоуправству, и скоро нашелъ единомышленниковъ. Казацкіе полковники и старшины говорили: «Чего ждать, поляки считаютъ насъ хуже собакъ; пусть и отъ насъ узнаютъ ту же честь». Между тѣмъ, о замыслахъ Хмельницкаго узналъ коронный гетманъ Потоцкій и отдалъ его подъ стражу. Хмельницкій бѣжалъ въ Запорожье, гдѣ казаки провозгласили его своимъ гетманомъ и соглашились итти противъ поляковъ. Въ то же время и православная Украйна готовилась къ возстанію; малороссы, соумышленники Хмельницкаго, переодѣтые нищими и богомольцами, ходили по городамъ и деревнямъ и уговаривали жителей оказать ему помощь. Весной 1647 г. Хмельницкій появился въ Украйнѣ съ войскомъ изъ запорожцевъ, крымцевъ и малороссовъ. Потоцкій вывелъ противъ Хмельницкаго многочисленное войско, но паны и самъ гетманъ были небрежны и проводили время или въ сборахъ или въ попойкахъ. При г. Корсунѣ Хмельницкій уничтожилъ польское войско, при чемъ гетманъ и паны были взяты въ плѣнъ (они въ ожиданіи своей участи сидѣли въ экипажахъ). Послѣ пораженія Потоцкаго украинскіе крестьяне **) начали

*) При короляхъ изъ дома Ягеллоновъ богатые польскіе паны или магнаты сдѣлались какъ бы самостоятельными князьями, такъ что имѣли крѣпости, содержали войско, вели войны съ сосѣдями и на свой счетъ предпринимали походы противъ татаръ и турокъ. Вслѣдствіе такого положенія паны начали вольничать въ королевствѣ и не повиновались королямъ.

**) Крестьянинъ отбывалъ панщину, отдавалъ дѣтей своихъ въ дворовую службу, трижды въ годъ доставлялъ своему владѣльцу натурою зерно и всякую живность; со всего имущества (быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ) отдавалъ десятую часть; кромѣ того, это же имущество было обложено еще всевозможными пошлинами: *очковое* платилось съ каждаго улья, *рогатое*—съ каждаго вола, *ставщина*—за право ловить рыбу, *спасное*—за

«Хмельницкій собралъ въ г. Переяславѣ большую раду...»

страшно мстить панамъ, ксендзамъ и евреямъ за свои долговременныя страданія. Хмельницкій имѣлъ теперь въ своемъ распоряженіи всю Украйну, и иностранные государи посылали къ нему пословъ, какъ къ владѣтельному князю. Новый польскій король, Казимиръ IV, братъ Владислава, былъ вынужденъ признать Хмельницкаго гетманомъ, прислалъ ему украшенную дорогими каменьями булаву и заключилъ съ нимъ миръ въ Зборовѣ.

Сдѣлавшись правителемъ, Хмельницкій не измѣнилъ своихъ привычекъ: жилъ въ простой избѣ, гдѣ принималъ пословъ и угощалъ ихъ водкой изъ ковша; жена его стряпала, шила и т. п.

Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

Миромъ не были довольны ни поляки ни малороссы, почему война возобновилась. Папа прислалъ польскимъ воинамъ отпущеніе грѣховъ, а королю — дорогой мечъ. На этотъ разъ малороссы, оставленные крымскимъ ханомъ, потерпѣли пораженіе при деревнѣ Берестечкѣ, на Волыни. Послѣ того Хмельницкій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой принять Украйну въ русское подданство. На земскомъ соборѣ, созванномъ по этому дѣлу царемъ въ Москвѣ, духовные, бояре, купцы и другіе выборные люди приговорили, что просъ-

---

право пасти скотъ, *жолудчое*—за право собирать жолуди, *сухомельщина*—за помолъ муки; *дудокъ* платился при рожденіи ребенка, *посмщизна* — при женитьбѣ сына или выдачѣ дочери замужъ и т. д. Однимъ словомъ, каждый шагъ крестьянина былъ обложенъ всевозможнаго рода платежами, деньгами и натурой въ пользу пана.

ба Хмельницкаго должна быть исполнена. Царь согласился съ приговоромъ и отправилъ въ Малороссію пословъ для принятія присяги.

Хмельницкій созвалъ въ г. Переяславѣ большую раду и, поклонившись казакамъ на всѣ четыре стороны, сказалъ: «Православные христіане! всѣмъ вамъ извѣстно, что Богъ освободилъ насъ отъ рукъ враговъ, но жить намъ безъ царя нельзя. Изберите себѣ кого хотите». Толпа воскликнула: «Хотимъ подъ царя православнаго!» Спросивъ еще разъ, всѣ ли того желаютъ, Хмельницкій громко сказалъ: «Буди такъ! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!» Послѣ этого принесена была присяга.

Казакамъ было оставлено право избирать гетмана и старшинъ, имѣть свой судъ и такъ далѣе, — а царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ титуловать себя «Государемъ всея Великія и Малыя Руссіи». Но польскіе паны не хотѣли добровольно отказаться отъ Украйны, и объявили Россіи войну.

Во время этой войны Казимиръ старался всѣми мѣрами склонить на свою сторону Хмельницкаго; женѣ его въ этихъ видахъ королева разъ прислала дорогой подарокъ и письмо. «Боже Всемогущій,—воскликнулъ при этомъ Хмельницкій,—какъ возвысила меня Твоя милость, что моей Ганнѣ наияснѣйшая королева польская пишетъ письма и проситъ у ней заступничества предо мной!»

Война кончилась миромъ въ с. Андрусовѣ въ 1667 году, по которому къ Россіи отошли только Украйна по лѣвую сторону Днѣпра и города Кіевъ и Смоленскъ. Хмельницкій не дожилъ до этого событія,—скончался въ 1657 году.

Въ 1888 году Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ поставленъ памятникъ. («Русская Исторія» Беллярминова; «Богданъ Хмельницкій», В. И. Яковенко).

Тарасъ Григорьевичъ
Шевченко.

НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ.

Дѣдъ Шевченко*) по ремеслу былъ швецъ (сапожникъ), откуда произошла и самая фамилія Шевченко. Родители Та-

*) Современникъ гайдаматчины, лично знавшій главныхъ дѣятелей этой кровавой народной расправы; и у этого дѣда «слово за словомъ сміялось, лилось», а «столѣтніи очи, якъ зори сіяли», когда онъ, по просьбѣ Тарасова отца, начиналъ разсказывать про дѣла минувшихъ дней. Слово лилось, смѣялось, а собравшіеся въ хату сосѣди нѣмѣли отъ страха и жалости; «и мени, малому (говоритъ про себя Тарасъ) не разъ довелось за тытаря плакать; и нихто не бачывъ, що мала дытына у куточку плаче». Дѣдъ умеръ въ 40-хъ годахъ 115 лѣтъ; слѣдовательно, Тарасъ успѣлъ взять у него все, что только тотъ могъ дать, и онъ въ «Гайдамакахъ добромъ поминаетъ своего стараго дѣда:

«Спасыби, дидусю, що ты заховавъ
Въ голови столитній ту славу казачу:
Я ію унукамъ теперь розсказавъ».

раса были крѣпостные люди помѣщика Энгельгардта. Отецъ родомъ изъ Кирилловки, а мать изъ с. Моринецъ, Звенигородскаго уѣзда.

Занимаясь колесничествомъ, Григорій Шевченко переселился къ своему тестю въ Моринцы, гдѣ и родился поэтъ 25 февраля 1814 г.

О раннемъ своемъ дѣтствѣ поэтъ вспоминаетъ слѣдующее: «Предо мною наша бѣдная, старая бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышею и чернымъ «дымаремъ», а около хаты, «на причилку», яблони съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры Катерины, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки.

Т. Г. Шевченко.

«А у воротъ стоитъ старая, развѣсистая верба, съ засохшею верхушкою, а за вербой клуня, а за клуней, по косогору, пойдетъ уже садъ, а за садомъ— «левада», а за левадой — долина, а въ долинѣ—тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиной, окутанный широколиственными темнозелеными лопухами. А въ этомъ ручейкѣ, подъ нависшими лопухами, купается бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ, падаетъ подъ первой грушей или яблоней и засыпаетъ... Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору и спрашиваетъ у себя:» а что же тамъ — за горой? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо. А что, если бы пойти да посмотрѣть, какъ это они его тамъ поддерживаютъ?» Всталъ и, не задумавшись, пошелъ чрезъ долину и леваду прямо на гору, прошелъ «царину», прошелъ съ полверсты поле, на полѣ стоитъ высокая черная могила. Онъ вскарабкался на могилу, чтобъ съ нея посмотрѣть, далеко ли до желѣзныхъ столбовъ? Стоитъ мальчуганъ и смотритъ во всѣ стороны, и по одну сторону село и по другую—село... Задумался мальчуганъ: «нѣтъ, думаетъ, сегодня поздно, а завтра вмѣстѣ съ Катрей, какъ погонитъ она коровъ до череды, и я пойду къ желѣзнымъ столбамъ». И, скатившись кубаремъ съ могилы, онъ всталъ на ноги и пошелъ, не оглядаючись, въ чужое село. Къ счастью, ему встрѣтились чумаки и довезли до Кереливки. На дворѣ уже смеркло, когда я подошелъ къ

перелазу; смотрю на дворъ, а тамъ, около хаты, всѣ наши сидятъ себѣ въ кружкѣ и вечеряютъ; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряетъ, а стоитъ около дверей, подперши голову рукой, и посматриваетъ на перелазъ. Когда я высунулъ голову изъ-за перелаза, то она вскрикнула: «прійшовъ, прійшовъ!» Подбѣжала ко мнѣ, схватила меня на руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ вечерять, сказавши: «сидай вечерять, приблудо!» Повечерявши, сестра повела меня спать и, уложивши въ постель, перекрестила, поцѣловала и, улыбаясь, опять назвала меня приблудой. Подумавши еще недолго о желѣзныхъ столбахъ, я заснулъ».

У отца, послѣ смерти жены, осталось пятеро дѣтей: Никита, Катерина, Тарасъ (9 лѣтъ), Ирина и Осипъ. Въ крестьянскомъ быту жить вдовцу съ такой семьей трудно, и отецъ вторично женился на вдовѣ, у которой были свои дѣти отъ перваго мужа. Отецъ отдалъ Тараса на выучку мѣщанину Губскому. Грамота далась ему сразу. Только учитель никоимъ образомъ не могъ совладать съ нимъ, чтобъ удержать отъ нескончаемыхъ проказъ. Отецъ тоже не могъ съ нимъ справиться. На смертномъ одрѣ онъ высказалъ знаменательныя, пророческія слова о будущности этого проказника-школяра: «Сынови Тарасу изъ моего хозяйства ничого не треба; винъ не буде абнякимъ чоловикомъ: зъ его буде або щось дуже добре, або велике ледащо. Для него мое наслидство або ничого не буде значить, або ничого не поможе».

Такимъ образомъ, одиннадцати лѣтъ отъ роду, лишенный послѣдней опоры, Тарасъ нашъ остался на попеченіи мачехи. Съ самаго нѣжнаго возраста не зная любви и материнскихъ ласкъ, мальчикъ замкнулся въ самомъ себѣ, сталъ дичиться людей, встрѣчая недовѣрчиво каждое привѣтливое слово.

«Онъ выросталъ — и жизни трудъ,
Какъ сирота, онъ встрѣтилъ рано,
Упреки злые встрѣтилъ онъ
За хлѣбъ насущный... въ сердцѣ рану
Змѣя прогрызла... дѣтскій сонъ
Исчезъ, какъ голубь боязливый!» («Тризна», стр. 8).

Возненавидѣвъ сироту за скрытность и упрямство, мачеха, чтобъ не имѣть его на глазахъ, съ ранней весны до поздней осени поручала ему пасти телятъ и свиней въ окрестностяхъ Кириловки и Тарасовки. Съ ломтемъ черстваго хлѣба мальчикъ проводилъ въ полѣ цѣлые дни.

Между тѣмъ, ученіе, начатое Тарасомъ еще при жизни отца, прерванное мачехой, возобновилось въ одну зиму и только для того, чтобы избавиться отъ него, она отдала его въ школу къ дьячку Бугорскому, у котораго онъ выучилъ Часословъ и Псалтырь.

Въ этой школѣ, по субботамъ, предъ роспускомъ по домамъ, всѣхъ учениковъ, и правыхъ и виноватыхъ, сѣкли. Обязанность эту исполнялъ старшій въ классѣ. Оскорбленный этимъ и выведенный изъ терпѣнія, Шевченко однажды, найдя своего учителя безчувственно пьянымъ, употребилъ противъ него его же оружіе — розги, и, насколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ жестокости.

Тарасъ часто покидалъ школу, скитаясь по разнымъ пустырямъ.

«Давно те діялось, ще въ школи,
Таки въ учителя дяка
Гарненько вкраду пьятака,
(Бо я було трохи не голе,
Таке убоге) тай куплю
Паперу аркушъ, и зроблю
Маленьку кныжечку. Хрестами
И визерунками съ квитками
Кругомъ лысточка обведу
Тай списую «Сковороду» *)
А бо «три царіе со дары»,
Та самъ соби у бурьяни,
Щобъ не почувъ хто, не побачивъ,
Выспивую одинъ та плачу...»

Съ ранняго дѣтства у Шевченко пробудилась страсть къ рисованію: гдѣ только можно было — на стѣнахъ, на дверяхъ, на воротахъ — онъ постоянно малевалъ углемъ или мѣломъ. Онъ разъ попыталъ счастья найти учителя и ушелъ въ селеніе Хлѣбновку, славившуюся своими малярами. У одного изъ нихъ онъ и пріютился; но пробылъ всего двѣ недѣли. Хлѣбновскій маляръ, хотя и нашелъ его способнымъ къ живописи, но, боясь отвѣтственности за пристаподержательство крѣпостного мальчика безъ вида, посовѣтовалъ Тарасу выхлопотать сперва разрѣшеніе у помѣщика на свободное жительство и тогда уже поступить къ нему въ науку. Шевченко отправился въ м. Ольшану, гдѣ жилъ главноуправляющій имѣніями Энгельгардта Дмитренко, и сталъ просить у него паспортъ. Разговорившись съ мальчикомъ и замѣтивъ его бойкость, главноуправляющій, вмѣсто выдачи свидѣтельства, взялъ его въ число своей дворовой челяди. Это было въ 1829 году. Шевченку исполнилось тогда 15 лѣтъ.

Итакъ, всѣ усилія несчастнаго сироты выбиться на свѣтъ Божій, всѣ стремленія его утолить безсознательно пробудившуюся въ молодой душѣ жажду знанія — встрѣтили непреодолимую преграду,—гнетъ крѣпостнаго права, убивавшій въ самомъ зародышѣ всякое благородное стремленіе...

---

*) См. біографію Г. С. Сковороды, стр. 151 этой книги.

Молодому помѣщику Энгельгардту, только что наслѣдовавшему отцовское достояніе и задумавшему жить на широкую ногу, потребовались разнаго рода дворовые, которыхъ онъ желалъ имѣть подготовленными, каждаго по своей должности,— кучера, лакеи, повара, комнатные живописцы и такъ далѣе. Управляющему было предписано набрать изъ крестьянскихъ дѣтей около дюжины мальчиковъ и, испытавъ ихъ способности въ Ольшаной, препроводить въ Вильну. И вотъ, дѣти приведены въ главное имѣніе «до двору». До отправленія ихъ къ барину, въ видѣ опыта, ихъ распредѣлили къ разнымъ дѣламъ, по части угожденія барскимъ прихотямъ. Нашъ Тарасъ, пришедшій на свою бѣду въ это самое время къ управляющему, попалъ на первыхъ порахъ въ поваренки, подъ команду главнаго повара-артиста; сталъ чистить кастрюли, носить на кухню дрова, выносить помои и т. п. Между тѣмъ, страсть къ книжечкамъ съ картинками и просто къ картинкамъ не покидала мальчика ни на минуту. При всякомъ удобномъ случаѣ, за первый попавшійся грошъ, онъ пріобрѣталъ какое-нибудь произведеніе суздальской школы у захожаго коробейника, а если не на что было купить, то, изъ любви къ искусству, мальчикъ покушался на воровство. Пріобрѣтя такимъ манеромъ, значительное собраніе художественныхъ рѣдкостей, Тарасъ прятался съ ними отъ многочисленной дворни въ саду. Въ густой чащѣ деревъ, подальше отъ барскихъ хоромъ, онъ устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ картинной галлереи, развѣсивъ по деревьямъ свои сокровища. Туда уходилъ онъ на досугѣ пѣть пѣсни и копировать Соловья-разбойника или Кутузова, и за частыя отлучки изъ кухни нерѣдко былъ поколачиваемъ поваромъ.

Когда окончилось испытаніе будущихъ дворовыхъ, наканунѣ отправленія ихъ въ Вильну составленъ былъ списокъ, съ обозначеніемъ качествъ и свойствъ каждаго. Нашъ поэтъ въ этой перечневой вѣдомости былъ отмѣченъ «годнымъ на комнатнаго живописца». Вѣдомость эта, въ видѣ накладной,— какая обыкновенно дается отправителями кладей извозчикамъ, представляющимъ товары въ разныя мѣста, — была препровождена къ барину, вмѣстѣ съ его движимой живностью. Въ Вильнѣ Тараса взяли въ комнатные казачки. Къ счастью, эта должность была временная.

Однажды, 6 декабря 1829 года, Энгельгардтъ съ семействомъ отправился на балъ, а нашъ казачокъ, дождавшись той поры, когда все въ домѣ заснуло, забрался въ пустую комнату, зажегъ свѣчку и, разложивъ свои картины, принялся за рисованіе. Онъ и не замѣтилъ, какъ время пролетѣло. Вдругъ растворяется дверь, и оторопѣвшій казачокъ видитъ передъ собой барина, внушающаго неосторожному художнику, что,

сидя съ зажженною свѣчой среди бумагъ, онъ могъ бы сжечь не только домъ, но и весь городъ

Но вскорѣ помѣщикъ переѣхалъ въ Петербургъ, куда вмѣстѣ съ дворовыми былъ отправленъ и Тарасъ по этапу. Дорогой у него отвалилась подошва на одномъ сапогѣ, и онъ долженъ былъ, чтобы не отморозить ногу, переобувать крѣпкій сапогъ съ одной ноги на другую.

Въ Петербургѣ помѣщикъ законтрактовалъ Шевченко на 4 года разныхъ живописныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву. Занимаясь у Ширяева, Шевченко случайно познакомился съ землякомъ художникомъ Сошенко.

Однажды раннимъ утромъ Шевченко, по своему обыкновенію, отправился тайкомъ въ Лѣтній садъ срисовывать статуи; на него случайно наткнулся Сошенко. Юноша оробѣлъ, увидѣвъ предъ собою незнакомаго человѣка, и поспѣшно спряталъ за пазуху рисунокъ. Между ними произошелъ такой приблизительно разговоръ: «Что ты здѣсь дѣлаешь?» — спросилъ Сошенко. «Я ничего не дѣлаю, — отвѣчалъ застѣнчиво юноша, — иду на работу, да по дорогѣ въ садъ зашелъ, — и, немного помолчавъ, прибавилъ: — Я рисовалъ». — «Покажи, что ты рисовалъ». Тотъ вынулъ изъ-за пазухи четвертку сѣрой писчей бумаги и робко подалъ художнику; на четверткѣ былъ обозначенъ довольно вѣрно контуръ Сатурна. Долго Сошенко держалъ рисунокъ въ рукахъ и любовался запачканнымъ лицомъ автора; въ неправильномъ лицѣ его было что-то привлекательное, особенно въ глазахъ, умныхъ и кроткихъ, какъ у дѣвочки. «Ты часто ходишь сюда рисовать?» — спросилъ, наконецъ, онъ. «Каждое воскресенье, — отвѣчалъ юноша, — а если близко гдѣ работаемъ, то и въ будни захожу». — «Ты учишься малярному мастерству?» — «И живописному», — прибавилъ тотъ. Затѣмъ онъ поспѣшно взялъ въ одну руку ведро съ желтою краской, а въ другую кисть и собрался итти. Сошенко пригласилъ его къ себѣ. Въ первое же воскресенье робкій юноша воспользовался этимъ приглашеніемъ. Сошенко, познакомившись ближе съ жизнью юноши, былъ тронутъ до глубины души: все пережитое имъ было такъ непривлекательно, а будущее высматривало еще сумрачнѣе. Нужно спасти человѣка отъ неминуемой гибели, но какъ сдѣлать это, и что можетъ сдѣлать онъ, Сошенко, заурядный художникъ? Однако, этому именно невидному, обыденному, сѣренькому человѣку мы обязаны тѣмъ, что драгоцѣнный украинскій самородокъ не погибъ въ кучѣ навоза. Сошенко обласкалъ его какъ сына. Онъ водилъ его по картиннымъ галлереямъ, снабжалъ его необходимыми рисовальными принадлежностями, книгами, слѣдилъ за его успѣхами и наставлялъ. Наконецъ, онъ познакомилъ его съ малороссійскимъ писателемъ Гребенкой, — принявшимъ также теплое участіе въ положеніи много обѣщав-

шаго юноши и немало содѣйствовавшимъ расширенію его познаній,—съ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ Григоровичемъ и съ знаменитымъ художникомъ Брюловымъ; а черезъ этихъ лицъ Шевченко сталъ скоро извѣстенъ придворному живописцу Венеціянову и Жуковскому. Послѣдній, желая ближе ознакомиться съ дарованіемъ самоучки-маляра, попросилъ его однажды написать сочиненіе на тему: «жизнь художника». Вскорѣ послѣ этого онъ сталъ усиленно хлопотать о выкупѣ поэта. Знакомство съ такими людьми не могло остаться безъ вліянія на развитіе молодого человѣка. Бесѣды, слышанныя имъ у нихъ, книги, получаемыя отъ Гребенки, быстро подвинули впередъ его образованіе. Пробывъ цѣлый день на работѣ, взятой хозяиномъ съ подряда и состоявшей въ покраскѣ оконныхъ рамъ, дверей, а иногда и заборовъ, ночью, возвратясь на чердакъ, Тарасъ постоянно читалъ, читалъ все, что ни попадалось подъ руку.

Сторговавшись съ помѣщикомъ Шевченки, Жуковскій просилъ Брюлова написать съ него портретъ, съ цѣлью разыграть его въ лотерею. Великій Брюловъ согласился, и портретъ былъ готовъ. Къ этому времени относится случай изъ жизни поэта, сообщенный княжной Репниной покойному Маслову, который слышалъ его раньше изъ устъ извѣстнаго художника Льва Жемчужникова, и поэтому не подлежащій сомнѣнію. Какой-то генералъ заказалъ Шевченку портретъ за 50 рублей. Генералу портретъ не понравился, и онъ отказался принять его. Обиженный живописецъ, съ досады на генерала, выкинулъ ему такую штуку. Узнавъ, что этотъ скупой воинъ аккуратно посѣщаетъ одну цырюльню, онъ предложилъ хозяину ея купить у него для вывѣски генерала съ намыленной бородой. Тотъ согласился пріобрѣсти почти задаромъ такое пышное украшеніе для своего заведенія. Замѣтивъ на вывѣскѣ свой портретъ, генералъ пришелъ въ бѣшенство и тотчасъ перекупилъ его для себя; а чтобы отомстить дерзкому маляру, обратился къ помѣщику Энгельгардту съ просьбой продать ему крѣпостного художника, предлагая ему за него большія деньги. Энгельгардтъ чуть было не согласился на такую выгодную сдѣлку, хотя и зналъ цѣль покупателя. Шевченко былъ въ отчаяніи. Но въ это самое время Жуковскій, предувѣдомленный о злостномъ намѣреніи генерала, поторопился разыграть въ лотерею свой портретъ *). Лотерея, по словамъ кн. Репниной, была устроена не въ 2.500, а въ 10.000 руб. асс. — сумма, равная платѣ, предложенной генераломъ за Шевченка помѣщику. Лотерея состоялась при участіи

*) Въ знакъ особеннаго уваженія и глубокой признательности къ своему благодѣтелю Жуковскому, поэтъ посвятилъ ему свое любимое произведеніе «Катерина».

императорскаго семейства. Портретъ Жуковскаго былъ разыгранъ между членами императорской фамиліи, при дѣятельномъ содѣйствіи государыни императрицы. И этой цѣной куплена Шевченку свобода (22 апрѣля 1838 г.). Съ того дня онъ началъ посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ - товарищей Брюлова.

О томъ, какъ принялъ поэтъ первую вѣсть о свободѣ, Сошенко передалъ слѣдующія подробности.

«Получивъ работу отъ Пѣшохонова — написать четырехъ евангелистовъ для царскихъ вратъ, — я сидѣлъ въ квартирѣ и прилежно работалъ. Это было въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Жилъ я все на той же квартирѣ, почти въ подвалѣ огромнаго четырехъэтажнаго дома, все у той же нѣмки Марьи Ивановны. Въ нашемъ морозномъ Питерѣ запахло весной. Я открылъ окно, которое было вровень съ тротуаромъ. Вдругъ въ комнату мою черезъ окно вскакиваетъ Тарасъ, опрокидываетъ моего Луку — евангелиста, чуть и меня не сшибъ съ ногъ, бросается ко мнѣ на шею и кричитъ: «свобода! свобода!»

«— Чи не здуривъ, кажу, ты, Тарасе? — А онъ все прыгаетъ и выкрикиваетъ: «свобода! свобода!»

«Понявши, въ чемъ дѣло, я уже, съ своей стороны, сталъ душить его въ объятіяхъ и цѣловать. Сцена эта кончилась тѣмъ, что мы оба расплакались, какъ дѣти».

Какъ ни сильно, однакожъ, было увлеченіе Шевченка своимъ новымъ положеніемъ свободнаго человѣка, онъ ни на одну минуту не забывалъ того, что его братья и сестры все еще прозябаютъ въ крѣпостномъ состояніи.

Въ 1840 году вышелъ въ свѣтъ небольшой сборникъ стихотвореній Шевченка, подъ заглавіемъ «Кобзарь». Появленіе «Кобзаря» въ печати встрѣчено критиками глумленіемъ надъ малорусскимъ языкомъ и народностью. Зато въ Украйнѣ книга произвела небывалый восторгъ. Имя Шевченка вдругъ пріобрѣло большую извѣстность и сразу заняло первое мѣсто въ ряду украинскихъ поэтовъ. Наконецъ, такой крупный писатель того времени какъ Основьяненко (Квитка) въ письмѣ къ автору выражаетъ свой восторгъ такими словами: «А книжку какъ раскрылъ, смотрю — «Кобзарь», хотя и сильно уже зачитанный! Пустяки! Я прижалъ его къ сердцу, потому что люблю васъ, и ваши думки крѣпко ложатся мнѣ на душу. А что Катерина, такъ, такъ, — что за Катерина! Хорошо, батечку, хорошо! Больше ничего не могу сказать.. Нѣтъ, а ваши думки! Прочитаешь и по складамъ и по верхамъ, то опять снова; а сердце такъ и іока!»

Получивъ въ 1843 г. степень художника, Шевченко сталъ рваться изъ столицы на родину, гдѣ его съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали земляки. Пріѣздъ Шевченка отпразднов

ванъ на славу. Но Т. Г. скоро разочаровался въ нѣкоторыхъ изъ украинскихъ пановъ и посѣщалъ весьма немногихъ, несмотря на радушныя приглашенія. Крѣпостной гнетъ, тяготѣвшій тогда надъ народомъ, — вотъ что отталкивало его и отравляло лучшія минуты его существованія. Праздничная обстановка помѣщичьихъ домовъ не могла ослѣпить человѣка, подобнаго Тарасу, который по собственному опыту зналъ, какова должна быть закулисная жизнь этихъ гостепріимныхъ хозяевъ и чего стоило богатое угощеніе сотенъ гостей ихъ крѣпостнымъ людямъ...

Чужбинскій разсказываетъ слѣдующій случай при посѣщеніи Шевченкомъ одного господина въ городѣ Л. «Мы пришли,—говоритъ онъ,—на обѣдъ довольно рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію его, хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно, по-своему, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Т. Г. покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой». Воображенію его живо предстала такая же расправа съ нимъ самимъ въ Вильнѣ, 15 лѣтъ тому назадъ.

Другой поступокъ Шевченка съ другимъ помѣщикомъ показываетъ, какъ глубоко ненавидѣлъ онъ крѣпостное право и какъ сильно возмущался всякимъ проявленіемъ помѣщичьяго произвола.

Т. Г. былъ хорошо знакомъ съ извѣстнымъ собирателемъ малорусскихъ пѣсенъ Лукашевичемъ и часто бывалъ въ его имѣніи. Считая его помѣщикомъ добрымъ, поэтъ пріѣзжалъ къ нему и былъ принятъ радушно, какъ равный. Однажды, въ суровую зиму, этотъ самый Лукашевичъ присылаетъ пѣшкомъ своего крѣпостного человѣка въ Яготинъ къ Шевченку (за 30 верстъ разстоянія) по какому-то неважному дѣлу и строго наказываетъ ему возвратиться съ отвѣтомъ въ тотъ же день. Узнавъ о такомъ безчеловѣчномъ приказаніи слугѣ, Т. Г. не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ; но дѣло было налицо, и ему пришлось горько разочароваться въ своемъ мнѣніи о человѣкѣ, котораго онъ считалъ въ отношеніи крестьянъ очень добрымъ. Не имѣя права удержать посланца до слѣдующаго дня, онъ написалъ его пану письмо, исполненное желчи и негодованія, объявляя ему, что онъ прекращаетъ съ нимъ свое знакомство навсегда. Крѣпостникъ Лукашевичъ отвѣчалъ ему письмомъ, въ которомъ высказалъ, что у него 300 душъ такихъ олуховъ, какъ Шевченко. Разсказывая княжнѣ Репниной про этотъ случай, Шевченко рыдалъ какъ ребенокъ.

Украинскій генералъ-губернаторъ кн. Репнинъ, узнавъ о художественномъ талантѣ Шевченка, пригласилъ его къ себѣ. Здѣсь Т. Г. провелъ зиму, страстно привязавшись къ просвѣщенному и гостепріимному семейству Репниныхъ, а къ умной,

образованной княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ онъ питалъ какое-то особое благоговѣніе.

Княжна Варвара Николаевна, обладая серіознымъ образованіемъ и неистощимою добротою души, съ высоты своего общественнаго положенія снизошла къ мужику Шевченку на степень дружескихъ, чисто братскихъ отношеній. Она сразу отгадала значеніе «Кобзаря» для Малороссіи и своими высоконравственными и глубоко-религіозными посланіями старалась направить его на истинный путь. Шевченко благоговѣлъ предъ этою необыкновенною женщиною, не походившею на тѣхъ свѣтскихъ дамъ, имъ же имя легіонъ. Чувства, питаемыя къ ней, поэтъ выразилъ въ посвященіи ей стихотворенія «Тризна», написаннаго имъ въ 1843 году, на общерусскомъ литературномъ языкѣ:

«Душѣ съ прекраснымъ назначеньемъ
Должно любить, терпѣть, страдать.
И даръ Господній—вдохновенье
Должно слезами поливать.
Для васъ понятно это слово...
Для васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
Священнодѣйствовалъ я снова
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихоструйными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ».

По свидѣтельству самой княжны, посвященіе это написано сразу, на лоскуткѣ бумаги, въ присутствіи большого общества и было вызвано словами, сказанными Варварой Николаевной по поводу воцарившагося въ обществѣ всеобщаго молчанія: «Тихій ангелъ пролетѣлъ!»

Въ 1858 году, пріѣхавши въ Петербургъ, Шевченко принялъ горячее участіе въ изданіи дешевыхъ учебниковъ, чтобы облегчить темному люду путь къ образованію. Въ пользу этого святого дѣла онъ внесъ и свою лепту: издалъ букварь по самой дешевой цѣнѣ. Во всевозможныхъ положеніяхъ своей жизни онъ никогда не переставалъ думать о народномъ благѣ.

Родные Т. Г. при его участіи, по условію съ помѣщикомъ, получили свободу за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія манифеста 19 февраля, и поэтъ спокойно закрылъ глаза, исполнивъ свой долгъ.

Т. Г. скончался 26 февраля 1861 г. въ Петербургѣ и погребенъ недалеко отъ Канева, на высокомъ обрывистомъ берегу Днѣпра, по направленію къ Кіеву.

Произведенія Шевченка переведены на болгарскій, сербскій, чешскій, польскій и, кромѣ того, и на другіе славянскіе языки. («Жизнь и произведенія Т. Шевченка» М. К. Чалаго, «Т. Шевченко», В. И. Яковенко).

В. И. Шишкинъ.

коннозаводчикъ.

Къ именамъ русскихъ коннозаводчиковъ, которыми гордилась бы и Англія, принадлежитъ В. И. Шишкинъ, бывшій крѣпостной, управлявшій при графинѣ А. А. Орловой-Чесменской Хрѣновскимъ коннымъ заводомъ и имѣніемъ въ 225 тысячъ десятинъ. Императоръ Александръ I восхищался Хрѣновскимъ коннымъ заводомъ, милліонными постройками, возведенными Шишкинымъ, образцовымъ порядкомъ сельскаго хозяйства, скотоводства, салотопенныхъ и кожевенныхъ заводовъ, короче, всѣмъ имѣніемъ русской помѣщицы, равнявшимся по величинѣ цѣлому нѣмецкому княжеству. Государь просилъ графиню Орлову дать вольную Шишкину; графиня поспѣшила исполнить царскую волю, и государь тутъ же поздравилъ Шишкина дворяниномъ.

В. И. Шишкину Хрѣновскій заводъ столько же обязанъ, какъ и основателю своему, графу А. Г. Орлову-Чесменскому. Послѣ 20-лѣтняго полноправнаго управленія 225 тысячами десятинъ земли Хрѣновой и коннымъ заводомъ, Шишкинъ былъ уволенъ и купилъ себѣ 300 десятинъ земли въ Бобровскомъ уѣздѣ. Въ 30-хъ годахъ земля въ Воронежской губерніи стоила отъ 10 до 15 рублей серебромъ десятина; за свой хуторъ Шишкинъ могъ заплатить отъ 3.500 руб. до 4.000 руб.; вотъ все состояніе, всѣ сбереженія жалованья, которыя нажилъ В. И. Шишкинъ въ 20-лѣтнее управленіе Хрѣновой!

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

великій артистъ.

Извѣстный талантливый артистъ М. С. вышелъ, какъ и многіе русскіе таланты, изъ народа. Онъ былъ сынъ камердинера и сѣнной дѣвушки, дворовыхъ людей графовъ Волкенштейнъ. Дѣтство свое онъ провелъ среди барской дворни; къ счастію, родители его пользовались расположеніемъ господъ, и поэтому его миновали тяжелыя испытанія, какія выпадали обыкновенно на долю подобныхъ ему дѣтей. Съ дѣтства онъ отличался пытливымъ и наблюдательнымъ умомъ. Грамотѣ онъ выучился у ключника, затѣмъ отецъ опредѣлилъ его въ

уѣздное училище въ г. Суджѣ. Въ это время произошелъ случай, повліявшій на всю дальнѣйшую судьбу М. С.: здѣсь онъ въ первый разъ былъ въ оперѣ «Новое семейство», разыгранной доморощенными артистами на домашней сценѣ графа Волкенштейна. Опера произвела на семилѣтняго Щепкина сильное впечатлѣніе. Скоро ему самому пришлось выступить актеромъ. Въ училищѣ одинъ изъ учителей предложилъ ученикамъ сыграть Сумароковскую «Вздорщицу». Щепкинъ игралъ роль слуги Розмарина, но онъ ее понялъ очень своеобразно. Онъ читалъ свою роль съ такою быстротой, что всѣ пришли въ удивленіе, а городничій, въ домѣ котораго онъ также игралъ, погладилъ его по головѣ и прибавилъ: «Ай да Щепкинъ! Молодецъ! Бойчѣе всѣхъ говоришь. Хорошо, братецъ, очень хорошо! Добрый слуга будешь барину!» Вернувшись домой, онъ съ восторгомъ разсказалъ отцу о своемъ успѣхѣ, но отецъ, бывавшій часто въ театрѣ и слышавшій лучшихъ актеровъ того времени, не похвалилъ его, а разсмѣялся и назвалъ сына и учителя дураками. Все же съ этого времени Щепкинъ страстно полюбилъ театръ; эта страсть не покидала его до конца жизни. Кончивъ прекрасно курсъ губернскаго училища, онъ, какъ крѣпостной, долженъ былъ вернуться къ своему барину. Здѣсь онъ исправлялъ самыя разнообразныя обязанности—съ письмоводителя и до лакея. Легко понять, какъ тяжело ему было жить при такихъ условіяхъ; единственное утѣшеніе его было — все свое свободное время посвящать театру и лелѣять мечту быть когда-нибудь актеромъ.

М. С. Щепкинъ.

Слѣдующій случай помогъ ему достигнуть желаемаго. Въ 1805 году въ курскомъ театрѣ долженъ былъ состояться бенефисъ *) актрисы Лыковой, которая, привезя билетъ графу Волкенштейну, стала жаловаться, что бенефисъ можетъ и не состояться, такъ какъ актеръ, который долженъ играть роль

*) Бенефисомъ называется представленіе, сборъ съ котораго идетъ въ пользу актера или актрисы, которой дается этотъ бенефисъ.

почтаря Андрея въ драмѣ «Зоя», закутилъ; тогда Щепкинъ сталъ ее умолять дать ему эту роль. Дебютъ вышелъ удачный. Графъ, и раньше одобрительно относившійся къ Щепкину, также остался очень доволенъ его игрой, въ знакъ чего поцѣловалъ Щепкина и подарилъ ему новый триковый жилетъ. Всю ночь Щепкинъ бредилъ игрой и не вѣрилъ своему счастью. «Этого дня, — говорилъ онъ, — я не забуду никогда: ему я обязанъ всѣмъ - всѣмъ!..»

Послѣ того онъ поступилъ на сцену и, прослуживъ 8 лѣтъ въ курскомъ театрѣ, потомъ поступилъ въ харьковскую труппу и объѣздилъ много городовъ, — это была лучшая провинціальная труппа. Особенное впечатлѣніе произвела на Щепкина игра актера-любителя князя Мещерскаго. Онъ вызвалъ въ немъ желаніе играть такъ же просто. «Всѣмъ, что я пріобрѣлъ впослѣдствіи, всѣмъ, что изъ меня вышло, — говорилъ Щепкинъ, — я обязанъ ему: онъ первый посѣялъ во мнѣ вѣрное понятіе объ искусствѣ и показалъ мнѣ, что искусство настолько высоко, насколько близко къ природѣ».

Въ скоромъ времени Щепкинъ пріобрѣлъ извѣстность и сдѣлался любимцемъ публики, которая доказала ему любовь свою рѣшеніемъ выкупить его изъ крѣпостной зависимости.

Князь Репнинъ устроилъ спектакль съ платой за мѣста по особой подпискѣ. Въ заголовкѣ подписного листа стояло: «Въ награду таланта актера Щепкина для основанія его участи, іюля 26 дня 1818 г. Креслы». Была собрана сумма въ 10.000 руб. ассигн., и Щепкинъ и его семья были выкуплены.

Тогда его положеніе измѣнилось къ лучшему, и 23 ноября 1822 года онъ поступилъ на сцену московскаго Императорскаго театра. Какъ выдающійся талантливый артистъ, онъ познакомился съ извѣстными писателями: Бѣлинскимъ, Аксаковымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими, которые высоко его цѣнили. Гоголь охотно предоставилъ въ его полное распоряженіе всѣ свои сочиненія, написанныя для театра. Публика также высоко цѣнила талантъ Щепкина, который очень скоро составилъ себѣ извѣстность первоклассного артиста. Жить для Щепкина значило играть на театрѣ, играть — значило жить. Онъ не могъ покинуть театръ даже въ глубокой старости. Сила таланта Щепкина состояла преимущественно въ чувствительности и огнѣ. Рано усвоивъ себѣ тотъ взглядъ, что артистъ долженъ возможно естественнѣе, живѣе и правдивѣе передавать свою роль, Щепкинъ постоянно работалъ, учился и требовалъ работы отъ другихъ. Онъ скончался въ 1863 году.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 1, къ стр. 25.

7103 (1597 г.) Новемврія въ 21 день Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоанновичъ всея Руссіи указалъ, и по его Государеву указу Бояре приговорили: которые крестьяне изъ-за Бояръ и изъ-за дѣтей Боярскихъ и приказныхъ людей изъ помѣстій и отчинъ изъ Патріарховыхъ, Митрополичьихъ и владычнихъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 года за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ изъ-за кого они выбѣжали, судъ давати, и сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы отвозить назадъ, гдѣ кто жилъ.

А которые крестьяне выбѣжали до сего указа лѣтъ за 6 и за 7 и за 10 и больше, а тѣ помѣщики или отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ по нынѣшній 106 годъ лѣтъ за 6 и болѣе Царю и Великому Князю Ѳеодору Іоанновичу не били челомъ, и Государь Царь и Великій Князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ указалъ суда не давати, и назадъ ихъ кто гдѣ жилъ не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго году бѣжали и за 5 лѣтъ; а которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго Государева Царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершиты по суду и по сему Уложенію.

Приложеніе № 2, къ стр. 30.

Полное Собраніе Законовъ 1797 года, т. XXIV № 17.909— апрѣля 5. *Манифестъ. О трехдневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи къ работѣ въ дни воскресные.*

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ. Законъ Божій, въ десятословіи Намъ преподанный, научаетъ Насъ седьмой день посвящать Ему; почему въ день настоящій, торжествомъ вѣры Христіанской прославленный, и въ который мы удостоимся воспріять священное міропомазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ Нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ Нашимъ предъ Творцемъ и всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей Имперіи Нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ, слѣдующихъ при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ.

Приложеніе № 3, къ стр. 33.

Полное Собраніе Законовъ 1803 года, томъ XXVII, отдѣленіе I.

№ 20.620. — Февраля 20. Именный, данный Сенату. — *Объ отпускѣ помѣщикомъ крестьянъ своихъ на волю по заключеніи условій на обоюдномъ согласіи основанныхъ.* Дѣйствительный тайный совѣтникъ Графъ Сергѣй Румянцевъ изъявилъ желаніе нѣкоторымъ изъ крѣпостныхъ его крестьянъ при увольненіи ихъ утвердить въ собственность продажею или на другихъ добровольныхъ условіяхъ участки изъ принадлежащихъ ему земель, испрашивалъ, чтобъ условія таковыя, добровольно заключаемыя, имѣли то же законное дѣйствіе и силу, какое прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ присвоенно, и чтобъ крестьяне, такимъ образомъ уволенные, могли оставаться въ состояніи свободныхъ земледѣльцовъ, не обязываяся входить въ другой родъ жизни. Находя, съ одной стороны, что по силѣ существующихъ законовъ, какъ-то: по Манифесту 1775 и указу 12 декабря 1801 годовъ, увольненіе крестьянъ и владѣніе уволеннымъ землею въ собственность дозволено, а съ другой,—что утвержденіе таковое земель въ собственность можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе на ободреніе земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства: Мы считаемъ справедливымъ и полезнымъ, какъ ему, Графу Румянцеву, такъ и всѣмъ, кто изъ помѣщиковъ послѣдовать примѣру его пожелаетъ, распоряженіе таковое дозволить, а дабы имѣло оно законную свою силу, находимъ нужнымъ постановить слѣдующее:

1) Если кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ отпустить благопріобрѣтенныхъ или родовыхъ крестьянъ своихъ по одиночкѣ, или и цѣлымъ селеніемъ на волю, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить имъ участокъ земли или и цѣлую дачу; то сдѣлавъ съ ними условія, какія по обоюдному согласію признаются лучшими, имѣетъ представить ихъ при прошеніи своемъ чрезъ Губернскаго Дворянскаго Предводителя къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ для разсмотрѣнія и представленія Намъ; и если послѣдуетъ отъ Насъ рѣшеніе желанію его согласное, тогда предъявятся сіи условія въ Гражданской Палатѣ и запишутся у крѣпостныхъ дѣлъ со взносомъ узаконенныхъ пошлинъ.

2) Таковыя условія, сдѣланныя помѣщикомъ съ его крестьянами и у крѣпостныхъ дѣлъ записанныя, сохраняются какъ крѣпостныя обязательства свято и ненарушимо. По смерти помѣщика законный его наслѣдникъ или наслѣдники вступаютъ во всѣ обязанности и права, въ сихъ условіяхъ означенныя.

3) Въ случаѣ неустойки той или другой стороны въ сихъ условіяхъ Присутственныя мѣста по жалобамъ разбираютъ и чинятъ взысканія по общимъ узаконеніямъ о контрактахъ и крѣпостяхъ, съ таковымъ при томъ наблюденіемъ, что если крестьянинъ или и цѣлое населеніе ихъ, не исполнитъ своихъ обязательствъ, то возвращается помѣщику съ землею и семействомъ его во владѣніе попрежнему.

4) Крестьяне и селенія отъ помѣщиковъ по таковымъ условіямъ съ землею отпускаемые, если не пожелаютъ войти въ другія состоянія, могутъ оставаться на собственныхъ ихъ земляхъ земледѣльцами и сами по себѣ составляютъ особенное состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселѣ отпущаемы были лично на волю съ обязательствомъ избрать родъ жизни, могутъ въ положенный законами срокъ вступать въ сіе состояніе свободныхъ земледѣльцовъ, если пріобрѣтутъ себѣ земли въ собственность. Сіе распространяется и на тѣхъ изъ нихъ, кои находятся уже въ другихъ состояніяхъ, и перейти въ земледѣльческое пожелаютъ, пріемля на себя и всѣ обязанности онаго.

6) Крестьяне, отпущенные отъ помѣщиковъ на волю и владѣющіе землею въ собственность, вносятъ подушный казенный окладъ наравнѣ съ помѣщичьими, отправляютъ рекрутскую повинность натурою, и исправляя наравнѣ съ другими казенными крестьянами земскія повинности, оброчныхъ денегъ въ казну не платятъ.

7) Они вѣдаются судомъ и расправою въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и казенные крестьяне, по владѣніямъ же землею разбираются по крѣпостямъ, какъ владѣльцы недвижимой собственности.

8) Какъ скоро исполненіемъ условій крестьяне таковые получаютъ землю въ собственность, они будутъ имѣть право продавать и закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя, однакожъ, участковъ менѣе 8 десятинъ; равно имѣютъ они право вновь покупать земли; а потому и переходить изъ одной губерніи въ другую, но не иначе, какъ съ вѣдома Казенной Палаты для перечисленія ихъ подушнаго оклада рекрутской повинности.

9) Поелику крестьяне таковые имѣютъ недвижимую собственность, то и могутъ они входить во всякія обязательства; и указы 1761 и 1765 годовъ, запрещающіе крестьянамъ безъ дозволенія ихъ начальствъ вступать въ условія, на ихъ не простираются.

10) Въ случаѣ, ежели бы крестьяне, отпущаемые помѣщикомъ на волю съ землею, состояли въ казенномъ или частномъ залогѣ,—они могутъ съ дозволенія казенныхъ мѣстъ и съ согласіемъ частныхъ кредиторовъ принимать на себя долгъ на имѣніи томъ лежащій, вносить его въ условія; а во взысканіи сего долгу, на себя ими принимаемаго, поступать съ ними, какъ съ помѣщичьими.

На семъ основаніи Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить отъ себя всѣ нужныя распоряженія.

Приложеніе № 4, къ стр. 36.

Полное Собраніе Законовъ 1842 года, томъ XVII, отдѣленіе первое.

№ 15.462. — Апрѣля 2. Именный, данный Сенату, распубликованный 4 Апрѣля. *О предоставленіи помѣщикамъ заключать съ крестьянами договоры на отдачу имъ участковъ земли въ пользованіе за условленныя повинности, съ принятіемъ крестьянами, заключившими договоръ, названія обязанныхъ крестьянъ.*

Въ статьяхъ 440 — 457 свода зак. о сост. (т. 9) установлены правила, на основаніи коихъ помѣщикамъ дозволено обращать крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы, съ уступкой имъ въ собственность помѣщичьихъ земель за опредѣленное по взаимному условію вознагражденіе. Желая въ общихъ видахъ государственной пользы, чтобы при заключеніи таковыхъ условій принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ вотчинная собственность дворянства, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ, Мы признали за благо, въ поясненіе свода зак. о сост. (т. 9) ст. 442, п. 3, предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые сами сего пожелали, заключить съ крестьянами своими, по взаимному соглашенію, договоры на такомъ основаніи, чтобы, не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики со-

хранили принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности. При составленіи таковыхъ договоровъ помѣщики могутъ постановлять съ крестьянами дальнѣйшія условія по взаимному съ ними соглашенію на слѣдующихъ разсмотрѣнныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Нами утвержденныхъ главныхъ правилахъ:

1. Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ могутъ быть опредѣлены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обработываніемъ помѣщичьей земли, или другою работою.

2. Въ случаѣ неисполненія крестьянами пріемлемыхъ ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются къ тому земскою полиціею, подъ руководствомъ Уѣздныхъ Предводителей Дворянства и подъ высшимъ наблюденіемъ Губернскаго Правленія.

3. Крестьяне, по надлежащемъ утвержденіи заключенныхъ между ими и помѣщиками договоровъ, принимаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ.

4. Рекрутская повинность въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ отправляется по очередному порядку, въ Рекрутскомъ Уставѣ постановленному.

5. Запасы народнаго продовольствія и пособія въ пожарныхъ случаяхъ учреждаются на счетъ собственныхъ средствъ обязанныхъ крестьянъ, подъ наблюденіемъ помѣщиковъ; если же помѣщики обязанности сей на себя принять не пожелаютъ, то подъ наблюденіемъ и при содѣйствіи правительства, въ той мѣрѣ, какъ предписано въ свод. уст. о народн. продов. (т. 13) и въ приложеніи къ ст. 22 пред. учр. губ. (т. 2).

6. Помѣщики учреждаютъ въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ вотчинное управленіе и имѣютъ высшее наблюденіе за сельскою въ нихъ полиціею и за исполненіемъ законовъ о сельскомъ благоустройствѣ, имъ принадлежитъ также право суда и расправы въ проступкахъ и маловажныхъ преступленіяхъ обязанныхъ крестьянъ и первоначальный разборъ взаимныхъ между ими тяжбъ и споровъ.

7. На заключеніе договоровъ съ крестьянами имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, помѣщики, если пожелаютъ оставить тѣ имѣнія въ залогѣ, должны имѣть согласіе сихъ установленій. Имѣнія, населенныя обязанными крестьянами, могутъ быть также и вновь закладываемы въ кредитныхъ установленіяхъ по соразмѣрности съ постоянными доходами, опредѣляемыми по пространству и качеству земли и по способамъ для обработки оной, на основаніи осо-

быхъ о томъ правилъ, которыя имѣютъ быть изданы въ послѣдствіи.

8. Помѣщики и обязанные крестьяне сохраняютъ заключенные ими между собою договоры навсегда ненарушимо, имѣя однако право особыми частными условіями дѣлать измѣненія въ надѣлѣ землей и повинностяхъ на опредѣленные сроки, съ обоюднаго согласія, а если имѣнія состоятъ въ залогѣ, то и съ согласія подлежащихъ кредитныхъ установленій; во всѣхъ же случаяхъ не иначе, какъ съ предварительнаго утвержденія правительства.

9. Заключаемые на семъ основаніи, по собственному желанію помѣщиковъ, договоры, составляются на простой гербовой бумагѣ 4 разбора и представляются предписаннымъ свода законовъ о состояніяхъ (т. 9) въ ст. 444 — 449 порядкомъ, для поднесенія на Наше разсмотрѣніе и утвержденіе.

Приложеніе № 5.

Именной ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ

Правительствующему Сенату.

О приведеніи крестьянъ къ присягѣ.

Манифестомъ 19 февраля 1861 года блаженныя памяти Родитель Нашъ Государь Императоръ Александръ II, освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, предоставилъ имъ права свободныхъ сельскихъ обывателей. Съ распространеніемъ, согласно сему Манифесту и дополнительнымъ къ оному законоположеніямъ, на крестьянъ дѣйствія общихъ законовъ, повелѣваемъ привести и крестьянъ, наравнѣ со всѣми вѣрными Нашими подданными, къ присягѣ въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего указа Нашего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукой подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Санктъ-Петербургѣ
1 марта 1881 года.

(Собр. Узак. 2 марта 1881 г. № 21)

Приложеніе № 6.

Высочайшій Манифестъ.

О призывѣ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ къ служенію вѣрою и правдой Его Императорскому Величеству и Государству, къ искорененію гнусной крамолы, къ утвержденію

вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій Россіи.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Богу, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Его, благоугодно было завершить славное Царствованіе Возлюбленнаго Родителя Нашего мученическою кончиной, а на Насъ возложить Священный долгъ Самодержавнаго Правленія.

Повинуясь волѣ Провидѣнія и Закону наслѣдія Государственнаго, Мы приняли бремя сіе въ страшный часъ всенародной скорби и ужаса, предъ Лицемъ Всевышняго Бога, вѣруя, что предопредѣливъ Намъ дѣло Власти въ столь тяжкое и многотрудное время, Онъ не оставитъ Насъ Своею Всесильною помощью. Вѣруемъ также, что горячія молитвы благочестиваго народа, во всемъ свѣтѣ извѣстнаго любовію и преданностью своимъ Государямъ, привлекутъ благословеніе Божіе на Насъ и на предлежащій Намъ трудъ Правленія.

Въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ, пріявъ отъ Бога Самодержавную власть на благо ввѣреннаго Ему народа, пребылъ вѣренъ до смерти принятому Имъ обѣту и кровію запечатлѣлъ великое Свое служеніе. Не столько строгими велѣніями власти, сколько благостью ея и кротостью совершилъ Онъ величайшее дѣло Своего Царствованія — освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, успѣвъ привлечь къ содѣйствію въ томъ и дворянъ владѣльцевъ, всегда послушныхъ гласу добра и чести; утвердилъ въ Царствѣ Судъ, и подданныхъ Своихъ, коихъ всѣхъ безъ различія содѣлалъ навсегда свободными, призвалъ къ распоряженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память Его благословенна во вѣки!

Низкое и злодѣйское убійство Русскаго Государя, посреди вѣрнаго народа, готоваго положить за Него жизнь свою, недостойными извергами изъ народа, — есть дѣло страшное, позорное, неслыханное въ Россіи, и омрачило всю землю нашу скорбію и ужасомъ.

Но посреди великой Нашей скорби Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло Правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину Само-

державной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній.

Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ Наслѣдственной Царской власти. Подъ сѣнію Ея и въ неразрывномъ съ Нею союзѣ земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и въ славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбы ея.

Посвящая Себя великому Нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и Государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю русскую, — къ утвержденію вѣры и нравственности, — къ доброму воспитанію дѣтей, — къ истребленію неправды и хищенія, — къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея Возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 29-й день апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукой подписано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

(Собр. Узак. 1881 г. № 43).

Приложеніе № 7, къ стр. 50.

Извлеченіе изъ устава Крестьянскаго Поземельнаго Банка. Статьи 63 — 79.

II. Порядокъ выдачи ссудъ, и укрѣпленія пріобрѣтаемыхъ при помощи оныхъ земель.

63. Крестьяне, желающіе воспользоваться ссудой изъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка для покупки приторгованной ими земли, подаютъ о томъ заявленіе, къ которому должны быть приложены: 1) условіе съ продавцомъ о покупкѣ земли и о способѣ и срокѣ уплаты суммы, какая могла бы причитаться продавцу сверхъ ссуды Банка; 2) деньги для наложенія запрещенія на пріобрѣтаемую землю; 3) если земля покупается сельскимъ обществомъ или отдѣльнымъ поселеніемъ, не составляющимъ цѣлаго общества, — мірской о томъ приговоръ, составленный, согласно ст. 54 общаго положенія о крестьянахъ (особ. прил. къ зак. о сост., I), по большинству двухъ третей голосовъ, и засвидѣтельствованный волостнымъ правленіемъ, и 4) если земля покупается товариществомъ крестьянъ — товарищескій договоръ, указанный въ статьѣ 1 приложенія къ статьѣ 45 (примѣч.).

64. По поступленіи заявленія о ссудѣ, отдѣленіе производитъ оцѣнку закладываемаго земельнаго участка, изслѣдуетъ на мѣстѣ всѣ обстоятельства сдѣлки, могущія свидѣтельствовать о ея выгодности для крестьянъ, о прочности взаимнаго между ними соглашенія и объ обезпеченности испрашиваемой ссуды. Затѣмъ отдѣленіе представляетъ дѣло, съ своимъ заключеніемъ и со всѣми необходимыми документами, въ Совѣтъ Банка.

65. Если ссуда испрашивается по нормальной оцѣнкѣ, то отдѣленіе представляетъ дѣло, согласно предыдущей (64) статьѣ, въ Совѣтъ Банка, буде не встрѣтитъ сомнѣній въ цѣлесообразности сдѣлки и соотвѣтствіи ея съ требованіями закона, а равно въ обезпеченности предполагаемой ссуды.

66. Покупщику, по соглашенію съ продавцомъ, предоставляется внести задатокъ и вообще всѣ деньги, причитающіяся съ него за землю изъ собственныхъ средствъ, въ мѣстное отдѣленіе Банка, которое выдаетъ ихъ продавцу при окончательномъ расчетѣ (ст. 74).

67. По разрѣшеніи Совѣтомъ Банка ссуды, отдѣленіе выдаетъ или высылаетъ просителю удостовѣреніе о размѣрѣ и условіяхъ оной, а по желанію его — препровождаетъ такое же удостовѣреніе нотаріусу, у котораго предположено совершеніе купчей крѣпости.

68. Нотаріусъ, совершивъ купчую крѣпость на общемъ основаніи, препровождаетъ выпись изъ актовой книги непосредственно отъ себя къ старшему нотаріусу, съ приложеніемъ указаннаго въ статьѣ 67 удостовѣренія, и сообщаетъ одновременно съ симъ копію означенной выписи мѣстному отдѣленію Банка.

69. Запрещенія, лежащія на покупаемой землѣ въ обезпеченіе долговъ и взысканій, не служатъ препятствіемъ къ утвержденію купчей крѣпости, если общая сумма долговъ по симъ запрещеніямъ не превышаетъ назначенной ссуды и слѣдующей къ ней доплаты наличными деньгами. Въ такомъ случаѣ, доплачиваемая сумма вносится старшему нотаріусу, который отсылаетъ ее въ мѣстное отдѣленіе Банка.

70. О встрѣченныхъ препятствіяхъ къ утвержденію купчей крѣпости, а также объ оказавшемся на продаваемой землѣ спорѣ, хотя бы спорное имущество не состояло подъ запрещеніемъ (зак. гражд., изд. 1887 г., ст. 1392), старшій нотаріусъ сообщаетъ подлежащему отдѣленію Банка.

71. Старшій нотаріусъ утверждаетъ купчую крѣпость не иначе, какъ по полученіи согласія на то Банка. Послѣ утвержденія купчей крѣпости и внесенія ея въ крѣпостную книгу, выпись акта не выдается участвующимъ въ немъ сторонамъ, но отсылается въ мѣстное отдѣленіе Банка. За изготовленіе выписи и приложеніе къ ней печати никакой платы не взимается.

72. Вмѣстѣ съ отсылкой выписи акта въ отдѣленіе Банка (ст. 71), старшій нотаріусъ извѣщаетъ отдѣленіе о суммахъ, которыя слѣдуютъ къ удержанію изъ продажной цѣны по запрещеніямъ, сообщая при этомъ, куда именно каждая изъ удержанныхъ суммъ должна быть передана.

73. Объявленія о совершеніи купчихъ крѣпостей (полож. о нот. части, изд. 1892 г., ст. 179 и зак. гражд., изд. 1887 г. ст. 708, прил., ст. 41) на земли цѣной не свыше трехсотъ рублей, пріобрѣтаемыя при содѣйствіи Банка, печатаются въ Сенатскихъ Объявленіяхъ безплатно.

74. Въ тѣхъ случаяхъ, когда продавцу причитается одна только ссуда безъ всякихъ приплатъ отъ покупщика, отдѣленіе, по полученіи выписи утвержденной купчей крѣпости, доноситъ о томъ Совѣту Банка, который, одновременно съ назначеніемъ ссуды, сообщаетъ мѣстному, по нахожденію имѣнія, старшему нотаріусу или подлежащему установленію крѣпостныхъ дѣлъ о наложеніи запрещенія на проданную землю. Слѣдующія продавцу деньги выдаются ему по явкѣ въ отдѣленіе или высылаются по указанному имъ мѣсту жительства, при чемъ удерживается сумма, подлежащая, по сообщенію старшаго нотаріуса, отчисленію по запрещеніямъ (ст. 72). Когда же, сверхъ ссуды, со стороны покупщика должна быть произведена доплата, то упомянутыя распоряженія дѣлаются не прежде, какъ по представленіи покупщикомъ слѣдующихъ въ доплату денегъ или, взамѣнъ оныхъ, акта, которымъ продавецъ обязался отсрочить или разсрочить доплату. Для сего покупщикъ извѣщается отдѣленіемъ о послѣдовавшемъ доставленіи въ оное утвержденной старшимъ нотаріусомъ купчей. Если, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня полученія означеннаго извѣщенія, покупщикъ не представитъ слѣдующихъ съ него денегъ или упомянутаго акта, то купчая крѣпость признается несостоявшеюся, о чемъ отдѣленіе Банка сообщаетъ старшему нотаріусу и нотаріусу, совершившему актъ, а также доноситъ Совѣту Банка.

75. Утвержденную старшимъ нотаріусомъ купчую крѣпость отдѣленіе Банка выдаетъ покупщику или, въ случаѣ его отсутствія, препровождаетъ къ земскому начальнику или мировому судьѣ того участка, гдѣ находится купленная земля, для выдачи покупщику и для ввода его во владѣніе пріобрѣтеннымъ имуществомъ.

76. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе положеніе о нотаріальной части, отдѣленіе Банка сообщаетъ о послѣдовавшемъ разрѣшеніи ссуды (ст. 67) подлежащему установленію крѣпостныхъ дѣлъ (зак. гражд., изд. 1887 г., ст. 708, прил. ст. 19) той губерніи или области, гдѣ имущество находится. Учрежденіе сіе совершаетъ купчую крѣпость на общемъ основаніи, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ

статьяхъ 69, 70, 72 и 73, а равно нижеслѣдующаго: 1) при совершеніи купчей означенное учрежденіе удостовѣряется въ томъ, что предполагаемое къ продажѣ имущество дѣйствительно принадлежитъ отчуждающему, истребованіемъ отъ него доказательства на принадлежность имущества, согласно правиламъ, опредѣленнымъ въ законахъ гражданскихъ; 2) по вписаніи купчей въ книгу, на основаніи законовъ гражданскихъ (ст. 708, прил. ст. 79), актъ не выдается сторонамъ, но отсылается въ то отдѣленіе Банка, въ которое поступило заявленіе о желаніи получить ссуду.

77. Въ указанныхъ статьей 76 мѣстностяхъ купчая крѣпость выдается отдѣленіемъ Банка находящемуся на лицо пріобрѣтателю, а въ случаѣ его отсутствія — отсылается, для выдачи по принадлежности и для распоряженія о вводѣ во владѣніе, въ то учрежденіе, которое совершило актъ.

78. Объявленія о вводѣ во владѣніе (зак. гражд., ст. 1524; уст. гражд. суд. ст. 1431) земельными участками цѣной не свыше трехсотъ рублей печатаются въ Сенатскихъ Объявленіяхъ безплатно.

79. На деньги, назначенныя къ выдачѣ въ ссуду изъ Банка, а равно на суммы, поступившія въ Банкъ отъ крестьянъ въ видѣ задатка за купленную землю или въ доплату къ ссудѣ, не могутъ быть обращены никакія производимыя съ покупщика земли взысканія.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохой или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріят-

ному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники Наши, и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положенія крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ императоръ Александръ I издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій родитель нашъ Николай I постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землей и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для Насъ завѣщаніе Предшественниковъ Нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукой Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположеніе о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ Губернскихъ Комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія. оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ, впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, и потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ, то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства и для соблюденія общественной и частной пользы

существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранять наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее

тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ быть водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію Государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность вмѣстѣ съ усадьбами и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачей ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами, возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что, и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа* должна *повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности, кому должно, *урокъ*, *данъ*, *страхъ*, *честь* (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землей и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждой ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности и большую свободу располагать своимъ

хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собой, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ Собственною его императорскаго величества рукой подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Печатанъ въ Санктпетербургѣ
при Правительствующемъ Сенатѣ

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Гривна* (гривенка). Гривной въ древней Руси называлась единица цѣнности. Различаются три вида гривенъ: а) кунная, б) серебряная и в) золотая. По «Русской Правдѣ», гривна серебра соотвѣтствовала 4 гривнамъ кунъ; вѣсъ гривны кунъ не превышалъ 20 золотниковъ чистаго серебра. Существовали гривны «старыхъ кунъ» и гривны новыя, равныя по цѣнѣ и вѣсу $^1/_2$ старыхъ. Гривна серебряная вѣсила $^1/_2$ фун. серебра. Въ XV в. новгородцы гривну серебра называли рублемъ; въ это время у нихъ употреблялась новая гривна въ 42 деньги (цѣна талера или ефимка). Московская гривна считалась въ 20 денегъ. Вѣсъ золотой гривны почти равнялся половинѣ вѣса серебряной; такъ гривна золотая приравнивалась 50 гривнамъ кунъ и вѣсила не болѣе 20 золотниковъ.

При Петрѣ I: гривна серебра—16 лотовъ, золота—56 червонцевъ.

При Ярославѣ въ гривнѣ было 20 ногатъ или 50 рѣзаней, полагая по двѣ рѣзани на куну или мордку, или 40 гривенъ на 7 фунт. серебра.

Въ «Толковомъ словарѣ» Даля приводятся пословицы и поговорки о гривнѣ и др. монетахъ: «Чаялъ гривна: анъ десять копеекъ. Кто гривны не бережетъ, самъ рубля не стоитъ. Гривна, да гривна, анъ и двадцать копеекъ. Противна, какъ нищему гривна. Что шагъ, то гривна. Рублю гривна не ровня. Сыръ каравай примите, а золоту гривну положите (свадебн.). Съ гривенки на гривенку ступаетъ, полтиной ворота запираетъ, зажиточенъ и чтивъ».

Рубль—отрубокъ серебра извѣстной цѣнности: гривна рубилась начетверо или на четыре рубля; *рубль и тинъ*—одно и то же, откуда и полтина, полрубля, нынѣ общая у насъ монетная единица, десять гривенъ, сто копеекъ. Рубль, рубликъ, цѣлковый, карбованецъ (малорос.), рубень (псковск.).

Ногата. Въ гривнѣ 20 ногатъ. Въ новгородской области ногата положена равною 2 мордкамъ=3 четверецамъ=7 деньгамъ=15 лбецамъ=30 векшамъ=$3^1/_2$ кунамъ.

Куна—или кунья мордка—старинный денежный знакъ, когда бѣльи, куньи, собольи мѣха замѣняли деньги. Кунами назывались шкурки куницъ, имѣвшія опредѣленную цѣну, 25 кунъ составляли гривну и назыв. гривнами кунъ, въ отличіе отъ серебряной гривны. Безъ количественнаго показателя оно употреблялось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ теперь употребляется слово «деньги». Такъ, напримѣръ, выраженія «брать деньги», «взимать плату» передавались словами «куны имати».

«Куницу, лисицу, золотую гривну да стаканъ вина» просятъ за выкупъ невѣсты. «Отдай за куницу красную дѣвицу. Нужда куны родитъ». Кунное куничное—окупъ за невѣсту владѣльцу, подать съ новоженовъ, выводное, плата за невѣсту, выходившую въ чужую вотчину, княжее.

Употребляемыя въ смыслѣ куны мѣха считались обыкновенно четыредесятками или сороками (сорочками).

Мордка, кунья мордка,—древняя русская монета, куна. Цѣна мордки можетъ быть опредѣлена на наши деньги приблизительно въ 10—11 копеекъ. Въ 1407 году въ Псковѣ пудъ соли продавался по восьми мордокъ и по гривнѣ.

«Былъ и конь по двѣнадцати мордокъ».

«Ни мордки не дамъ—ни денежки, ни копейки».

Ризань или *рѣзанка*—старинная самая мелкая русская монета. Какъ начальныя деньги были бѣлки и куницы, вообще пушной товаръ, то отъ него пошли, ради удобства, мордки и рѣзань, отъ гривны же, т.-е. серебра, такія же рѣзы: рубли, полтины и пр. Рѣзъ, рѣзы на биркѣ—зарубки, мѣтки для счету

Въ гривнѣ 50 рѣзаней.

2) *Ѣ ра*—денежная пеня, замѣнявшая смертную казнь и налагавшаяся за убійства, увѣчья и другія преступленія.

Дикая вира—пеня, которую платила община, если убійца, совершившій на ея землѣ преступленіе, не отысканъ.

3) *Уставная грамота*—въ старину—актъ, заключавшій въ себѣ учрежденіе о порядкѣ суда и расправы, данный верховною властью (княземъ) волости или городу; по Положенію 19 февраля 1861 года—договоръ, коимъ опредѣлены отношенія между помѣщикомъ и его бывшими крѣпостными крестьянами; расписаніе, сколько въ каждомъ имѣніи оставлялось крестьянамъ земли (надѣловъ) и проч. угодій и какую они за это должны отбывать издѣльную повинность на помѣщика или платить оброкъ.

4) *Тягло*—душевой земельный надѣлъ отъ 1 до 12 десятинъ на душу. При Годуновѣ съ казенныхъ крестьянъ взимали государственной подати 60 р. въ годъ съ *выти* (участокъ земли 19 дес. на 8 человѣкъ) хлѣбомъ, а съ сохъ деньгами. За усадьбу отъ 1 руб. 50 к. до 3 руб. 50 к. съ ревизской души. *Тягло*—мужъ съ женой или семья; въ крестьянствѣ, доколѣ мужикъ, по лѣтамъ своимъ и по здоровью, числится тяглымъ, всякая раскладка идетъ по тягламъ, либо по душамъ, считая двѣ души на семью, на тягло. Иногда міръ накладывалъ тягла на зажиточныхъ и торговыхъ крестьянъ, хотя бы они отъ земли отказывались. Встарь тягломъ звали и всякую прямую подать.

«Въ 18 лѣтъ жениться, чтобы на тягло садиться. Не тяжело свое тягло, а какъ два потянешь, такъ устанешь. Безъ ногъ на печи, безъ рукъ въ зыбкѣ, да третій покойникъ—тягло! Постылое тягло на міръ полегло,—лишнее, котораго никто не беретъ на себя».

5) *Оброкъ*—плата, вносимая помѣщику крестьянами, отправлявшимися на заработки въ другіе города; лица, выплачивавшія деньги вмѣсто барщины, назывались оброчными. Правомъ перехода на оброкъ пользовались только тѣ дворы, на которыхъ не было ни казенныхъ ни помѣщичьихъ недоимокъ.

Барщина или *панщина*—издѣльная повинность, работа крестьянъ на помѣщика; размѣры, а также свойства ея были различны по разнымъ мѣстностямъ. Обыкновенно барщина состояла въ 3-хъ рабочихъ дняхъ въ недѣлю, когда крестьяне обязаны были обрабатывать помѣщичьи земли и выполнять разныя другія работы по росписанію помѣщика. За десятину 20 дней барщины (въ году считалось: 230 мужскихъ и 115 женскихъ рабочихъ дней). Дворовые же обязаны были нести службу въ теченіе 6 дней въ недѣлю. Въ Малороссіи во времена Богдана Хмельницкаго у польскихъ пановъ крестьянинъ отбывалъ панщину, отдавалъ дѣтей своихъ въ дворовую службу, трижды въ годъ доставлялъ своему владѣльцу натурой зерно, всякую живность, со всего имущества (быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ) отда-

вали десятую часть; кромѣ того, это же имущество было обложено еще всевозможными пошлинами: *очковое* платилось съ каждаго улья, *рогатое* — съ каждаго вола, *ставщина*—за право ловить рыбу, *спасное* — за право пасти скотъ, *жолудное*—за право собирать жолуди, *сухомельщина*—за помолъ муки; *дудокъ* платился при рожденіи ребенка, *поемщизна*—при женитьбѣ сына или выдачѣ замужъ дочери и т. д.

«На барщину иду—на солнышко гляжу: не пора ли домой? Нужда учитъ, а барщина мучитъ. Ты мнѣ тошнѣй барщины. Бредетъ нога по ногу, словно на барщину. На себя работа не барщина. Барщинные дни ведрые, крестьянскіе ненастные (о произволѣ барскомъ при нарядахъ)».

6) *Подушная подать* установлена была съ 1724 года по 80 коп. съ ревизской души, но въ послѣднее время возрасла до 3 рублей. Отмѣнена въ 1886 году.

7) *Выкупъ*—пріобрѣтеніе въ собственность крестьянами поземельнаго надѣла съ содѣйствіемъ правительства; это содѣйствіе выражалось въ томъ, что правительство ссудило крестьянамъ подъ пріобрѣтенныя ими земли опредѣленную сумму $^3/_4$ или $^4/_5$ всей суммы съ разсрочкой уплаты на 49 лѣтъ по 6 коп. съ рубля (статья 115 и слѣдующія Положенія о выкупѣ), а остальную часть приплачивали крестьяне, и само взыскиваетъ слѣдуемые съ нихъ платежи, выдавъ помѣщику всю сумму стоимости выкупаемаго участка земли. Выкупать свой надѣлъ имѣетъ право всякое крестьянское общество и всякій крестьянинъ по уплатѣ недоимки, либо на основаніи добровольнаго соглашенія сторонъ или по правиламъ на этотъ случай установленнымъ. По законномъ утвержденіи выкупной сдѣлки, всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами прекращаются, и послѣдніе становятся крестьянами-собственниками. Завѣдываніе выкупною операціей въ государствѣ возложено на выкупное учрежденіе, состоящее подъ вѣдѣніемъ министра финансовъ, а въ губерніяхъ—на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Закономъ 20 мая 1885 г. установленъ обязательный выкупъ для всѣхъ крестьянъ. (См. особое приложеніе къ т. IX зак. о сост. Положеніе о выкупѣ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Стр.

Слова трехъ императоровъ 3
Народный памятникъ 5
Очеркъ закрѣпощенія и освобожденія крестьянъ:
Глава I 9
» II 13
» III 18
» IV 20
» V 26
» VI 30
» VII 37
» VIII 49

ЧАСТЬ II.

Крестьянскія знаменитости 62
Случаи народной смѣтливости и находчивости 80
Біографіи (жизнеописанія):
Воронихинъ, Андрей Никифоровичъ, строитель Казанскаго собора въ Петербургѣ 85
Дежневъ, Семенъ, мореплаватель 86
Демидовъ, Никита Антуфьевичъ 90
» Акинфій Никитичъ 94
» Прокопій Акинфіевичъ 95
» Павелъ Павловичъ, кн. Санъ-Донато . . . . . —
Елистратовъ, Петръ Николаевичъ, кустарь игрушекъ . . . 98
Ермакъ, Василій Тимоѳѣевичъ, покоритель Сибири 99
Жуковъ, Василій Григорьевичъ, табачный фабрикантъ . . . 100
Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ, народный поэтъ 101
Кокоревъ, Василій Александровичъ, откупщикъ-милліонеръ. 106
Костровъ, Ермилъ Ивановичъ 107
Крашенинниковъ, Михаилъ Ивановичъ 108
Кулибинъ, Иванъ Петровичъ, механикъ-самоучка 111
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, поэтъ и ученый 113
Князь Меншиковъ, Александръ Даниловичъ 117
Мининъ-Сухорукъ, Козьма Захарьевичъ, мужъ вѣчно памятный русской землѣ 122
Михайловъ, Антонъ Родіоновичъ 128
Никитинъ, Иванъ Саввичъ, поэтъ 129
Никонъ, патріархъ 134
Петровъ, Дмитрій, самоучка-механикъ 140

Стр.

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, историкъ, знатокъ древностей и журналистъ 141
Посошковъ, Иванъ Тихоновичъ, бытописатель и экономистъ 144
Графъ Разумовскій, Алексѣй Григорьевичъ 148
» » Кирилъ Григорьевичъ 149
Сковорода, Григорій Саввичъ, украинскій философъ-проповѣдникъ 151
Солнцевъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, художникъ—изобразитель древностей 161
Сусанинъ, Иванъ Осиповичъ 169
Сѣряковъ, Лаврентій Аксеновичъ, граверъ-академикъ 176
Телушкинъ, Петръ 181
Хмельницкій, Богданъ-Зиновій, гетманъ Малороссіи 186
Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ, народный поэтъ 189
Шишкинъ, В. И., коннозаводчикъ 199
Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ, великій артистъ . . . . . —

Приложенія:

1) Указъ 21 ноября 1597 г 202
2) Манифестъ 5 апрѣля 1797 г . . . . . —
3) Указъ 20 февраля 1803 г 203
4) » 2 апрѣля 1842 г 205
5) Высочайшій Указъ о приведеніи крестьянъ къ присягѣ 207
6) Высочайшій манифестъ о вступленіи на престолъ Императора Александра III 208
7) Извлеченіе изъ Устава Крестьянскаго Поземельнаго Банка 209
Манифестъ 19 февраля 1861 года 213
Примѣчанія 219

РИСУНКИ:

Народный памятникъ въ Москвѣ.
Чтеніе манифеста въ церкви.
Каразинъ у императора Александра I.
Русскіе крестьяне благодарятъ императора Александра II за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.
Чтеніе манифеста на площади Зимняго дворца.
Плаваніе Дежнева.
Семенъ Дежневъ съ товарищами переправляетъ собранный государевъ ясакъ.
Тульскіе кузнецы Демидовы просятъ Петра Великаго о пожалованіи имъ земли на Уралѣ.
Зданіе университета въ Москвѣ.
Меншиковъ въ ссылкѣ.
Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.
Бурлаки на Волгѣ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ.
Смерть Сусанина.
Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ.
Крестьянинъ Петръ Телушкинъ на шпицѣ Петропавловскаго собора.
Хмельницкій собралъ въ городѣ Переяславѣ большую раду.
Памятникъ Богдану Хмельницкому.

ПОРТРЕТЫ:

Рюрикъ.
Владиміръ Святой.
Ярославъ Мудрый.
Князь Владиміръ Мономахъ.
Великій князь Дмитрій Донской.
Іоаннъ Грозный.
Іоаннъ III.
Ѳеодоръ Іоанновичъ.
Петръ Великій.
Елизавета Петровна.
Екатерина II.
Императоръ Павелъ Петровичъ.
Императоръ Александръ I.
Императоръ Николай I.
Императоръ Александръ II. (Царь-Освободитель).
Императоръ Александръ III.
Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.
Демидовъ.
Ермакъ, покоритель Сибири
А. В. Кольцовъ.
И. П. Кулибинъ.
Ломоносовъ.
Князь Меншиковъ.
Мининъ и Пожарскій.
И. С. Никитинъ.
Патріархъ Никонъ.
М. П. Погодинъ.
Г. С. Сковорода.
Ѳ. Г. Солнцевъ.
Л. А. Сѣряковъ.
Т. Г. Шевченко.
М. С. Щепкинъ.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Nezabvennoe proshloe : 19 feva
323.33 V519N
D90078918%